This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

This is an authorized facsimile
of the original book, printed
by microfilm-xerography
on acid-free paper.

UNIVERSITY MICROFILMS INTERNATIONAL
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
London, England
1978

Grigorovich, Ivan Ivanovich

ЗАПИСКИ

ПО

НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ.

(1815—1856).

СОСТАВИЛЪ Grigorovich

ИВ. ГРИГОРОВИЧЪ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ВЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

Вас. Остр., 8 линія, № 48.

1868.

D35°
G74
1.2

D383
.G78

ЗАПИСКИ

ПОЛЬСКИЙ ПАТРИОТ.

(1812—1820).

ИЗ ПРИГОВОРНЕЙ.

ПЕРЕВОД ЗОРИЧА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Глава XI.

Возстаніе поляковъ въ 1830 и 1831 годахъ.

Вліяніе іюльской революціи и ея послѣдствія отразились не только въ Бельгіи, но и въ Польшѣ. Въ ноябрѣ 1830 г. вспыхнуло въ Польшѣ возстаніе, съ цѣлью достигнуть политической независимости и самостоятельнаго существованія. 27 августа 1831 года возмущеніе было подавлено. Польша за свою попытку заплатила потерею конституціи, замѣненной Органическимъ Статутомъ, точнѣе опредѣлившимъ отношенія Царства Польскаго къ Россіи.

Польша потеряла свою самостоятельность въ 1794 г., когда послѣдовалъ 3-й окончательный раздѣлъ ея территорій между Россіею, Австріею и Пруссіею. Надежды на возстановленіе независимости возлагали поляки на Наполеона, въ рядахъ войска котораго они усердно сражались и съ помощію котораго они успѣли дѣйствительно достигнуть нѣкоторой тѣни своихъ ожиданій. Въ 1807 году, при заключеніи Тильзитскаго мира, было положено начало возстановленію Польши: изъ земель отнятыхъ отъ Пруссіи было образовано, такъ называемое, Варшавское герцогство и подчинено верховной власти Саксонскаго короля. Съ этихъ поръ благодарность поляковъ къ Наполеону была безпредѣльна; они считали его своимъ избавителемъ и съ полною увѣренностію ожидали отъ него безусловнаго осуществленія всѣхъ своихъ надеждъ. Наполеонъ съумѣлъ воспользоваться ихъ одушевленіемъ и под-

держивалъ его новыми обѣщаніями и увеличеніемъ земель Варшавскаго герцогства. Такъ въ 1809 г. по Шенбрюнскому миру къ герцогству была присоединена большая часть Галиціи, отнятой отъ Австріи. Въ 1812 году, поляки, воодушевляемые надеждою возстановить свое отечество подъ покровительствомъ Наполеона, выставили армію въ 80 т. и, соединившись съ французами, вступили въ предѣлы Россіи. Но надежды ихъ неосуществились: Императоръ Александръ, изгнавъ враговъ изъ предѣловъ отечества, въ 1813 году перенесъ войну въ Германію; Варшавское герцогство было завоевано почти мимоходомъ. Всѣ народы Европы соединились съ Императоромъ Александромъ въ одну коалицію, чтобы положить конецъ завоевательнымъ стремленіямъ Франціи: только одни поляки оставались постоянными союзниками Наполеона до конца кампаніи 1814 года. Право возмездія принадлежало теперь Императору Александру, и онъ могъ жестоко наказать поляковъ за сочувствіе ихъ къ общему врагу Европы. Но съ свойственнымъ ему великодушіемъ, онъ даровалъ имъ амнистію, а для Варшавскаго герцогства назначилъ временное правительство, составленное частію изъ поляковъ, частію изъ русскихъ. «Какъ побѣдитель, я возстановлю Польшу, потому что это согласно съ моими личными желаніями и съ выгодами моего государства. Я знаю, что я встрѣчу много затрудненій, но надѣюсь успѣть въ моемъ намѣреніи,» сказалъ Императоръ въ Вильнѣ графу Огинскому и другимъ полякамъ и литовцамъ, явившимся просить пощады за союзъ съ Наполеономъ. На Вѣнскомъ конгрессѣ первоначально проэктировали возвратить Польшу въ тотъ внѣшній видъ, который она имѣла до 1807 г., и на основаніи прежнихъ трактатовъ подѣлить ея владѣнія между Россіею, Австріею и Пруссіею; но Императоръ Александръ не соглашался съ этимъ проэктомъ и потребовалъ въ вознагражденіе Россіи, больше другихъ державъ содѣйствовавшихъ низложенію Наполеона, всего Варшавскаго герцогства. Первоначально его намѣренія клонились къ тому, чтобы возстановить прежнее Польское

государство и въ качествѣ конституціоннаго монарха стать въ главѣ его. Но опасенія за усиленіе Россіи и интриги, поднятыя на конгрессѣ Меттернихомъ и Талейраномъ и едва не обратившія конгрессъ въ общую европейскую войну, уничтожили намѣренія Императора: онъ согласился уступить Австріи и Пруссіи нѣкоторыя части герцогства. Такимъ образомъ изъ нѣкоторыхъ областей Варшавскаго герцогства образовалось Царство Польское (*). Никѣмъ непобуждаемый и никѣмъ необязываемый, Александръ далъ Царству конституцію, построенную на либеральныхъ началахъ. Въ заключительномъ актѣ Вѣнскаго конгресса, гдѣ всѣ трактаты были соединены вмѣстѣ, сказано: «Варшавское герцогство, за исключеніемъ нѣкоторыхъ областей и округовъ, присоединяется къ Россійской Имперіи. Оно будетъ безвозвратно соединено съ нею на вѣчное владѣніе Его Императорскаго Величества и его наслѣдниковъ и преемниковъ. Его Императорское Величество *оставляетъ за собою право* предоставить этому государству, пользующемуся особой администраціей, такое очертаніе границъ и національныя установленія, которыя сочтетъ полезными и приличными (jugerait utile et convenable de leur accorder).

Какъ только окончательно состоялась уступка Варшавскаго герцогства Россіи, Императоръ назначилъ коммиссію изъ поляковъ для начертанія конституціи. Подъ предсѣдательствомъ графа Островскаго былъ составленъ проэктъ конституціи; 12 (24) декабря 1815 (день рожденія государя) конституція была уже обнародована. Новая конституція была во многомъ сходна съ учредительною хартіею, данною Людовикомъ XVIII, но она имѣла, при этомъ сходствѣ, многія преимущества по отношенію къ муниципальнымъ и провинціальнымъ учрежденіямъ (см. выше гл. IV). Въ конституціи обозначены власть монарха, двухъ камеръ, отвѣтственныхъ министровъ и независимыхъ судовъ. Сенатъ и камера депу-

(*) Окончательное соглашеніе между государствами относительно Варшавскаго герцогства было подписано (24 статьи) 11 (23) февраля 1815 г.

татовъ раздѣляли съ монархомъ законодательную власть: члены сената, числомъ на половину менѣе второй камеры, состояли изъ епископовъ, воеводъ, кастеляновъ, назначаемыхъ пожизненно государемъ; вторая камера состояла изъ 77 представителей отъ поземельнаго дворянства и 51 депутатовъ отъ городовъ и общинъ (всего 128 человѣкъ). Депутаты должны быть не моложе 30 лѣтъ, сенаторы—35 лѣтъ; первые должны платить только 100 польскихъ злотыхъ (= около 15 р. сереб.) прямыхъ податей; вторые—2000 злотыхъ. Избирателемъ могъ быть каждый собственникъ, достигшій 21 года. Сеймъ долженъ быть созываемъ каждые два года на четыре недѣли, для разсужденія о предлагаемыхъ правительствомъ проэктахъ законовъ. Исполнительная власть находилась въ рукахъ царя и пяти отвѣтственныхъ министровъ; министры составляли подъ предсѣдательствомъ намѣстника царства совѣтъ управленія, а вмѣстѣ съ государственными совѣтниками и государственными секретарями—общее собраніе Государственнаго Совѣта, въ которомъ должны были составляться проэкты законовъ. Въ главѣ управленія воеводствъ былъ совѣтъ воеводы: въ немъ засѣдали члены отъ дворянства и отъ городскаго сословія. Сверхъ того, города имѣли, по собственному избранію, особое муниципальное управленіе, общины—старшинъ, поземельное дворянство—своихъ марталовъ (предводителей). Замѣтно, что при составленіи этой конституціи имѣлось въ виду—согласить старинныя учрежденія Польши и конституцію 3 мая (1791 г.) съ новѣйшими понятіями о конституціонномъ правленіи вообще.

Съ началомъ русскаго господства въ Польшѣ, въ ней поднялось и внутреннее благосостояніе; ни въ какое другое время Польша не находилась на такой степени матеріальнаго благосостоянія и богатства. «Никогда Польша не была такъ счастлива, говоритъ авторъ (полякъ) описанія польской революціи, (*), какъ во времена Александра. Нужно только срав-

(*) Соч. это напечатано въ 1830 г. въ Берлинѣ. См. стр. 80.

нить прошедшее съ настоящимъ, дабы убѣдиться въ справедливости сего. Для Наполеона Варшавское герцогство было военнымъ депо, изъ котораго онъ набиралъ солдатъ для своихъ непрерывныхъ походовъ; торговля, промышленность, благосостояніе гражданъ не процвѣтали въ то время. Польша была нѣчто въ родѣ форпоста Франціи на сѣверѣ Европы. Походъ Наполеона въ Россію окончательно довершилъ истощеніе герцогства и отнялъ у него послѣдніе жизненные соки, уронивъ финансы и подорвавъ кредитъ общественный и частный». Тотъ же самый авторъ и нѣкоторые другіе польскіе писатели (напр. Подчашинскій въ Revue des deux mondes 1832 года, тетрадь IV, стр. 139) такими словами изображаютъ внутреннее состояніи Польши подъ скипетромъ русскимъ: «Черезъ пятнадцать лѣтъ Польша была хорошо организованною промышленною страною, чего не было въ прежнее время. Отечественное законно-учрежденное правительство, во главѣ котораго были мѣстные уроженцы, пеклось о благосостояніи страны и о развитіи всѣхъ сословій общества. Кредитъ былъ пробужденъ и учрежденіе банковъ даровало промышленности новую жизнь. Города Польши соревновали съ германскими въ промышленной дѣятельности; войска и чиновники имѣли обезпечивающее ихъ содержаніе; бѣднымъ людямъ умѣли доставить пріютъ и помощь. Однимъ словомъ, Польша была счастлива во всѣхъ отношеніяхъ.» Чтобы предотвратить подозрѣніе въ пристрастіи этихъ отзывовъ польскихъ писателей о благосостояніи ихъ родины подъ властію Россіи, можно привести слѣдующія статистическія данныя: въ 1788 г. доходы Польши заключались въ 80 мил. злотыхъ (= 13½ мил. талеровъ), а съ 1816 года они достигали болѣе чѣмъ до 100 мил. злотыхъ (16⅔ мил. прус. талеровъ), несмотря на то, что царство Польское въ 1816 г. составляло едва пятую часть тогдашняго пространства; народонаселеніе царства въ 1815 г. состояло изъ 2½ мил. жителей, въ 1830 г. 4 мил. Правительство русское не ограничило своихъ заботъ о полякахъ только поднятіемъ матеріальнаго благосостоянія, оно

обратило вниманіе также на умственные и нравственные интересы народа: въ Варшавѣ возникъ университетъ, профессора котораго могли соревновать съ профессорами университетовъ заграничныхъ; основаны были двѣ военныя академіи въ Варшавѣ и Калишѣ; правительство русское, кромѣ того, давало денежныя вспомоществованія для заведенія частныхъ пансіоновъ; въ Маримонтѣ была основана школа земледѣлія и сельскаго хозяйства; въ Варшавѣ учрежденъ женскій институтъ. Науки и искусства развились съ такою силою, что безъ преувеличенія можно сказать, что никогда Польша не имѣла столькихъ ученыхъ и писателей по различнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній, какъ подъ властію Россіи. По словамъ Смитта (*), «Польша, продолжая идти по этому пути, скоро забыла бы двѣсти лѣтъ своей анархіи и стала бы на ряду съ образованнѣйшими государствами Европы, но вспыхнувшая революція быстро уничтожила всѣ разцвѣтшіе посѣвы, и на много лѣтъ отбросила Польшу назадъ».

Поляки не умѣли оцѣнить милостей, дарованныхъ имъ конституціею и поднятіемъ ихъ внутренняго благосостоянія на высшую степень процвѣтанія. Поляки недовольны были тѣмъ, что получили и требовали еще бо̀льшаго; они хотѣли, чтобы Государь отдѣлилъ отъ Россіи Бѣлоруссію, Литву, Волынь и Подолію и присоединилъ ихъ къ Польшѣ. Поляки утверждали, что государь далъ имъ конституцію съ тайною мыслію никогда невыполнять ее: они старались выставить дѣло такъ, что будто бы Императоръ былъ вынужденъ и обязанъ Вѣнскимъ конгрессомъ возстановить Польшу и дать ей особенную конституцію, но давши разъ конституцію, онъ постановилъ себѣ тайною задачею никогда не выполнять ее. Ошибочность мнѣнія недовольныхъ поляковъ видна уже изъ того, что еще въ 1813 г., слѣдовательно за 2 года до конгресса, Императоръ имѣлъ намѣреніе дать Польшѣ либеральныя учрежденія чтобы успокоить ее; въ 1815 году онъ далъ

(*) Исторія Польскаго возстанія. Т. I, стр. 70.

имъ конституцію въ *видѣ опыта*, что самъ неоднократно и повторялъ полякамъ.

17 (29) Ноября 1815 состоялось назначеніе намѣстника (*) и министровъ, которые (числомъ шесть) образовали, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, совѣтъ управленія царства; какъ сочленъ къ нимъ былъ назначенъ тайный совѣтникъ Новосильцевъ съ титуломъ уполномоченнаго императорскаго комиссара; онъ долженъ былъ служить представителемъ русскаго правительства при взаимномъ столкновеніи интересовъ царства и Имперіи; великій князь Константинъ Павловичъ не принималъ сначала никакого участія въ управленіи царствомъ, но только стоялъ во главѣ польской арміи. Въ первые два года не возникало никакихъ жалобъ, не слышно было ни о какихъ безпорядкахъ. 17 (27) Мая 1818 г. Императоръ Александръ лично открылъ сеймъ рѣчью, которая заканчивалась слѣдующими словами: «докажите теперь свѣту, что эти учрежденія не есть опасное обольщеніе, что будучи примѣнены къ дѣлу съ чистосердечіемъ и хорошимъ намѣреніемъ, онѣ могутъ согласоваться съ порядкомъ и послужить основаніемъ къ истинному благоденствію народа». Но сеймовые депутаты не оправдали ожиданій Императора и въ своихъ замѣчаніяхъ, представленныхъ ими Государственному Совѣту, прямо и рѣзко порицали правительство и министровъ. Полякамъ хотѣлось возвратить времена Рѣчи Посполитой, когда вся власть государственная находилась въ рукахъ сейма, и когда сеймъ имѣлъ право контроля надъ государемъ и министрами. Новый сеймъ, созванный на 1 (13) сентября 1820 г., дѣйствовалъ явно въ духѣ оппозиціи: онъ отвергъ проэктъ уголовнаго судопроизводства (большинствомъ 120 голосовъ противъ 3) преимущественно потому, что въ немъ не былъ допущенъ судъ присяжныхъ. Этотъ сеймъ окончательно разрушилъ хорошія отношенія между Государемъ и его польскими подданными. Съ этихъ поръ тайныя общества и заговоры сдѣлались многочисленны. Съ

(*) Первымъ намѣстникомъ былъ генералъ Зайончекъ.

каждымъ днемъ открывались новые признаки тайныхъ козней и революціонныхъ приготовленій. Правительство усилило мѣры предосторожности; а революціонеры, считая подобныя мѣры за униженіе и преслѣдованія, раздражались еще болѣе и усерднѣе вели свою работу. Только черезъ пять лѣтъ послѣ 2-го сейма былъ собранъ третій сеймъ 1 (13) мая 1825, замедлившійся по поводу несогласій Россіи съ Портою. Предварительно изданъ былъ «Дополнительный Актъ" (февр. 1825 г.), по которому уничтожалась публичность сеймовыхъ совѣщаній. Актъ этотъ возбудилъ противъ себя цѣлую бурю возгласовъ, распространившись по всему свѣту, что Россія нарушаетъ польскую конституцію, что всѣ державы, подписавшія Вѣнскіе трактаты, должны вступиться и отмстить за униженіе поляковъ. Но, благодаря энергической, исполненной царскаго достоинства, рѣчи Императора, сеймъ кончился благополучно, безъ волненій, и всѣ предложенные проэкты законовъ были приняты.

Въ ноябрѣ 1825 г. Императоръ Александръ I скончался въ Таганрогѣ. По волѣ его и законоположенію о порядкѣ престолонаслѣдія, послѣ отреченія Константина Павловича (см. гл. V), вступилъ на престолъ братъ его Николай I. Военный мятежъ въ Петербургѣ, имѣвшій цѣлью ниспровергнуть существовавшій порядокъ, былъ усмиренъ. Изъ признаній захваченныхъ заговорщиковъ оказалось, что они поддерживали связь съ тайными обществами въ Польшѣ, имѣвшими своею цѣлью возстановленіе прежняго польскаго королевства.

ныя общества.

Начало первыхъ патріотическихъ обществъ, стремившихся къ возстановленію Польши, относится ко времени долгаго сейма 1788—1792 г. Послѣ окончательнаго раздѣла Польши, эти патріотическія общества сдѣлались тайными обществами, въ которыхъ принимали участіе важные и вліятельныя лица Кн. Чарторижскій (*), Колентай, Чацкій и нѣкоторыя другія

(*) Бывшій нѣкоторое время русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и потомъ кураторомъ (попечителемъ) Виленскаго университета

личности. Они думали доставить самобытность своей «ойчизнѣ» посредствомъ особой системы воспитанія, которое должно было сообщить молодому поколѣнію не общую любовь къ ихъ новому отечеству, но любовь къ давно погибшему королевству. Они не думали остановиться на этомъ — они мечтали полонизировать весь западно-русскій край, т. е. заглушить въ немъ русскую національность. Чарторижскій работалъ надъ такимъ воспитаніемъ въ сѣверныхъ областяхъ западнаго края, а Чацкій въ южныхъ, гдѣ на собственныя средства основалъ гимназію въ Кременцѣ (впослѣдствіи и лицей) и 120 школъ на Волыни, Украйнѣ и Подоліи. Къ 1807 г., или ко времени основанія Варшавскаго герцогства, эти тайныя общества пришли въ упадокъ. Но, начиная съ 1814 и по 1830 годъ число ихъ значительно увеличилось. Такъ въ 1814 году образовалось тайное общество, члены котораго назывались «настоящими поляками», и имѣли цѣлію не только достиженіе самобытности національной, но и распространеніе республиканскихъ идей въ народѣ; въ 1817 г. съ такою же цѣлью сформировалось тайное общество при Варшавскомъ университетѣ, подъ названіемъ «вольныхъ поляковъ»; оно издавало для возбужденія народа и въ особенности учащейся молодежи журналъ подъ названіемъ «Польская декада»; въ 1819 г. маіоръ Лукашинскій основалъ «національное общество свободныхъ массоновъ»; цѣль его заключалась въ томъ, чтобы связать массонство съ національными интересами, или правильнѣе сказать, подъ прикрытіемъ массонства преслѣдовать политическіе виды не только въ самомъ Царствѣ, но и во всѣхъ прежнихъ польскихъ провинціяхъ: въ великой Польшѣ, Галиціи и Литвѣ. Первая массонская ложа была основана въ Познани и черезъ посредство генерала Уминскаго она вошла въ сношенія съ Варшавскою и остальными ложами массоновъ, основанными въ другихъ мѣстностяхъ царства. Члены ихъ первоначально назывались коссиньерами, т. е. жнецами, а потомъ уже они приняли названіе «патріотовъ». Кромѣ названныхъ обществъ, стремившихся къ одной цѣли—

подготовить общее возстаніе противъ русскихъ, образовались многіе другіе, какъ напр. «Друзья», «Полонія», «Проминисты» и др. Съ такою же цѣлью появилась «патріотическая партія» въ Литвѣ. Во главѣ ея стоялъ профессоръ исторіи Виленскаго Университета Іоахимъ Лелевель. Воспитанный въ идеяхъ рѣчи посполитой, онъ хотѣлъ развить таковыя же и въ своихъ слушателяхъ, воображеніе которыхъ онъ умѣлъ распалять своимъ краснорѣчивымъ словомъ, восхваляя давнопрошедшія времена отчизны. Къ 1823 году всѣ эти отдѣльныя общества слились въ общій патріотическій союзъ, члены котораго разсѣяны были по всему пространству прежняго Польскаго королевства.

Правительство было вынуждено прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ для противодѣйствій заговорщикамъ. Еще 6 ноября 1821 года послѣдовало повелѣніе намѣстника, воспрещающее всѣ тайныя общества, съ какою бы цѣлію они не составлялись. Повелѣніе, разумѣется, не достигло цѣли, но еще болѣе раздражило злонамѣренныхъ; и потому 8 іюля 1822 правительство назначило «особую коммиссію для изслѣдованія происхожденія, распространенія и цѣли обществъ». Коммиссія скоро напала на слѣды и арестовала многихъ подозрительныхъ лицъ, которые на слѣдствіи показали, что они имѣли намѣреніе низвергнуть существующій порядокъ вещей, ввести конституцію 3 мая (1791 г.) и выжидали для исполненія своихъ замысловъ болѣе удобнаго времени, когда Россія будетъ занята войною съ Турціею. Государь поручилъ произнесеніе приговора польскому сенату, который и собрался подъ предсѣдательствомъ гр. Станислава Замойскаго. Обвиненные были оправданы и освобождены, что, разумѣется, не мало поощряло и дальнѣйшія дѣйствія тайныхъ обществъ. Таково было положеніе дѣлъ въ Польшѣ, когда Россія въ 1828 г. начала трудную войну съ Портою. Уснувшія надежды заговорщиковъ воскресли: ожидаемое время настало; и дѣйствительно, волненія сдѣлались сильнѣе въ особенности между университетскою и военною молодежью, гре-

зившею подъ вліяніемъ стихотвореній поэта Нѣмцевича и историка Лелевиля о древнемъ величіи и блескѣ Рѣчи Посполитой. Изъ молодыхъ офицеровъ и воспитанниковъ военныхъ школъ подпоручикъ Высоцкій, успѣлъ сформировать тайное общество, которое, при всей своей ничтожности, раньше другихъ открыло начало возстанія.

Подстрекаемые успѣхами Іюльской революціи во Франціи и Бельгіи и надѣясь найти поддержку въ городскихъ жителяхъ, которымъ говорили, что войско готово къ возстанію, вечеромъ 17 ноября 1830 г. воспитанники военныхъ школъ и вышедшіе офицеры, подъ предводительствомъ Высоцкаго бросились на Беньведеръ (*), съ цѣлью взять въ плѣнъ и умертвить великаго князя, потомъ завладѣть престоломъ и обезоружить русскія войска.

Дѣйствительно, имъ удалось умертвить близкихъ къ великому князю особъ и захватить арсеналъ; но самъ цесаревичъ успѣлъ удалиться къ войску. Между тѣмъ, какъ вокругъ великаго князя стали собираться преданныя ему войска, въ городѣ начали происходить смятенія и неистовства: въ темнотѣ ночи, освѣщаемой пожарами, заговорщики сновали по улицамъ, призывали народъ къ оружію, указывая дорогу къ арсеналу и крича, что русскіе жгутъ городъ и хотятъ истребить всѣхъ поляковъ. Къ бѣгущимъ толпамъ народа приставали и польскія войска, несмотря на увѣщанія командира польской пѣхоты (Станислава Потоцкаго); дорого онъ заплатилъ за намѣреніе возвратить своихъ солдатъ къ долгу и присягѣ: онъ былъ сорванъ съ лошади и растерзанъ толпою. Къ сожалѣнію, великій князь поддался коварному совѣту своего адъютанта графа Замойскаго, увѣрившаго его, что смятеніе на улицахъ произошло «отъ ошибочнаго мнѣнія народа и войска, будто русскіе напали на поляковъ и умерщвляли ихъ, и дабы укротить это смятеніе, лучше всего невмѣшательствомъ русскихъ доказать имъ не-

(*) Загородный дворецъ великаго князя Константина Павловича.

основательность этой клеветы». Великій князь дѣйствительно удержалъ свои войска отъ энергическихъ дѣйствій и выступилъ, по совѣту Замойскаго, въ деревню Виржбу; такимъ образомъ столица окончательно перешла въ руки бунтовщиковъ, а на слѣдующій (18 ноября) возстаніе приняло огромные размѣры. Ночью, князь Любецкій (министръ финансовъ) собралъ членовъ административнаго совѣта, въ который пригласилъ также постороннихъ вліятельныхъ лицъ и предложилъ имъ вступить въ мирные переговоры съ великимъ княземъ. Депутаты отъ административнаго совѣта (кн. Чарторижскій, гр. Любецкій, Лелевель и гр. Островскій) явились въ Виржбу и послѣ разныхъ объясненій потребовали уступки прежде бывшихъ польскихъ областей. Изумленный такимъ страннымъ требованіемъ, великій князь отвѣчалъ: «Я не уполномоченъ моимъ братомъ договариваться объ этомъ предметѣ»; за тѣмъ онъ приказалъ объявить депутатамъ, что онъ отступаетъ и предоставляетъ самимъ полякамъ согласить свои недоразумѣнія. Русскія войска дѣйствительно вышли изъ польскихъ предѣловъ и тѣмъ развязали руки революціонерамъ, а у людей умѣренныхъ и преданныхъ русскому интересу отнята была такимъ распоряженіемъ послѣдняя энергія. Главнокомандующимъ надъ польскими возставшими войсками сдѣланъ былъ генералъ Хлопицкій, который какъ бы предчувствовалъ гибельный исходъ возстанія и много возлагалъ надежды на миролюбивые переговоры съ цесаревичемъ. Но «Патріотическое Общество» съ своимъ предсѣдателемъ Іоахимомъ Лелевелемъ воспротивилось этимъ благоразумнымъ предложеніямъ главнокомандующаго и требовало войны съ Россіею и возсоединенія Литвы, Польши и Подоліи съ Польшею. Оно дѣйствовало посредствомъ своей газеты «Патріотъ», раздаваемой безденежно народу и увѣряя его, что Россія находится въ затруднительномъ положеніи и что дѣло освобожденія родины должно вполнѣ удаться при готовности Франціи, Англіи и Австріи поддержать польскую независимость.

Между тѣмъ, въ самомъ польскомъ лагерѣ и среди чле-

знившею подъ вліяніемъ стихотвореній поэта Нѣмцевича и историка Лелевиля о древнемъ величіи и блескѣ Рѣчи Посполитой. Изъ молодыхъ офицеровъ и воспитанниковъ военныхъ школъ подпоручикъ Высоцкій, успѣлъ сформировать тайное общество, которое, при всей своей ничтожности, раньше другихъ открыло начало возстанія.

Подстрекаемые успѣхами Іюльской революціи во Франціи и Бельгіи и надѣясь найти поддержку въ городскихъ жителяхъ, которымъ говорили, что войско готово къ возстанію, вечеромъ 17 ноября 1830 г. воспитанники военныхъ школъ и вышедшіе офицеры, подъ предводительствомъ Высоцкаго бросились на Беньведеръ (*), съ цѣлью взять въ плѣнъ и умертвить великаго князя, потомъ завладѣть престоломъ и обезоружить русскія войска.

Дѣйствительно, имъ удалось умертвить близкихъ къ великому князю особъ и захватить арсеналъ; но самъ цесаревичъ успѣлъ удалиться къ войску. Между тѣмъ, какъ вокругъ великаго князя стали собираться преданныя ему войска, въ городѣ начали происходить смятенія и неистовства: въ темнотѣ ночи, освѣщаемой пожарами, заговорщики сновали по улицамъ, призывали народъ къ оружію, указывая дорогу къ арсеналу и крича, что русскіе жгутъ городъ и хотятъ истребить всѣхъ поляковъ. Къ бѣгущимъ толпамъ народа приставали и польскія войска, несмотря на увѣщанія командира польской пѣхоты (Станислава Потоцкаго); дорого онъ заплатилъ за намѣреніе возвратить своихъ солдатъ къ долгу и присягѣ: онъ былъ сорванъ съ лошади и растерзанъ толпою. Къ сожалѣнію, великій князь поддался коварному совѣту своего адъютанта графа Замойскаго, увѣрившаго его, что смятеніе на улицахъ произошло «отъ ошибочнаго мнѣнія народа и войска, будто русскіе напали на поляковъ и умерщвляли ихъ, и дабы укротить это смятеніе, лучше всего невмѣшательствомъ русскихъ доказать имъ не-

(*) Загородный дворецъ великаго князя Константина Павловича.

основательность этой клеветы». Великій князь дѣйствительно удержалъ свои войска отъ энергическихъ дѣйствій и выступилъ, по совѣту Замойскаго, въ деревню Виржбу; такимъ образомъ столица окончательно перешла въ руки бунтовщиковъ, а на слѣдующій (18 ноября) возстаніе приняло огромные размѣры. Ночью, князь Любецкій (министръ финансовъ) собралъ членовъ административнаго совѣта, въ который пригласилъ также постороннихъ вліятельныхъ лицъ и предложилъ имъ вступить въ мирные переговоры съ великимъ княземъ. Депутаты отъ административнаго совѣта (кн. Чарторижскій, гр. Любецкій, Лелевель и гр. Островскій) явились въ Виржбу и послѣ разныхъ объясненій потребовали уступки прежде бывшихъ польскихъ областей. Изумленный такимъ страннымъ требованіемъ, великій князь отвѣчалъ: «Я не уполномоченъ моимъ братомъ договариваться объ этомъ предметѣ»; за тѣмъ онъ приказалъ объявить депутатамъ, что онъ отступаетъ и предоставляетъ самимъ полякамъ согласить свои недоразумѣнія. Русскія войска дѣйствительно вышли изъ польскихъ предѣловъ и тѣмъ развязали руки революціонерамъ, а у людей умѣренныхъ и преданныхъ русскому интересу отнята была такимъ распоряженіемъ послѣдняя энергія. Главнокомандующимъ надъ польскими возставшими войсками сдѣланъ былъ генералъ Хлопицкій, который какъ бы предчувствовалъ гибельный исходъ возстанія и много возлагалъ надежды на миролюбивые переговоры съ цесаревичемъ. Но «Патріотическое Общество» съ своимъ предсѣдателемъ Іоахимомъ Лелевелемъ воспротивилось этимъ благоразумнымъ предложеніямъ главнокомандующаго и требовало войны съ Россіею и возсоединенія Литвы, Польши и Подоліи съ Польшею. Оно дѣйствовало посредствомъ своей газеты «Патріотъ», раздаваемой безденежно народу и увѣряя его, что Россія находится въ затруднительномъ положеніи и что дѣло освобожденія родины должно вполнѣ удаться при готовности Франціи, Англіи и Австріи поддержать польскую независимость.

Между тѣмъ, въ самомъ польскомъ лагерѣ и среди чле-

новъ патріотическаго общества не было единодушнаго согласія; тамъ боролись двѣ партіи: аристократическая (умѣренная),—во главѣ которой стоялъ Адамъ Чарторижскій, — желавшая сохранить связь съ Россіею и конституціонное устройство, и демократическая, требовавшая новаго республиканскаго устройства и возстановленія Польши въ прежнихъ ея предѣлахъ. Вторая партія настаивала на необходимости улучшенія крестьянскаго быта; но аристократы не соглашались на такія пожертвованія. Разладъ между партіями много могъ бы пособить русскимъ войскамъ въ усмиреніи возстанія, если бы они не покинули Варшавы и вообще предѣловъ Польши; съ удаленіемъ русскихъ, досталась бунтовщикамъ и крѣпость Модлинъ, заключавшая въ себѣ огромные хлѣбные запасы, которые дали революціонерамъ возможность вести борьбу съ Россіею. Съ удаленіемъ русскихъ войскъ тотчасъ былъ уничтоженъ административный совѣтъ и образовано временное правленіе (высшій національный совѣтъ). Генералъ Хлопицкій былъ провозглашенъ диктаторомъ (6 декабря); онъ заодно съ умѣренными не терялъ надежды добиться самостоятельности Польши не путемъ кровопролитной войны, но посредствомъ мирныхъ переговоровъ съ русскимъ правительствомъ; тогда какъ Лелевель и его сторонники (демократы) требовали распространенія революціи по Литвѣ и Волыни и наступательнаго движенія къ предѣламъ Россіи.

Для переговоровъ съ Императоромъ отправились въ Петербургъ князь Любецкій и графъ Езерскій; также отправлены были агенты въ Англію и Францію съ просьбою о посредничествѣ. Съ удаленіемъ этихъ двухъ важныхъ сторонниковъ Хлопицкаго, дѣло диктатора было проиграно; партія войны или демократическая взяла верхъ и въ началѣ января 1831 г. Хлопицкій сложилъ съ себя диктатуру. Главнокомандующимъ былъ назначенъ князь Радзивилъ, человѣкъ мало способный на военномъ поприщѣ, но рѣшительный и смѣлый.

Между тѣмъ, депутація отъ Хлопицкаго прибыла въ Петербургъ.

основательность этой клеветы». Великій князь дѣйствительно удержалъ свои войска отъ энергическихъ дѣйствій и выступилъ, по совѣту Замойскаго, въ деревню Виржбу; такимъ образомъ столица окончательно перешла въ руки бунтовщиковъ, а на слѣдующій (18 ноября) возстаніе приняло огромные размѣры. Ночью, князь Любецкій (министръ финансовъ) собралъ членовъ административнаго совѣта, въ который пригласилъ также постороннихъ вліятельныхъ лицъ и предложилъ имъ вступить въ мирные переговоры съ великимъ княземъ. Депутаты отъ административнаго совѣта (кн. Чарторижскій, гр. Любецкій, Лелевель и гр. Островскій) явились въ Виржбу и послѣ разныхъ объясненій потребовали уступки прежде бывшихъ польскихъ областей. Изумленный такимъ страннымъ требованіемъ, великій князь отвѣчалъ: «Я не уполномоченъ моимъ братомъ договариваться объ этомъ предметѣ»; за тѣмъ онъ приказалъ объявить депутатамъ, что онъ отступаетъ и предоставляетъ самимъ полякамъ согласить свои недоразумѣнія. Русскія войска дѣйствительно вышли изъ польскихъ предѣловъ и тѣмъ развязали руки революціонерамъ, а у людей умѣренныхъ и преданныхъ русскому интересу отнята была такимъ распоряженіемъ послѣдняя энергія. Главнокомандующимъ надъ польскими возставшими войсками сдѣланъ былъ генералъ Хлопицкій, который какъ бы предчувствовалъ гибельный исходъ возстанія и много возлагалъ надежды на миролюбивые переговоры съ цесаревичемъ. Но «Патріотическое Общество» съ своимъ предсѣдателемъ Іоахимомъ Лелевелемъ воспротивилось этимъ благоразумнымъ предложеніямъ главнокомандующаго и требовало войны съ Россіею и возсоединенія Литвы, Польши и Подоліи съ Польшею. Оно дѣйствовало посредствомъ своей газеты «Патріотъ», раздаваемой безденежно народу и увѣряя его, что Россія находится въ затруднительномъ положеніи и что дѣло освобожденія родины должно вполнѣ удаться при готовности Франціи, Англіи и Австріи поддержать польскую независимость.

Между тѣмъ, въ самомъ польскомъ лагерѣ и среди чле-

скіе войска на слѣдующее утро готовились къ штурму; но отдано было приказаніе объ отдыхѣ, потому что оттепель, наступившая ночью, помѣшала переходу черезъ Вислу. Столица успокоилась; поляки ободрились, надѣясь подъ предводительствомъ новаго главнокомандующаго Скржинецкаго, выбраннаго на мѣсто Радзивила, поправить безуспѣшное начало задуманнаго дѣла. Скржинецкій началъ свою дѣятельность главнокомандующаго переговорами съ Дибичемъ, но когда послѣдній потребовалъ безусловной покорности, переговоры прекратились и Поляки стали готовиться къ новому бою. Польскій главнокомандующій думалъ воспользоваться невыгоднымъ положеніемъ русскихъ войскъ, растянутыхъ въ видѣ длиннаго кордона по берегамъ Вислы, и, напавъ на генерала Розена, разбилъ его; но несъумѣлъ воспользоваться своею побѣдою и задержать, по совѣту своего начальника штаба (Прондзинскаго), войско Дибича близъ Варшавы. Но при всемъ томъ положеніе русскихъ войскъ было не безопасно: на сѣверѣ волновалась Литва, возбуждаемая центральнымъ революціоннымъ Виленскимъ комитетомъ; шляхта подняла возстаніе, объявляя что временное правительство распространяетъ свою власть на всѣ области, отнятыя русскими, т. е. на Курляндію, Эстляндію, Лифляндію, Смоленскъ, Черниговъ и Кіевъ. Но возстаніе Литвы не было значительно и опасно, потому что самая Вильна, центръ возстанія, была занята русскими войсками послѣ пораженія здѣсь арміи польской, присланной сюда подъ начальствомъ Гелгуда. Такъ же неудачны были и дѣйствія революціонеровъ на Волыни и Подоліи, гдѣ шляхта, побуждаемая тайными обществами и католическими ксендзами поднялась на дѣло отчизны и съ восторгомъ встрѣтила присланнаго изъ царства извѣстнаго польскаго генерала Дверницкаго. Но надежды революціонеровъ на сильное возстаніе въ этой мѣстности были совершенно обмануты. Русскіе крестьяне не только не приставали къ мятежу, но выражали противъ него самое враждебное настроеніе. При томъ, Дверницкому пришлось здѣсь столкнуться съ искуснымъ, опыт-

нымъ русскимъ генераломъ Ридигеромъ, который скоро заставилъ его отступить къ границамъ Галиціи и скрыться въ австрійскихъ владѣніяхъ.

ра въ и Петербургѣ.

Польскій мятежъ потревожилъ Россію въ самое затруднительное, тяжелое время — когда въ ней свирѣпствовала холера. Первые признаки этой повальной болѣзни, родиной которой считаются низменности Индіи, обнаружились въ 1817 г. въ Астрахани. Похитивъ значительное число жертвъ, холера пока ограничилась низовьями Волги и далѣе не распространилась. Черезъ 12 лѣтъ она снова показалась на Оренбургской линіи и за Кавказомъ, на берегахъ р. Куры; отсюда пришла вторично въ Астрахань и быстро пошла по двумъ направленіямъ: съ одной стороны вверхъ по Волгѣ до Ярославля, съ другой по Тереку и Кубану въ Новороссійскій край, Подолію и Бессарабію. Въ половинѣ сентября 1830, холера показалась въ Москвѣ и быстро распространилась по всему городу, несмотря на всѣ предупредительныя мѣры и предосторожности, сдѣланныя по распоряженію военнаго генералъ-губернатора князя Голицына: ни 14-дневный срокъ въ обсерваціонныхъ заставахъ, ни окуриванія проѣзжающихъ и почтовой корреспонденціи, ни медицинскій совѣтъ и другія распоряженія не могли предупредить появленіе эпидеміи въ Москвѣ. Невыразимъ былъ ужасъ народа, когда холера охватила всѣ кварталы города и безъ пощады истребляла и слабыя и сильныя натуры. Въ Москвѣ ожидали страшныхъ послѣдствій; жители заперлись въ домахъ и съ ужасомъ ожидали будущаго; многіе выѣхали изъ города. При первомъ извѣстіи о холерѣ, Государь Императоръ писалъ генералъ-губернатору отъ 24 сентября: «Увѣдомляйте меня съ эстафетою о ходѣ болѣзни. Отъ вашихъ извѣстій будетъ зависѣть мой отъѣздъ. Я пріѣду дѣлить съ вами опасности и труды». Каково было удивленіе и радость Москвичей, когда вслѣдъ за рескриптомъ, распространился слухъ по столицѣ, что «царь въ Москвѣ!» Дѣйствительно, рано утромъ 29 сентября, Государь прибылъ прямо къ Иверскимъ воротамъ

приложился къ иконѣ Божіей Матери; отсюда, окруженный безчисленною толпою и криками «ты нашъ отецъ, мы знали, что ты къ намъ будешь», Императоръ отправился въ Успенскій соборъ, чтобы вмѣстѣ съ народомъ помолиться Всевышнему о спасеніи подданныхъ. При входѣ въ храмъ митрополитъ Филаретъ (*) встрѣтилъ его такими словами: «со крестомъ срѣтаемъ тебя, государь, да идетъ съ тобою воскресеніе и жизнь». Недѣльное пребываніе Государя въ Москвѣ имѣли благодѣтельныя послѣдствія: унылый, упавшій духъ жителей ободрился; во всѣхъ сословіяхъ мѣсто отчаянія заступило живѣйшее соревнованіе на помощь страждущимъ собратіямъ; въ короткій срокъ возникли больницы для зараженныхъ и богадѣльни для призрѣнія бѣдняковъ. Успокоивъ своимъ присутствіемъ Москву, Государь отправился въ Петербургъ, выдержавъ въ Тверскомъ кордонѣ установленный карантинный срокъ, чтобы не занести заразы въ сѣверный край Россіи. (Въ Москвѣ погибла $^1/_{60}$ населенія). Къ веснѣ 1831 г. холера посѣтила Ригу и этимъ путемъ проникла въ Польшу, гдѣ она свирѣпствовала съ страшною силою.

Несмотря на охранительные кордоны, и другія правительственныя распоряженія эпидемія проникла и въ Петербургъ. 14 іюня обнаружились первыя признаки холеры на соймѣ (судно), прибывшей изъ Вытегры. Въ двѣ недѣли зараза до того распространилась, что умирало ежедневно отъ 400 до 500 человѣкъ. Не понимая ни происхожденія, ни свойствъ, ни причинъ болѣзни, простой народъ, подстрекаемый злонамѣренными людьми, распускавшими нелѣпые слухи, что польскіе мятежники и доктора, за-одно съ ними, сыплютъ ядъ въ хлѣбъ и воду, — не хотѣлъ принимать указанныхъ мѣръ предосторожности, и собираясь толпами на улицахъ и площадяхъ останавливалъ прохожихъ, обыскивалъ ихъ, врывался въ больницы, умерщвлялъ тамъ докторовъ и освобождалъ больныхъ, гдѣ, какъ казалось толпѣ, ихъ только мучатъ. Со всѣхъ концовъ города буйная, неразумная

(*) *Скончался 19 ноября 1867 г.*

нымъ русскимъ генераломъ Ридигеромъ, который скоро заставилъ его отступить къ границамъ Галиціи и скрыться въ австрійскихъ владѣніяхъ.

Холера въ Москвѣ и Петербургѣ.

Польскій мятежъ потревожилъ Россію въ самое затруднительное, тяжелое время — когда въ ней свирѣпствовала холера. Первые признаки этой повальной болѣзни, родиной которой считаются низменности Индіи, обнаружились въ 1817 г. въ Астрахани. Похитивъ значительное число жертвъ, холера пока ограничилась низовьями Волги и далѣе не распространилась. Черезъ 12 лѣтъ она снова показалась на Оренбургской линіи и за Кавказомъ, на берегахъ р. Куры; отсюда пришла вторично въ Астрахань и быстро пошла по двумъ направленіямъ: съ одной стороны вверхъ по Волгѣ до Ярославля, съ другой по Тереку и Кубану въ Новороссійскій край, Подолію и Бессарабію. Въ половинѣ сентября 1830, холера показалась въ Москвѣ и быстро распространилась по всему городу, несмотря на всѣ предупредительныя мѣры и предосторожности, сдѣланныя по распоряженію военнаго генералъ-губернатора князя Голицына: ни 14-дневный срокъ въ обсерваціонныхъ заставахъ, ни окуриванія проѣзжающихъ и почтовой корреспонденціи, ни медицинскій совѣтъ и другія распоряженія не могли предупредить появленіе эпидеміи въ Москвѣ. Невыразимъ былъ ужасъ народа, когда холера охватила всѣ кварталы города и безъ пощады истребляла и слабыя и сильныя натуры. Въ Москвѣ ожидали страшныхъ послѣдствій; жители заперлись въ домахъ и съ ужасомъ ожидали будущаго; многіе выѣхали изъ города. При первомъ извѣстіи о холерѣ, Государь Императоръ писалъ генералъ-губернатору отъ 24 сентября: «Увѣдомляйте меня съ эстафетою о ходѣ болѣзни. Отъ вашихъ извѣстій будетъ зависѣть мой отъѣздъ. Я пріѣду дѣлить съ вами опасности и труды». Каково было удивленіе и радость Москвичей, когда вслѣдъ за рескриптомъ, распространился слухъ по столицѣ, что «царь въ Москвѣ!» Дѣйствительно, рано утромъ 29 сентября, Государь прибылъ прямо къ Иверскимъ воротамъ и

приложился къ иконѣ Божіей Матери; отсюда, окруженный безчисленною толпою и криками «ты нашъ отецъ, мы знали, что ты къ намъ будешь», Императоръ отправился въ Успенскій соборъ, чтобы вмѣстѣ съ народомъ помолиться Всевышнему о спасеніи подданныхъ. При входѣ въ храмъ митрополитъ Филаретъ (*) встрѣтилъ его такими словами: «со крестомъ срѣтаемъ тебя, государь, да идетъ съ тобою воскресеніе и жизнь». Недѣльное пребываніе Государя въ Москвѣ имѣли благодѣтельныя послѣдствія: унылый, упавшій духъ жителей ободрился; во всѣхъ сословіяхъ мѣсто отчаянія заступило живѣйшее соревнованіе на помощь страждущимъ собратіямъ; въ короткій срокъ возникли больницы для зараженныхъ и богадѣльни для призрѣнія бѣдняковъ. Успокоивъ своимъ присутствіемъ Москву, Государь отправился въ Петербургъ, выдержавъ въ Тверскомъ кордонѣ установленный карантинный срокъ, чтобы не занести заразы въ сѣверный край Россіи. (Въ Москвѣ погибла $^1/_{60}$ населенія). Къ веснѣ 1831 г. холера посѣтила Ригу и этимъ путемъ проникла въ Польшу, гдѣ она свирѣпствовала съ страшною силою.

Несмотря на охранительные кордоны, и другія правительственныя распоряженія эпидемія проникла и въ Петербургъ. 14 іюня обнаружились первыя признаки холеры на соймѣ (судно), прибывшей изъ Вытегры. Въ двѣ недѣли зараза до того распространилась, что умирало ежедневно отъ 400 до 500 человѣкъ. Не понимая ни происхожденія, ни свойствъ, ни причинъ болѣзни, простой народъ, подстрекаемый злонамѣренными людьми, распускавшими нелѣпые слухи, что польскіе мятежники и доктора, за-одно съ ними, сыплютъ ядъ въ хлѣбъ и воду, — не хотѣлъ принимать указанныхъ мѣръ предосторожности, и собираясь толпами на улицахъ и площадяхъ останавливалъ прохожихъ, обыскивалъ ихъ, врывался въ больницы, умерщвлялъ тамъ докторовъ и освобождалъ больныхъ, гдѣ, какъ казалось толпѣ, ихъ только мучатъ. Со всѣхъ концовъ города буйная, неразумная

(*) Скончался 19 ноября 1867 г.

чернь стекалась на Сѣнновскую площадь, Большую Садовую и въ Ямскую. Извѣщенный о волненіи черни, Государь прибылъ изъ Петергофа утромъ 23 іюня и, въ дорожномъ экипажѣ, сопутствуемый кн. Меньшиковымъ, явился на Сѣнной площади, покрытой нѣсколькими тысячами народа. Гнѣвно взглянулъ онъ на толпу и громкимъ голосомъ велѣлъ преклонить колѣна передъ церковью Спаса, чтобы вымолить себѣ спасеніе и прощеніе у Всевышняго. Народъ мгновенно очнулся, прекратилъ буйство и мирно разошелся по домамъ къ своимъ работамъ. Такое же магическое дѣйствіе произвело появленіе Императора въ Ямской и Каретной части: на другой день уже не было никакихъ слѣдовъ вчерашнихъ смятеній и безпорядковъ. Государь призвалъ къ себѣ городскаго главу и повелѣлъ немедленно устроить холерныя больницы на 100 кроватей, для чего пожаловалъ 130 тыс. руб. изъ государственнаго казначейства. При взаимномъ содѣйствіи правительства и сословій, холера начала ослабѣвать, и къ первымъ числамъ ноября совершенно прекратилась. Въ это же время получена была и радостная вѣсть о взятіи Варшавы графомъ Паскевичемъ.

Сраженіе при Остроленкѣ.

Бѣгство Дверницкаго за Австрійскую границу возбудило неудовольствіе среди поляковъ противъ главнокомандующаго, на котораго вообще громко жаловались «патріоты» за медленность и робость въ дѣйствіяхъ. Чтобы возстановить репутацію, Скржинецкій бросился со всѣмъ своимъ войскомъ на гвардейскій корпусъ, расположенный между Бугомъ и Наревомъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ мужественно отбилъ непріятеля при Замбровѣ и заставилъ его отступить къ Остроленкѣ. Здѣсь настигъ Скржинецкаго графъ Дибичь и принудилъ къ битвѣ, въ которой поляки потерпѣли совершенное пораженіе. Отсюда рѣшено было двинуться къ Варшавѣ; но среди похода, графъ Дибичь скончался отъ свирѣпствовавшей тогда холеры (29 мая). На его мѣсто главнокомандующимъ былъ назначенъ графъ Паскевичъ. Прибывъ къ войску, онъ немедленно началъ приводить въ исполненіе планъ, которому слѣдовалъ и Дибичь и для успѣха котораго все было приго-

ГЛАВА XII.

Внутренняя дѣятельность Императора Николая I съ 1826 по 1848 годъ.

Задача внутренней политики и дѣятельности Императора Николая I обозначилась въ его многознаменательномъ обѣтѣ: «жить единственно для любезнаго отечества, царствовать, какъ царствовалъ Александръ Благословенный, чтобы совершить все, чего онъ желалъ для счастія Россіи». Отсюда видно, что программою внутренней дѣятельности Императора Николая было—продолжать то, чего не успѣлъ совершить въ свое царствованіе Александръ I; отсюда и вытекаетъ охранительный характеръ внутренней политики Николая I. Дѣйствительно, много вопросовъ внутреннихъ, затронутыхъ въ предшествовавшее царствованіе, осталось неразрѣшенными: отечественные законы не были приведены въ правильную систему, что много мѣшало суду безпристрастному и служило подспорьемъ судебнаго произвола; многое требовало лучшаго направленія; самое воспитаніе русскаго юношества невполнѣ соотвѣтствовало истинной пользѣ народа. Главною, существенною потребностью Россіи сдѣлалось органическое развитіе силъ ея изъ собственныхъ началъ и въ свойственныхъ ей формахъ образованія.

Императоръ Николай первое заботливое вниманіе обратилъ на состояніе нашего законодательства, которое находилось въ грустномъ положеніи. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, изданное въ 1649 г. и составленное съ необычайною поспѣшностію (въ два съ половиною мѣсяца), не могло удовлетворить потребностямъ вѣка и уже для своего времени казалось недостаточнымъ; дополненія были неизбѣжны и они появились во множествѣ добавленій, часто несогласныхъ между собою и извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ «новоуказныхъ статей». Недостатки Уложенія чувствовались далеко до Императора Николая. Еще Петръ Великій въ 1700 г. учредилъ

особую коммиссію изъ бояръ и думныхъ людей, для приведенія въ соглашеніе постановленій Уложенія съ новоуказными статьями и своими личными распоряженіями. Черезъ 14 лѣтъ работы, коммиссія успѣла разсмотрѣть только три статьи. Недовольный такимъ медленнымъ ходомъ, Петръ закрылъ коммиссію и поручилъ это дѣло Сенату, повелѣвъ всѣ несогласныя съ Уложеніемъ новоуказныя статьи отмѣнить и замѣнить новыми. Но и при такомъ ограниченіи дѣла, работа шла безуспѣшно. Тогда Петръ оставилъ мысль о составленіи свода отечественныхъ постановленій и вознамѣрился сочинить новое Уложеніе, при руководствѣ законовъ Шведскихъ. Смерть помѣшала ему исполнить это намѣреніе. Всѣ девять преемниковъ его, сознавая необходимость въ новомъ Уложеніи, принимались за ту же работу, и для лучшаго успѣха въ столь обширномъ и важномъ дѣлѣ не разъ приглашали выборныхъ ото всего государства въ учреждаемыя «коммиссіи для составленія проэкта новаго уложенія». Такъ, при Петрѣ II приглашены были депутаты отъ дворянства; при Елисаветѣ Петровнѣ отъ дворянства, духовенства и купечества; при Екатеринѣ II— отъ всѣхъ сословій, званій, отъ всѣхъ племенъ и народовъ, обитающихъ въ Россіи. Правительство нещадило ничего для такого важнаго предпріятія: на одно содержаніе коммиссіи съ 1754 г. истрачено было до полутора милліона руб. серебромъ; но цѣль все-таки была недостигнута и черезъ 100 лѣтъ послѣ кончины Петра Великаго. А между тѣмъ съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе чувствовалась необходимость въ новомъ уложеніи; и чѣмъ болѣе развивалось русское общество, тѣмъ громче раздавались вопли противъ злоупотребленій, порождаемые не только отсутствіемъ уложенія, но даже и свода дѣйствующихъ законовъ. Россія быстро измѣнилась въ условіяхъ общественныхъ, нравахъ и обычаяхъ со времени Петра I до Александра I; должны были сообразно съ этимъ развитіемъ измѣниться и наши законоположенія; между тѣмъ правительственныя узаконенія по дѣламъ гражданскимъ, суднымъ и уголовнымъ оставались тѣже самыя. Случалось и такъ, что

ГЛАВА XII.

Внутренняя дѣятельность Императора Николая I съ 1830 по 1848 годъ.

Задача внутренней политики и дѣятельности Императора Николая I обозначилась въ его многознаменательномъ обѣтѣ: «жить единственно для любезнаго отечества, царствовать, какъ царствовалъ Александръ Благословенный, чтобы совершить все, чего онъ желалъ для счастія Россіи». Отсюда видно, что программою внутренней дѣятельности Императора Николая было—продолжать то, чего не успѣлъ совершить въ свое царствованіе Александръ I; отсюда и вытекаетъ охранительный характеръ внутренней политики Николая I. Дѣйствительно, много вопросовъ внутреннихъ, затронутыхъ въ предшествовавшее царствованіе, осталось неразрѣшенными: отечественные законы не были приведены въ правильную систему, что много мѣшало суду безпристрастному и служило подспорьемъ судебнаго произвола; многое требовало лучшаго направленія; самое воспитаніе русскаго юношества невполнѣ соотвѣтствовало истинной пользѣ народа. Главною, существенною потребностью Россіи сдѣлалось органическое развитіе силъ ея изъ собственныхъ началъ и въ свойственныхъ ей формахъ образованія.

Императоръ Николай первое заботливое вниманіе обратилъ на состояніе нашего законодательства, которое находилось въ грустномъ положеніи. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, изданное въ 1649 г. и составленное съ необычайною поспѣшностію (въ два съ половиною мѣсяца), не могло удовлетворить потребностямъ вѣка и уже для своего времени казалось недостаточнымъ; дополненія были неизбѣжны и они появились во множествѣ добавленій, часто несогласныхъ между собою и извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ «новоуказныхъ статей». Недостатки Уложенія чувствовались далеко до Императора Николая. Еще Петръ Великій въ 1700 г. учредилъ

ніе Собственной Его Величества Канцеляріи для приведенія въ порядокъ русскихъ законовъ. Взявъ на себя такую тяжкую работу, Императоръ избралъ въ сотрудники себѣ опытнаго государственнаго человѣка, хорошо знакомаго съ юридическою наукою—графа Сперанскаго.

Графъ М. М. Сперанскій былъ сынъ сельскаго священника Владимірской губерніи. По окончаніи курса въ мѣстной семинаріи, онъ, какъ лучшій и способнѣйшій ученикъ, былъ отправленъ въ Петербургъ, въ Александро-невскую семинарію, воспитанники которой, по выпускѣ, назначались учителями въ семинаріи провинціальныя. Сперанскій, какъ самый даравитый изъ учениковъ, былъ оставленъ при Петербургской семинаріи и ему разомъ были поручены двѣ каѳедры—математики и философіи. Въ тоже время онъ получилъ частное мѣсто (домашняго секретаря) у кн. Куракина, бывшаго въ то время генералъ-прокуроромъ Сената, который и уговорилъ его оставить духовно-учительскую службу и перевелъ его въ свою канцелярію. Такимъ образомъ Сперанскій перешелъ на гражданскую службу и своими способностями и умѣньемъ докладывать дѣла скоро сдѣлался необходимымъ чиновникомъ при Сенатѣ. Блестящая карьера Сперанскаго началась собственно съ восшествія на престолъ Императора Александра I. Трощинскій, вліятельное лицо при особѣ Государя, начальникъ канцеляріи вновь учрежденнаго государственнаго совѣта, искалъ для составленія докладовъ искуснаго, опытнаго чиновника, и съ этою цѣлью приблизилъ къ себѣ Сперанскаго, заслужившаго уже блестящую репутацію въ Сенатѣ. Скоро Трощинскій былъ замѣненъ другими лицами, болѣе близкими къ государю по лѣтамъ и убѣжденіямъ, согласнымъ съ преобразовательнымъ характеромъ новаго царствованія. Изъ нихъ первое мѣсто занималъ графъ Кочубей, (*) сдѣланный министромъ одного изъ только учрежденныхъ мини-

(*) Племянникъ графа Безбородки, завѣдывавшаго русскою дипломатіею при Екатеринѣ II, послѣ графа Н. И. Панина.

стерствъ—именно внутреннихъ дѣлъ. Онъ пригласилъ Сперанскаго на службу въ свое вѣдомство и сдѣлалъ его директоромъ департамента. За болѣзнію Кочубея, Сперанскій (съ 1806 г.) часто докладывалъ дѣла государю, сблизился съ нимъ, скоро сдѣлался его любимцемъ и до 1812 года пользовался его неограниченнымъ, честно-заслуженнымъ довѣріемъ. По порученію Императора, Сперанскій (въ званіи статсъ-секретаря) составилъ планъ для новой системы государственныхъ учрежденій, планъ, основанный на французскихъ учрежденіяхъ Наполеона I, отличавшихся простотою и стройностію государственнаго механизма и построенный на началахъ централизаціи и бюрократіи; между тѣмъ предшественники Сперанскаго (Кочубей, Новосильцевъ и др.), работавшіе надъ первоначальнымъ учрежденіемъ министерствъ, были поклонниками учрежденій англійскихъ. По плану Сперанскаго были преобразованы Государственный Совѣтъ и министерства (1810); преобразованіе Сената хотя и было утверждено, но не приведено въ исполненіе, по случаю паденія Сперанскаго. Въ мартѣ 1812 г. Сперанскій былъ удаленъ изъ столицы и отправленъ въ Нижній Новгородъ; а въ 1819 году послѣдовало назначеніе его генералъ-губернаторомъ Сибири. Возвращенный въ Петербургъ въ концѣ царствованія Александра, Сперанскій не пользовался уже тѣмъ довѣріемъ государя, какъ прежде, и вмѣстѣ съ многими прежними любимцами Императора былъ отодвинутъ на второй планъ графомъ Аракчеевымъ. Вторичная карьера графа Сперанскаго началась въ царствованіе Николая I и здѣсь она указала ему завидную долю—быть сотрудникомъ Императора по разработкѣ отечественныхъ законовъ.

Первымъ дѣломъ сотрудника было начертить планъ самой работы. Познакомившись съ результатами занятій прежнихъ девяти коммиссій, Сперанскій предложилъ Государю на выборъ двѣ системы: или составить сводное уложеніе законовъ русскихъ и, по указаніямъ опыта, ихъ исправлять и дополнять, или прямо приступить къ сочиненію новаго уложенія,

сообразнаго съ духомъ и потребностями времени. Государь избралъ первую систему и поручилъ Сперанскому заготовить матеріалы — т. е. собрать по возможности всѣ узаконенія, начиная съ Уложенія 1649 г. Такое порученіе, послѣ многихъ трудностей, было выполнено во 2-мъ Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, подъ личнымъ руководствомъ Сперанскаго, черезъ 4 года, и въ 1830 году издано было *Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи* (въ 45 томахъ), заключающее въ себѣ слишкомъ 30 тыс. актовъ и обнимающее 176 лѣтъ, начиная съ Уложенія Царя Алексѣя до кончины Александра I (1649 — 1825). Затѣмъ послѣдовало изданіе *Втораго Собранія*, ежегодно дополняемое новыми узаконеніями, вышедшими съ конца 1825 г. При изданіи того и другаго принятъ въ основаніе хронологическій порядокъ расположенія актовъ. Такимъ образомъ, наше законодательство и наша наука получили возможность самымъ надежнымъ, достовѣрнымъ путемъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ нашей внутренней жизни и за ходомъ нашего нравственнаго государственнаго усовершенствованія.

Столь же быстро, подъ личнымъ руководствомъ самого Государя Императора, совершилось и второе его предначертаніе, болѣе важнѣйшее. Манифестъ 31 января 1833 г. возвѣстилъ Россіи, что желанія всѣхъ монарховъ русскихъ начиная съ Петра I до Александра I наконецъ исполнены, что «всѣ законы, начиная отъ Уложенія 1649 г. до 1 января 1832 г., сохранившіе донынѣ силу и дѣйствіе, бывъ разобраны по родамъ, сведены въ единообразный составъ, соединены въ одно цѣлое, распредѣлены въ книги по главнымъ предметамъ дѣлъ правительственныхъ и судебныхъ. Все, что состоялось послѣ 1 января 1832 г., будетъ по порядку тѣхъ же книгъ и съ указаніемъ на ихъ статьи распредѣляемо въ ежегодномъ Приложеніи....» Такимъ образомъ Россія получила *Сводъ Законовъ*.

Сводъ Законовъ имѣетъ двоякое значеніе: общественное и *научное*. 1) Онъ замѣнилъ прежній произволъ точными и

стерствъ—именно внутреннихъ дѣлъ. Онъ пригласилъ Сперанскаго на службу въ свое вѣдомство и сдѣлалъ его директоромъ департамента. За болѣзнію Кочубея, Сперанскій (съ 1806 г.) часто докладывалъ дѣла государю, сблизился съ нимъ, скоро сдѣлался его любимцемъ и до 1812 года пользовался его неограниченнымъ, честно-заслуженнымъ довѣріемъ. По порученію Императора, Сперанскій (въ званіи статсъ-секретаря) составилъ планъ для новой системы государственныхъ учрежденій, планъ, основанный на французскихъ учрежденіяхъ Наполеона I, отличавшихся простотою и стройностію государственнаго механизма и построенный на началахъ централизаціи и бюрократіи; между тѣмъ предшественники Сперанскаго (Кочубей, Новосильцевъ и др.), работавшіе надъ первоначальнымъ учрежденіемъ министерствъ, были поклонниками учрежденій англійскихъ. По плану Сперанскаго были преобразованы Государственный Совѣтъ и министерства (1810); преобразованіе Сената хотя и было утверждено, но не приведено въ исполненіе, по случаю паденія Сперанскаго. Въ мартѣ 1812 г. Сперанскій былъ удаленъ изъ столицы и отправленъ въ Нижній Новгородъ; а въ 1819 году послѣдовало назначеніе его генералъ-губернаторомъ Сибири. Возвращенный въ Петербургъ въ концѣ царствованія Александра, Сперанскій не пользовался уже тѣмъ довѣріемъ государя, какъ прежде, и вмѣстѣ съ многими прежними любимцами Императора былъ отодвинутъ на второй планъ графомъ Аракчеевымъ. Вторичная карьера графа Сперанскаго началась въ царствованіе Николая I и здѣсь она указала ему завидную долю—быть сотрудникомъ Императора по разработкѣ отечественныхъ законовъ.

Первымъ дѣломъ сотрудника было начертить планъ самой работы. Познакомившись съ результатами занятій прежнихъ девяти коммиссій, Сперанскій предложилъ Государю на выборъ двѣ системы: или составить сводное уложеніе законовъ русскихъ и, по указаніямъ опыта, ихъ исправлять и дополнять, или прямо приступить къ сочиненію новаго уложенія,

сообразнаго съ духомъ и потребностями времени. Государь избралъ первую систему и поручилъ Сперанскому заготовить матеріалы — т. е. собрать по возможности всѣ узаконенія, начиная съ Уложенія 1649 г. Такое порученіе, послѣ многихъ трудностей, было выполнено во 2-мъ Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, подъ личнымъ руководствомъ Сперанскаго, черезъ 4 года, и въ 1830 году издано было *Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи* (въ 45 томахъ), заключающее въ себѣ слишкомъ 30 тыс. актовъ и обнимающее 176 лѣтъ, начиная съ Уложенія Царя Алексѣя до кончины Александра I (1649 — 1825). Затѣмъ послѣдовало изданіе *Втораго Собранія*, ежегодно дополняемое новыми узаконеніями, вышедшими съ конца 1825 г. При изданіи того и другаго принятъ въ основаніе хронологическій порядокъ расположенія актовъ. Такимъ образомъ, наше законодательство и наша наука получили возможность самымъ надежнымъ, достовѣрнымъ путемъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ нашей внутренней жизни и за ходомъ нашего нравственнаго государственнаго усовершенствованія.

Столь же быстро, подъ личнымъ руководствомъ самого Государя Императора, совершилось и второе его предначертаніе, болѣе важнѣйшее. Манифестъ 31 января 1833 г. возвѣстилъ Россіи, что желанія всѣхъ монарховъ русскихъ начиная съ Петра I до Александра I наконецъ исполнены, что «всѣ законы, начиная отъ Уложенія 1649 г. до 1 января 1832 г., сохранившіе донынѣ силу и дѣйствіе, бывъ разобраны по родамъ, сведены въ единообразный составъ, соединены въ одно цѣлое, распредѣлены въ книги по главнымъ предметамъ дѣлъ правительственныхъ и судебныхъ. Все, что состоялось послѣ 1 января 1832 г., будетъ по порядку тѣхъ же книгъ и съ указаніемъ на ихъ статьи распредѣляемо въ ежегодномъ Приложеніи ...» Такимъ образомъ Россія получила *Сводъ Законовъ*.

Сводъ Законовъ имѣетъ двоякое значеніе: общественное и научное. 1) Онъ замѣнилъ прежній произволъ точными по-

становленіями: все, что имѣетъ силу закона, что обезпечиваетъ нашу честь и собственность, все теперь доступно и можетъ быть извѣстно всѣмъ и каждому. Въ основаніи Свода Законовъ положена мысль, что въ государствѣ необходимы два союза: государственный и гражданскій; изъ сущности ихъ возникаютъ всѣ права и обязанности, опредѣляемыя и хранимыя законами; отсюда—главное раздѣленіе законовъ на государственные и гражданскіе. Одни законы опредѣляютъ условія общественныя, другіе охраняютъ ихъ. 2) Изданіемъ Свода Законовъ положено и основаніе наукѣ русскаго права, такъ какъ только съ этого времени можно было начать систематическое изученіе законовъ и составить ясное воззрѣніе какъ на исторію нашего законодательства, такъ и на основные его элементы. До изданія Свода Законовъ профессорамъ и преподавателямъ приходилось или ограничиваться несвязными выписками изъ законовъ или вдаваться въ умозрѣнія западныхъ ученыхъ юристовъ.

Законодательныя работы Сперанскаго не ограничились Полнымъ Собраніемъ и Сводомъ. Государю угодно было поручить ему пересмотръ Свода и исправленіе тѣхъ статей, въ которыхъ замѣчались недостатки и несоотвѣтствія развитію нашей нравственной и политической жизни. Графъ Сперанскій, въ сотрудничествѣ съ тогдашнимъ министромъ Юстиціи, Дашковымъ, представилъ Государю два средства къ усовершенствованію законовъ — исправленіе отдѣльное и систематическое. Первый способъ состоитъ въ замѣнѣ неудобныхъ статей новыми, издавая каждый разъ особыя на то положенія; при второмъ способѣ—необходимо, обозрѣвъ всѣ постановленія Свода и Полнаго Собранія, составить общія начала усовершенствованія и произвести исправленіе однимъ общимъ положеніемъ. Государь призналъ второй способъ, состоящій въ прочномъ систематическомъ исправленіи, и указалъ на необходимость начать пересмотръ съ законовъ уголовныхъ. Но при самомъ началѣ этого важнаго труда, графъ Сперанскій скончался, и это предпріятіе было окончено въ II От-

няго. Для приготовленія профессоровъ въ высшія учебныя заведенія и учителей для среднихъ и низшихъ заведеній учреждены были два института: Профессорскій (*) и Главный Педагогическій. Кромѣ того были основаны: университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ, Военная академія, нѣсколько новыхъ кадетскихъ корпусовъ въ губерніяхъ, училище правовѣдѣнія, технологическій институтъ, институты для воспитанія дѣвицъ, многія спеціальныя училища по гражданскому и военному вѣдомству, сельскія школы, пріюты и пр. При Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія появилась «Археографическая Коммиссія», дѣломъ которой было собираніе и изданіе матеріаловъ для изученія нашей отечественной старины и исторіи. Съ 1848 года были приняты правительствомъ особыя мѣры относительнаго народнаго образованія,—мѣры вызванныя событіями февральской революціи и ея послѣдствій: число учащихся въ университетахъ было ограничено (до 300), отправленіе молодыхъ людей за границу пріостановлено, каѳедры философіи въ университетахъ были закрыты.

на уніи. Прекращеніе Уніи въ западно-русскомъ краѣ составляетъ одно изъ важныхъ распоряженій Императора Николая: отмѣною Уніи значительно ослаблено религіозное вліяніе и вообще католическая полонизація, поддерживаемыя поляками съ намѣреніемъ задавить въ этомъ краѣ русскую народность.

Въ 1569 г., на Люблинскомъ сеймѣ, былъ подписанъ представителями Польши и Литовскаго великаго княжества актъ окончательнаго соединенія этихъ государствъ въ одно—Рѣчь Посполитую. Вмѣстѣ съ Литвою въ составъ соединеннаго государства вошли и чисто русскія области, каковы Бѣлоруссія, Волынь, Подолія, Галиція, Полѣсье и др. Несмотря на то, что въ актѣ Люблинскаго соединенія было опредѣлитель-

---

(*) Профессорскаго Института въ настоящее время нѣтъ; Педагогическій Институтъ, упраздненный нѣсколько лѣтъ тому назадъ, возобновленъ въ иномъ видѣ, но съ тою же цѣлію, въ 1867 г. подъ названіемъ: Императорскаго Филологическаго Института.

но сказано, что государства соединяются какъ равное съ равнымъ, т. е. что одинаковыми правами религіозными, гражданскими и общественными будутъ пользоваться какъ обитатели княжества Литовскаго, такъ и королевства Польскаго,— однако скоро—при королѣ Сигизмундѣ III—рѣшенія сейма рѣзко стали отличать права своихъ католиковъ предъ православными, запрещали послѣднимъ строить православные храмы, не допускали православныхъ на сеймы и отмѣтили всѣхъ некатоликовъ общимъ названіемъ *диссидентовъ* (различествующихъ). При такихъ явныхъ преслѣдованіяхъ, нѣсколько православныхъ духовныхъ лицъ (Митрополитъ Кіевскій Михаилъ Рагоза, Епископъ Луцкій, Кириллъ Терлецкій, Игнатій Поцѣй и нѣкоторые другіе), изъ мірскихъ выгодъ и иныхъ расчетовъ, вопреки общему желанію народа, въ концѣ XVI столѣтія предались папѣ, и покровительствуемые королемъ Сигизмундомъ III, на соборѣ, составленномъ въ Брестъ-Литовскомъ, провозгласили въ 1596 г. *Унію (соединеніе* церкви восточной съ западною подъ главенствомъ папы), т. е. отреклись отъ патріарховъ Вселенскихъ и признали надъ собою верховную власть римскаго первосвященника, удержавъ впрочемъ догматы и обряды древняго православнаго закона. Признавшіе постановленія Брестъ-Литовскаго собора и назывались *Уніатами.* Первое время число ихъ было крайне ограниченное, но, когда польское правительство поручило работы по распространенію Уніи іезуитамъ и когда послѣдніе завели въ западномъ русскомъ краѣ свои коллегіи (школы) съ даровымъ воспитаніемъ,—Унія сдѣлала большія успѣхи и почти все дворянство обратилось въ уніатовъ, а нѣкоторые прямо оставили вѣру предковъ и перешли въ католичество. Тѣже явленія повторились и въ остальныхъ сословіяхъ: одна половина духовенства, городскаго сословія и сельскихъ обывателей удержалась въ православіи, а другая примкнула къ Уніи; каждая изъ нихъ имѣла своего митрополита, что продолжалось до самой отмѣны Уніи. Католики, считая непослѣдовательнымъ останавливаться на полъ-дорогѣ, одинаково под-

подвергали гоненіямъ и тѣхъ и другихъ и мало по малу достигали своей цѣли: православные увлекались въ Унію, а Уніаты въ угоду преслѣдователямъ вводили католическіе обряды въ своемъ богослуженіи.

Такъ неутѣшительно было положеніе православія въ западно-русскихъ областяхъ до Екатерины II. Возвративъ отъ Польши по тремъ раздѣламъ древнія русскія области, Императрица даровала одинаковые права населенію, но въ то же время запретила обращеніе новыхъ ея подданныхъ въ Унію и переходъ уніатовъ въ католичество; послѣднимъ дозволила безбоязненно возвращаться въ православіе. Волынь и Подолія, искони православныя области, воспользовались дозволеніемъ и обратились къ вѣрѣ предковъ. Но при всемъ томъ, еще около двухъ милліоновъ русскихъ подданныхъ оставались въ уніатствѣ.

Въ царствованія Павла I и Александра I движеніе уніатовъ въ православіе пріостановилось, вѣроятно, отъ того, что завѣдываніе дѣлами уніатской церкви поручено было учрежденной въ Петербургѣ Римско-Католической Коллегіи. Положеніе уніатовъ было какое-то неестественное: отъ православныхъ-русскихъ они отличались обрядами и убѣжденіями и въ глазахъ ихъ были отступниками; не пристали и къ католикамъ, которые вѣру ихъ называли «хлопской». Въ самой уніатской церкви произошли раздоры: бѣлое уніатское духовенство было въ разладѣ съ уніатскими монахами (Базиліянскаго ордена) и спорило съ ними за церковныя и поземельныя имущества.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Николая, церковныя дѣла наши въ западномъ краѣ приняли лучшій оборотъ. Высочайшимъ указомъ 22 апр. 1828 г. повелѣно было: для Грекоуніатскихъ церквей въ Россіи учредить подъ предсѣдательствомъ митрополита ихъ, Іосафата Булгака, особую *Грекоуніатскую коллегію*, которая обязана тщательно наблюдать, чтобы чинъ богослуженія и весь порядокъ іерархіи охранялся отъ введенія чуждыхъ, несвойственныхъ греческимъ *обрядамъ*, обычаевъ, на точномъ основаніи грамотъ

1596 года, положившихъ начало Уніи. А управленіе дѣлами Грекоуніатскихъ церквей было предоставлено, подъ вѣдѣніемъ коллегіи, двумъ епархіальнымъ начальствамъ, Бѣлорусскому и Литовскому; въ той и другой епархіи были учреждены каѳедральные соборы, консисторіи, семинаріи и первоначальныя училища. Результатомъ такихъ распоряженій было постепенное исчезновеніе уніи: епископы и другія духовныя уніатскія власти стали возстановлять первобытное устройство храмовъ, уничтожать органы, вмѣсто ошибочныхъ разной печати церковныхъ книгъ стали употреблять при богослуженіи книги установленныя Св. Синодомъ; въ семинаріяхъ и училищахъ готовящіеся къ духовному сану получали истинно-православное воспитаніе. Съ кончиною митрополита Іосафата, успѣхамъ православія весьма много содѣйствовалъ, заступившій его мѣсто предсѣдателя Грекоуніатской коллегіи, епископъ Литовскій (впослѣдствіи митрополитъ) Іосифъ Сѣмашко. Польское возстаніе ускорило дѣло прекращенія Уніи. Въ 1838 г. 1 января, управленіе дѣлами коллегіи ввѣрено было Государемъ оберъ-прокурору Св. Синода, Графу Пратасову. А на слѣдующій годъ послѣдовала развязка дѣла: унія была отмѣнена.

Въ первое воскресенье великаго поста, 12 февраля 1839 г. въ гор. Полоцкѣ, собрались всѣ Грекоуніатскіе епископы съ знатнѣйшими лицами изъ бѣлаго духовенства и составили соборный актъ, въ которомъ, изложивъ истинное положеніе своей церкви, опредѣлили просить Государя «о дозволеніи имъ присоединиться къ прародительской Православной Всероссійской церкви». Государь повелѣлъ графу Пратасову подвергнуть Полоцкій соборный актъ, подписанный 1305 лицами Грекоуніатскаго духовенства, на разсмотрѣніе Св. Синода, для сообразнаго съ правилами церкви постановленія. Синодъ опредѣлилъ: принять паству Грекоуніатской церкви съ духовенствомъ въ общеніе съ православною всероссійскою церковью; 25 марта послѣдовало соизволеніе Государя въ словахъ: «*Благодарю Бога* и принимаю». Самый обрядъ возсое-

подвергали гоненіямъ и тѣхъ и другихъ и мало по малу достигали своей цѣли: православные увлекались въ Унію, а Уніаты въ угоду преслѣдователямъ вводили католическіе обряды въ своемъ богослуженіи.

Такъ неутѣшительно было положеніе православія въ западно-русскихъ областяхъ до Екатерины II. Возвративъ отъ Польши по тремъ раздѣламъ древнія русскія области, Императрица даровала одинаковые права населенію, но въ то же время запретила обращеніе новыхъ ея подданныхъ въ Унію и переходъ уніатовъ въ католичество; послѣднимъ дозволила безбоязненно возвращаться въ православіе. Волынь и Подолія, искони православныя области, воспользовались дозволеніемъ и обратились къ вѣрѣ предковъ. Но при всемъ томъ, еще около двухъ милліоновъ русскихъ подданныхъ оставались въ уніатствѣ.

Въ царствованія Павла I и Александра I движеніе уніатовъ въ православіе пріостановилось, вѣроятно, отъ того, что завѣдываніе дѣлами уніатской церкви поручено было учрежденной въ Петербургѣ Римско-Католической Коллегіи. Положеніе уніатовъ было какое-то неестественное: отъ православныхъ-русскихъ они отличались обрядами и убѣжденіями и въ глазахъ ихъ были отступниками; не пристали и къ католикамъ, которые вѣру ихъ называли «хлопской». Въ самой уніатской церкви произошли раздоры: бѣлое уніатское духовенство было въ разладѣ съ уніатскими монахами (Базиліанскаго ордена) и спорило съ ними за церковныя и поземельныя имущества.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Николая, церковныя дѣла наши въ западномъ краѣ приняли лучшій оборотъ. Высочайшимъ указомъ 22 апр. 1828 г. повелѣно было: для Грекоуніатскихъ церквей въ Россіи учредить подъ предсѣдательствомъ митрополита ихъ, Іосафата Булгака, особую *Грекоуніатскую коллегію*, которая обязана тщательно наблюдать, чтобы чинъ богослуженія и весь порядокъ іерархіи охранялся отъ введенія чуждыхъ, несвойственныхъ греческимъ обрядамъ, обычаевъ, на точномъ основаніи грамотъ

монету за границу и также плавить ее. Вскорѣ послѣ того, мѣдный фондъ совсѣмъ исчезъ; тогда ассигнаціи сдѣлались вполнѣ бумажными деньгами, и, по мѣрѣ усиленія ихъ выпусковъ, постепенно падали въ цѣнѣ; такъ въ 1786, при выпускѣ ассигнацій на милліонъ, курсъ ихъ стоялъ — 98 к. монетою за одинъ руб. въ ассигнаціяхъ; въ 1800 г. при 212 мил. — 65 к.; въ 1808 г. при 480 мил. — 54 к.; въ 1810 г. при 580 мил.—33 к. и въ 1817 г. при 836 мил.— 24 к. за ассигнаціонный рубль. А цѣнность металлическаго рубля доходила до 4 и 4 слишкомъ р. ассигнаціями; въ губерніяхъ же металлическій рубль ходилъ 4 р. 65 к. Очень понятно, что усиленные выпуски ассигнацій были вызваны дѣятельнымъ участіемъ Россіи въ коалиціяхъ, составлявшихся противъ революціонной Франціи и ея первой имперіи. По замиреніи Европы, Вѣнскимъ конгрессомъ, правительство видѣло необходимость выкупить нѣкоторое количество ассигнацій изъ обращенія, чтобы поддержать свой финансовый кредитъ. И потому, уже въ 1817 г., была учреждена особая касса для погашенія государственныхъ долговъ, которая дѣятельно приступила къ изъятію ассигнацій изъ обращенія. Мѣра эта тотчасъ же оказала свои благія дѣйствія и курсъ ассигнацій поднялся. Къ 1824 г. изъятіе было пріостановлено, но ассигнаціи въ цѣнѣ не понизились, такъ какъ до 1830-хъ г. новыхъ выпусковъ не послѣдовало. Такимъ образомъ, къ исходу тридцатыхъ годовъ установилось постоянное отношеніе между цѣною ассигнацій и звонкой монеты.

Этимъ обстоятельствомъ и воспользовался гр. Канкринъ, когда произвелъ въ промежутокъ отъ 1839 по 1843 годъ свою знаменитую денежную реформу, состоявшую въ *фиксаціи* курса ассигнацій и въ замѣнѣ ихъ *государственными кредитными билетами*, которыя предъявителю обмѣниваются на звонкую золотую и серебряную монету и выкупъ которыхъ обезпечивается всѣмъ государственнымъ достояніемъ. Закономъ 1 іюля 1839 г. неизмѣнно было утверждено постоянное отношеніе ассигнаціоннаго рубля къ серебряному

или рублю на серебро, въ пропорціи 3½ : 1. Укрѣпивъ такимъ образомъ навсегда отношеніе ассигнацій къ монетѣ, которое въ данный моментъ было истиннымъ, но которое въ извѣстную минуту, подъ вліяніемъ экономическихъ условій, могло измѣниться, гр. Канкринъ, чтобы предупредить подобный финансовый фактъ, создалъ непосредственно за фиксаціею курса, въ видѣ переходной мѣры, *депозитный банкъ*, принимавшій въ *депо* звонкую монету противъ депозитныхъ билетовъ, выпущенныхъ уже по разсчету на серебряные рубли и размѣниваемыхъ, по предъявленію, серебромъ же. Большой и весьма понятный успѣхъ депозитныхъ билетовъ имѣлъ слѣдствіемъ образованіе значительнаго металлическаго фонда. Этотъ-то фондъ и послужилъ основаніемъ для выпуска государственныхъ кредитныхъ билетовъ, явившихся въ 1843 году для замѣны и ассигнацій и депозитокъ. Переходъ отъ ассигнацій къ кредитнымъ билетамъ былъ значительнымъ шагомъ впередъ со стороны нашего финансоваго управленія.

Глава XIII.

Волненія въ Швейцаріи, Италіи и Испаніи до 1848 г.

а) Волненія въ Швейцаріи.

Исторія Швейцаріи представляетъ (съ 1815 по 1848 г.) внутреннюю борьбу между кантонами. Нѣкоторые изъ нихъ защищаютъ старый порядокъ вещей, установленный Вѣнскимъ конгрессомъ; другіе же дѣйствуютъ въ духѣ оппозиціи и радикализма съ цѣлью измѣнить существующую организацію союза. Сперва радикалы борятся за права сельской демократіи противъ городской аристократіи, а потомъ эта борьба получаетъ и церковный характеръ: радикалы стоятъ за независимость церковнаго управленія отъ Папы и требуютъ подчиненія церкви государству, изгнанія іезуитовъ, освобожденія воспитательныхъ заведеній изъ подъ ихъ надзора и уничтоженія монастырей. Результатомъ такихъ событій бы-

ло: 1) временное отпаденіе отъ общаго союза семи консервативныхъ (ультрамонтанскихъ) кантоновъ, составившихъ «Особый союзъ» (или такъ наз. Sonderbund) и 2) междоусобная открытая война, кончившаяся торжествомъ радикализма и введеніемъ новаго устройства (12 сентября 1848 г.).

На Вѣнскомъ конгрессѣ, Швейцарія была усилена присоединеніемъ отнятыхъ у нея Наполеономъ кантоновъ: Валлиса, Женевы и Невшателя (*); ей дано было союзно-республиканское устройство и она признана была неутральнымъ государствомъ, подобно Германіи; преобразованіе въ устройствѣ, послѣ отмѣны «акта о посредничествѣ», предоставлено было союзному сейму, состоявшему изъ представителей 22-хъ кантоновъ, при чемъ Ваадтъ и Ааргау сохраняли свою самостоятельность. Мѣстомъ союзнаго сейма или форортомъ должны были быть по очереди: Цюрихъ, Бернъ и Люцернъ. Депутатами или представителями кантоновъ на союзномъ сеймѣ могли быть только выборные изъ городскаго населенія, которое занимало и всѣ административныя должности; оттого можно сказать, что союзно-республиканское устройство Швейцаріи было чисто аристократическое. Подъ вліяніемъ тѣхъ же конституціонныхъ идей, волновавшихъ Западную Европу еще съ 1815 г., въ Швейцаріи образовалась радикальная партія, имѣвшая цѣлью произвести реформы въ устройствѣ союза въ пользу демократіи или сельскаго населенія. Работы радикаловъ съ каждымъ годомъ становились успѣшнѣе вслѣдствіе постояннаго и многочисленнаго наплыва либераловъ, удаленныхъ изъ другихъ государствъ и находившихъ себѣ пріютъ въ свободной Швейцаріи. Успѣхи іюльской революціи придали дѣлу радикаловъ новыя силы. Цюрихъ первый подалъ примѣръ къ началу междоусобій: онъ потребовалъ реформъ, согласныхъ съ духомъ времени и съ выгодами для сельскаго населенія, и въ дек. 1830 учредилъ «великій совѣтъ», который состоялъ изъ $^2/_3$ представителей сельскаго на-

(*) Послѣдній оставался до 1857 г. подъ верховною властію Пруссіи.

селенія и только 1/3 представителей города. Несмотря на всѣ усилія Берна, правительствующаго тогда кантона, остановить радикализмъ дружнымъ сопротивленіемъ всѣхъ кантоновъ, требованія реформы распространялись быстро, и примѣръ Цюриха нашелъ себѣ подражаніе въ Золотурнѣ, Аргау, Тургау, Сенъ-Галленѣ, Ватландѣ, Фрейбургѣ и Люцернѣ. Въ началѣ 1831 г. Бернское правительство, обезпокоенное волненіемъ своего сельскаго населенія, которое отказалось отъ всякихъ повинностей и сходилось въ вооруженныя шайки, сложило съ себя правленіе, объявивъ себя безучастнымъ въ дѣлахъ общественныхъ. Только въ Базелѣ правительство выдержало свою роль до конца: не видя возможности противиться народнымъ сборищамъ, оно отдѣлилось отъ сельскаго населенія и въ мартѣ 1832 г. составился изъ послѣдняго особый кантонъ — Листаль (названный такъ по главному мѣстечку). Такимъ образомъ, къ марту 1832 г. Швейцарскій союзъ распадается на два враждебные лагеря; семь либеральныхъ кантоновъ (Бернъ, Цюрихъ, Люцернъ, Аргау, Торгау, Золотурнъ и Сенъ-Галленъ) составили изъ себя союзъ или «конкордатъ семи» съ цѣлію поддержать либеральное движеніе и пересоздать организацію республики; а кантоны: Швицъ, Ури, Унтервальденъ, Невшатель, Базель и Валлисъ образовали тоже отдѣльный (Сарненскій) союзъ съ цѣлью не принимать никакого участія въ общемъ сеймѣ, если на него будутъ допущены депутаты отъ сельскаго населенія. Къ 1833 г. борьба эта получаетъ и вооруженный видъ: войска Швица и Базеля дѣлаютъ нападеніе на Кюстнахтъ и Листаль; но сеймъ своею распорядительностью успѣлъ на время отсрочить междоусобную войну: союзныя войска заняли Швицъ и Базель, и оставались въ нихъ до тѣхъ поръ, пока Сарненскій союзъ не исчезъ и пока не опредѣлились точныя отношенія между горожанами и сельскими жителями.

Событія Швейцаріи сильно обезпокоивали правительства *Германіи*, *Италіи*, Франціи и Россіи не столько потому, что

онѣ разрушали устройство Швейцарскаго союза, утвержденное на Вѣнскомъ конгрессѣ, сколько потому, что сюда укрывались многочисленные политическіе бѣглецы, которые отсюда тревожили свои правительства революціонными замыслами. Дѣйствительно здѣсь приготовилось новое революціонное движеніе Германіи, извѣстное подъ именемъ «Франкфуртскаго посягательства». (См. гл. XVI); здѣсь именно пріискивалъ средства къ борьбѣ за свободу Италіи генуэзецъ Мадзини, который основалъ тутъ «Общество Молодой Италіи» и приготовилъ все для похода въ Савойю, чтобы низринуть Сардинскій престолъ (но походъ этотъ подъ начальст. польскаго генерала Ромарино не имѣлъ никакого успѣха (1 февраля 1834 г.). Такое покровительство изгнанникамъ заставило европейскіе кабинеты потребовать отъ союзнаго правительства высылки опасныхъ революціонеровъ и строгаго надзора за оставшимися.

Энергическія мѣры сейма хотя и установили спокойствіе, но на очень короткій срокъ, такъ какъ онѣ не могли уничтожить разрозненности союза, которая была главнымъ источникомъ междоусобій. Радикализмъ не ограничился только уничтоженіемъ аристократическаго преобладанія, но дѣйствовалъ также и противъ духовенства съ намѣреніемъ подорвать его вліяніе на народъ. Но здѣсь радикаламъ пришлось выдержать сильное сопротивленіе, какъ со стороны протестантовъ, такъ и со стороны католиковъ, одинаково вступившихся за неприкосновенность вѣры и правъ церкви. Еще въ 1834 году партіею реформы рѣшено было освободить церкви, школы и монастыри отъ вѣдѣнія генерала-викарія Папскаго, управлявшаго дѣлами Швейцарской католической церкви, отдать церковное управленіе свѣтской власти, и направить дѣятельность монастырей на пользу общественную. Несмотря на все противудѣйствіе ультрамонтанской партіи (такъ назывались защитники церковно-католическихъ интересовъ), въ 1841 г. Ааргаусское радикальное правительство захватило въ свою власть управленіе монастырскими землями

контона и, по опредѣленію своего «совѣта», 20 января 1841 г., присоединило къ казнѣ восемь монастырей для благотворительныхъ и учебныхъ цѣлей кантона. Не обращая вниманія на протестаціи католическихъ кантоновъ и Австріи (въ числѣ упраздненныхъ монастырей находился и богатый монастырь «Мури», основанный Габсбургами), Аргаусское правительство удержало за собою монастырскія имущества, и въ 1843 году получило на это утвержденіе союзнаго сейма. Такое насиліе породило въ Швейцаріи открытую борьбу между вѣроисповѣданіями и подѣлило ее на два враждебные лагеря: радикальный и консервативный (или ультрамонтанскій). Послѣдній состоялъ изъ Швица, Ури, Унтервальдена, Люцерна (гдѣ въ 1841 году ультрамонтаны при помощи сельскаго населенія успѣли восторжествовать надъ радикалами и изгнали ихъ), Цуга, Фрейбурга и Валлиса. Борьба открылась въ Люцернѣ, куда собрались депутаты союза для пересмотра конституціи: консерваторы, предводимые Зигвартомъ-Миллеромъ, пріобрѣли рѣшительный перевѣсъ и вытѣснили радикаловъ изъ своего округа. Чтобы обезпечить успѣхъ своего дѣла и на будущее время, Люцернцы пригласили въ 1844 г. іезуитовъ, которымъ ввѣрено было воспитаніе и обученіе юношества, и которые уже съ давняго времени имѣли въ Фрейбургѣ свое знаменитое учебное заведеніе. Но этимъ Люцернское правительство сдѣлало весьма важную ошибку: оно вооружило противъ себя другіе кантоны, предвидѣвшіе отъ водворенія іезуитовъ гибельныя послѣдствія. Радикалы всѣхъ остальныхъ кантоновъ сформировали вооруженныя дружины и подъ предводительствомъ бернца Оксенбейна (30 марта 1845 г.) осадили Люцернъ; но дурно-устроенное ополченіе было разсѣяно и потеряло въ походѣ 104 человѣка убитыми и до 2 тысячъ взятыми въ плѣнъ. Люцернъ и консерваторы, какъ нельзя лучше, воспользовались своимъ торжествомъ и, чтобы упрочить его за собою и предупредить на будущее время повтореніе подобныхъ событій, а также, чтобы *и отмстить* Берну, избравшему своимъ главою то-

го же Оксенбейна—Люцернъ вмѣстѣ съ другими 6-ю ультрамонтанскими кантонами заключилъ «особый союзъ» (Sonderbund) съ цѣлью наказать вольныя дружины и возстановить упраздненные аргаусскіе монастыри. Но радикалы, имѣвшіе центромъ своимъ союзный Бернскій сеймъ, объявили «особый союзъ» незаконнымъ и составили экзекуціонную армію. Подъ предводительствомъ женевца Дюфура, сражавшагося когда-то подъ командою Наполеона I, огромное войско двинулось къ Фрейбургу и въ нѣсколько недѣль съ полнымъ успѣхомъ окончило эту междоусобную войну (съ 4 ноября по 30 ноября 1847 г.). Ни одинъ изъ консервативныхъ кантоновъ не оказалъ имъ малѣйшаго сопротивленія; даже Люцернъ и его главнокомандующій Салисъ-Соглio сдались на капитуляцію. Важнѣйшими условіями мира были: принятіе Sonderbund'омъ на себя военныхъ издержекъ, перемѣна правительственныхъ лицъ, расторженіе особаго союза и удаленіе іезуитовъ.

Эти событія не мало встревожили Францію, Пруссію и Австрію, которыя желали помѣшать успѣхамъ радикаловъ. Съ этою цѣлью онѣ тайно снабжали «особый союзъ» деньгами и оружіемъ, и вели переговоры о совокупномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Швейцаріи и готовы были предложить враждовавшимъ кантонамъ свое посредничество. Дѣятельнѣе другихъ хлопотала Франція и министерство Гизо, политика котораго потерпѣла въ этомъ вопросѣ полное пораженіе, что и содѣйствовало отчасти паденію его министерства и іюльскаго правительства. Англія же (лордъ Пальмерстонъ) поддерживала радикаловъ. Но дѣла шли такъ быстро, война междоусобная была такъ непродолжительна, что вмѣшательство Франціи и ея сторонниковъ было уже напрасно. Другія державы западной Европы, потрясенныя февральской революціей и ея послѣдствіями, не имѣли никакой возможности вмѣшаться въ дѣла Швейцаріи. Такимъ образомъ, радикальная партія безпрепятственно воспользовалась результатами своего *торжества и приступила* къ пересмотру устройства республ-

лики. 12 сентября 1848 г. Швейцарія получила новое устройство, которое обратило ее въ союзное государство и придало центральной власти болѣе прочности и національнаго единства. Оно состояло въ слѣдующемъ: сеймъ замѣнился «союзнымъ собраніемъ» (Bundesversammlung), состоящимъ изъ 2-хъ камеръ: а) «національнаго совѣта», въ члены котораго избираются изъ всѣхъ кантоновъ на три года, въ размѣрѣ одного депутата на 20 тысячъ населенія, и б) «сословнаго совѣта», состоящаго изъ 44 членовъ, т. е. по два отъ каждаго кантона. Власть исполнительная принадлежала Президенту союза, избираемому ежегодно, и «союзному совѣту», состоящему изъ семи министровъ, избираемыхъ на три года. Бернъ былъ объявленъ постояннымъ мѣстопребываніемъ правительства и сейма.

Въ составъ Швейцарскаго союза вошелъ и Невшатель (или Нейенбургъ), находившійся подъ верховною властію Пруссіи. Это обстоятельство поставило Швейцарію въ непріязненное отношеніе къ Прусскому королю Фридриху IV Вильгельму, какъ наслѣдственному князю Нейенбурга, права котораго были признаны всѣми Европейскими державами на Лондонской конференціи (24 мая 1852 г.). Однако союзъ не обратилъ на это никакого вниманія и отказался возвратить Невшатель Пруссіи. Обѣ стороны уже начали вооружать войска, но Франція успѣла своимъ посредничествомъ рѣшить этотъ вопросъ. Переговоры о Невшателѣ начались на бывшей въ то время въ Парижѣ конференціи великихъ державъ и кончились самымъ миролюбивымъ образомъ: 16 мая 1857 г. король Прусскій отказался отъ верховной власти надъ княжествомъ Невшательскимъ, удержавъ за собою титулъ княжескій съ вознагражденіемъ въ милліонъ франковъ за уступку. На слѣдующій годъ король великодушно отказался и отъ этого денежнаго вознагражденія со стороны Швейцарскаго союза.

кать къ тайному обществу «молодой Италіи», составлявшемуся за границей. Во главѣ его стоялъ молодой генуэзецъ Іосифъ Мадзини, изгнанникъ, имя котораго пріобрѣло громкую извѣстность, «какъ вслѣдствіе его неутомимой дѣятельности на поприщѣ политическаго агитатора, такъ и вслѣдствіе его многочисленныхъ заблужденій и легкомысленныхъ поступковъ». «Молодая Италія» (Giovane Italia) проводила идею единства націи, оказывала предпочтеніе республиканскому образу правленія и желала построить общество на чисто-демократическихъ началахъ. Для этого она потребовала отъ своихъ адептовъ денежныхъ взносовъ, оружія и военныхъ припасовъ. Уставы ея предписывали строгую дисциплину, дѣятельную пропаганду и изданіе журнала.

Среди такого хаоса враждующихъ партій, заговоровъ, междоусобныхъ столкновеній, правительство, естественно, все болѣе и болѣе утрачивало свой авторитетъ и силу. Въ 1838 г. австрійцы оставили Римъ; за ними удалились изъ Анконы французы; дѣйствія либераловъ сдѣлались смѣлѣе, а матеріальная поддержка правительства ослабѣла и нравственное значеніе Папы поколебалось. Возстанія возобновились и одновременно правительство узнало о волненіяхъ въ Эмиліи, Анконѣ и Болоньѣ. Новыя военныя судилища, казни, кровопролитія, работы сбировъ и санфедистовъ составляли правительственную дѣятельность Папы. Такія жестокости и обращеніе къ старому порядку вещей возбудили только новую рѣшимость среди революціонеровъ. Несмотря на прокламаціи Массимо д'Азеліо, піемонтскаго уроженца, пользовавшагося не менѣе Мадзини популярностію во всей Италіи и совѣтывавшаго, вооружась терпѣніемъ, ожидать хорошаго въ отдаленномъ будущемъ, которое непремѣнно даруетъ Піемонту «щитъ итальянской независимости»,—возстаніе вспыхнуло сначала въ Римини, а потомъ и въ прилежащихъ къ нему провинціяхъ. «Возстаніе это, какъ объявлялъ манифестъ инсургентовъ, подняло знамя войны только во имя реформы, т. е. одинаковаго для всѣхъ правосудія, нѣкоторыхъ измѣненій въ зако-

Пріемникъ его, Левъ XII (1823 — 1829), отличался яростнымъ фанатизмомъ: онъ покровительствовалъ монашескимъ орденамъ, возстановилъ старинныя конгрегаціи кардиналовъ, подчинилъ духовенству народное образованіе, дарогалъ монахамъ и священникамъ множество льготъ и привиллегій; однимъ словомъ онъ хотѣлъ возстановить для духовенства средніе вѣка. Подобнаго рода распоряженія возбуждали негодованіе карбонаріевъ, а со стороны Льва XII это негодованіе вызывало строгія противъ нихъ мѣры. Начались жестокія преслѣдованія и наказанія всѣхъ захваченныхъ и обвиненныхъ въ политическихъ преступленіяхъ; въ одной Равенской области 500 человѣкъ преступниковъ были наказаны начиная съ смертной казни и оканчивая изгнаніемъ. Жестокій законъ «о подозрѣніи» присуждалъ всякаго мужчину и женщину къ семилѣтней каторгѣ, если они, зная о какомъ нибудь приверженцѣ карбонаризма, не доносили на него. Въ самомъ центрѣ Рима, въ виду Ватиканскаго дворца, былъ воздвигнутъ эшафотъ, на которомъ, въ числѣ другихъ преступниковъ, погибли Монтанари и Таргини. До сихъ поръ клерикальная партія дѣйствовала заодно съ папскимъ интересомъ; но, когда въ новыхъ распоряженіяхъ Льва XII высказалось его намѣреніе подчинить свѣтскую администрацію своему контролю и ввести въ границы приличія распущенные нравы духовенства, то и сама римская курія возстала противъ него. Папа внезапно захворалъ, среди увеселеній карнавала, и скоро скончался; таинственная, внезапная смерть его возбуждала много толковъ, и послужила сюжетомъ многихъ пасквилей, появлявшихся на стѣнахъ Рима по случаю его неожиданной кончины.

Правленіе Пія VIII, пріемника Льва XII, продолжалось 20 мѣсяцевъ (ум. 30 ноября 1830 г.). «Объ этомъ папѣ ничего нельзя сказать, исключая того, что онъ ничего не сдѣлалъ», сказалъ Пинто, одинъ изъ его современниковъ, государственный въ свое время человѣкъ. А поработать было надъ чѣмъ, потому что извѣстія о іюльской революціи волно-

вали умы и предвѣщали скорую грозу. Пока кардиналы заняты были спорами о выборѣ новаго папы въ Конклавѣ, начались волненія въ провинціяхъ и оттуда проникли и въ Римъ. Это обстоятельство побудило кардиналовъ ускорить избраніемъ новаго папы. Монахъ Капеллари сдѣлался Папою, подъ именемъ Григорія XVI (1831 — 1846).

Царствованіе Папы Григорія XVI началось грустными предзнаменованіями, и на самомъ дѣлѣ оказалось истиннымъ бѣдствіемъ для государства. На третій день вступленія на престолъ, въ Болоньѣ вспыхнула революція: тамъ учреждено было временное правительство, подъ предсѣдательствомъ адвоката Виччини. Возстаніе Болоньи съ цѣлію низвергнуть свѣтскую власть Папы и господство монаховъ встрѣтило сочувствіе во всѣхъ концахъ Папской области. Отрядъ волонтеровъ двинулся къ столицѣ; въ числѣ ихъ находились два Наполеонида: Наполеонъ и Людовикъ Бонапарте (нынѣ имп. Наполеонъ III), сыновья Людовика Голландскаго, впервые выступившіе на политическое поприще послѣ того, какъ фамилія ихъ перешла въ частную жизнь. Произошло нѣсколько кровавыхъ стычекъ, и въ одной изъ нихъ, близъ Отрокли, погибъ Наполеонъ Бонапарте (17 марта); младшій же, Людовикъ-Наполеонъ, предназначенный судьбою къ великой роли, былъ, переодѣтый, спасенъ своею матерью, королевою Гортензіею. Либеральная партія и вооружившіеся за нее волонтеры требовали отрѣшенія духовенства отъ управленія свѣтскими дѣлами, равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ, административной реформы и гарантій отъ произвола правительственныхъ лицъ. Единственнымъ отвѣтомъ Папы на эти требованія—было воззваніе къ иностранному вмѣшательству; Австрія выслала свои войска и парализовала всѣ дѣйствія революціонеровъ; а санфедисты и клерикалы въ союзѣ съ папскимъ правительствомъ открыли рядъ гоненій и преслѣдованій противъ своихъ враговъ-либераловъ. Невоздержанность клерикаловъ и ошибки Папскаго правительства обратили, наконецъ, на себя вниманіе европейской дипломатіи: 10 мая 1831 года представи-

тели Австріи, Франціи, Россіи, Пруссіи и Англіи подали Папскому правительству ноту, которая указывала на необходимость нѣкоторыхъ правительственныхъ реформъ, могущихъ ручаться за будущее спокойствіе Церковной области. Но несмотря на совѣты первокласныхъ державъ, правительство Папы продолжало дѣйствовать въ духѣ однажды принятой системы и прежнихъ злоупотребленій. Самъ Папа мало заботился объ управленіи и государственныхъ дѣлахъ: удовольствія и пиры поглощали все время; а дѣла были предоставлены кардиналамъ, составлявшимъ «священную коллегію». И потому положеніе Папской области ни сколько не улучшилось, потому что система правительственныхъ дѣйствій оставалась таже самая: чтобы подавить новыя волненія революціонеровъ, санфедисты организовали милицію изъ волонтеровъ, получившихъ названіе центуріоновъ (Centurioni). Насиліе, грабежъ, убійство, руководившія ихъ дѣйствіями, вызвали соотвѣтственные поступки и со стороны ихъ противниковъ. Среди бѣлаго дня они нападали другъ на друга и часто на улицахъ и площадяхъ происходили кровавыя стычки. Австрійцы, удалившіеся было изъ Рима, снова возвратились въ Церковную область, по вторичному призыву Папы, подъ начальствомъ генерала Грабовскаго (янв. 1832 г.). Но на этотъ разъ и французы приняли участіе въ посредничествѣ: они заняли своими войсками городъ Анкону (февр. 1832). Сначала появленіе французовъ породило много ожиданій, такъ какъ французское правительство объявило, что оно намѣрено защищать права папскихъ подданныхъ, потому что австрійцы дѣйствуютъ въ пользу Папы; однако скоро сдѣлалось яснымъ и явнымъ, что французское посредничество имѣло ту же цѣль, какъ и австрійское, т. е. поддержаніе папской власти противъ революціонныхъ замысловъ. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ водворилось спокойствіе, но только видимое. Смуты же не прекратились и повсюду замѣтно было волненіе умовъ. Карбонаріи, тѣснимые въ отечествѣ, чувствуя здѣсь свое безсиліе, оставляли родину и стали примы-

кать къ тайному обществу «молодой Италіи», составлявшемуся за границей. Во главѣ его стоялъ молодой генуэзецъ Іосифъ Мадзини, изгнанникъ, имя котораго пріобрѣло громкую извѣстность, «какъ вслѣдствіе его неутомимой дѣятельности на поприщѣ политическаго агитатора, такъ и вслѣдствіе его многочисленныхъ заблужденій и легкомысленныхъ поступковъ». «Молодая Италія» (Giovane Italia) проводила идею единства націи, оказывала предпочтеніе республиканскому образу правленія и желала построить общество на чисто-демократическихъ началахъ. Для этого она потребовала отъ своихъ адептовъ денежныхъ взносовъ, оружія и военныхъ припасовъ. Уставы ея предписывали строгую дисциплину, дѣятельную пропаганду и изданіе журнала.

Среди такого хаоса враждующихъ партій, заговоровъ, междоусобныхъ столкновеній, правительство, естественно, все болѣе и болѣе утрачивало свой авторитетъ и силу. Въ 1838 г. австрійцы оставили Римъ; за ними удалились изъ Анконы французы; дѣйствія либераловъ сдѣлались смѣлѣе, а матеріальная поддержка правительства ослабѣла и нравственное значеніе Папы поколебалось. Возстанія возобновились и одновременно правительство узнало о волненіяхъ въ Эмиліи, Анконѣ и Болоньѣ. Новыя военныя судилища, казни, кровопролитія, работы сбировъ и санфедистовъ составляли правительственную дѣятельность Папы. Такія жестокости и обращеніе къ старому порядку вещей возбудили только новую рѣшимость среди революціонеровъ. Несмотря на прокламаціи Массимо д'Азеліо, піемонтскаго уроженца, пользовавшагося не менѣе Мадзини популярностію во всей Италіи и совѣтывавшаго, вооружась терпѣніемъ, ожидать хорошаго въ отдаленномъ будущемъ, которое непремѣнно даруетъ Піемонту «щитъ итальянской независимости»,—возстаніе вспыхнуло сначала въ Римини, а потомъ и въ прилежащихъ къ нему провинціяхъ. «Возстаніе это, какъ объявлялъ манифестъ инсургентовъ, подняло знамя войны только во имя реформы, т. е. одинаковаго для всѣхъ правосудія, нѣкоторыхъ измѣненій въ зако-

водательствѣ и гарантій, обезпечивающихъ всеобщее благосостояніе». На эти требованія правительство отвѣчало пушечными выстрѣлами, и выславъ отрядъ швейцарцевъ, заставило инсургентовъ подъ предводительствомъ нѣкоего Піетро Ренци перебраться за границу Тосканы и искать тамъ убѣжища. Но Тосканскій герцогъ Леопольдъ II выдалъ папскимъ сбирамъ всѣхъ укрывшихся у него революціонеровъ, и въ томъ числѣ Ренци; печальная участь постигла ихъ.

Конецъ царствованія Григорія XVI былъ ознаменованъ двумя событіями, которыя на мгновеніе могли занять умы настоящимъ, и отвратить ихъ отъ тревожныхъ думъ и опасеній за будущее. Первое — посѣщеніе въ 1845 г. Рима Императоромъ Николаемъ I, который, какъ утверждали, въ одномъ изъ свиданій съ папою успѣлъ придти къ взаимному съ нимъ соглашенію относительно вопроса о положеніи католическаго духовенства въ Россіи; второе — пріѣздъ въ Римъ Пелегрино Росси, знаменитаго ученаго, профессора болонскаго университета, эмигранта, который, живя во Франціи, былъ возведенъ въ званіе пэра, — онъ явился въ Римъ, въ качествѣ французскаго посланника, чтобъ вести переговоры объ удаленіи съ французской территоріи іезуитовъ. Но эти оба событія ни въ чемъ не могли измѣнить затруднительныхъ обстоятельствъ, въ какія поставили страну пятнадцать лѣтъ гибельной для нея политики и раззорительной администраціи папы Григорія XVI. Умирающему осмидесятилѣтнему папѣ пришлось на смертномъ одрѣ испытать горькіе плоды людской неблагодарности. Лишь только доктора объявили, что болѣзнь его неизлѣчима, въ Ватиканѣ поднялась суматоха, и приближенные, понимая шаткое положеніе свое, захвативъ крохи папскаго достоянія, скрывались съ ними, куда кто могъ. Больной, покинутый всѣми, страдалъ въ припадкахъ сильнѣйшей горячки и умеръ на рукахъ конюха своего, случайно попавшаго въ папскія палаты. Григорій XVI скончался 1 іюня 1846 г.

ie Pia авство. Собравшійся конклавъ избралъ въ преемники Григо-

рія XVI, кардинала Мастаи-Феретти подъ именемъ Пія IX (Pio Nono). Джіованни-Марія изъ графскаго дома Мастаи-Феретти родился въ 1792 г. въ Сенигалья отъ родителей, отличавшихся либеральнымъ образомъ мыслей. Младшій изъ графовъ Феретти, Джіованни, изъявилъ желаніе вступить въ папскую гвардію (guardie nobili) при особѣ Пія VII; но обнаружившіеся припадки падучей болѣзни заставили его отказаться отъ такого поприща. Тогда онъ избралъ себѣ новую дорогу, и вступивъ въ духовное званіе, вскорѣ былъ возведенъ въ санъ каноника и прелата. Онъ учавствовалъ въ экспедиціи миссіонеровъ, отправлявшихся въ Чили распространять евангельское ученіе. Удачно избѣгнувъ опасностей, которымъ онъ тамъ подвергался, молодой Мастаи возвратился въ Римъ. Здѣсь онъ сталъ во главѣ одного благотворительнаго учрежденія и былъ возведенъ въ званіе епископа города Сполетто; вскорѣ сдѣлался кардиналомъ, и наконецъ, по странному стеченію обстоятельствъ, неожиданно, избранъ былъ въ папы.

Вполнѣ сознавая необходимость реформъ для успокоенія волновавшихся умовъ, «добродушный» Пій IX положилъ въ основаніе своего правленія правила, совершенно отличныя отъ политики своего предшественника. Но въ первое время онъ принялъ какое-то выжидательное положеніе, и не высказывался: только черезъ мѣсяцъ, именно 16 іюля, онъ объявилъ манифестъ объ амнистіи, распространенный на всѣхъ политическихъ преступниковъ. Этотъ актъ милосердія разомъ прославилъ имя Pio Nono во всей Италіи и снова возбудилъ мечты (высказанныя въ сочиненіи Джіоберти въ 1843 г.), что независимость и единство Италіи могутъ быть возстановлены только Папою. Вскорѣ Пій IX пріобрѣлъ еще новыя права на всеобщее расположеніе: черезъ двѣ недѣли, государственный секретарь, кардиналъ Джицци, циркуляромъ, обращеннымъ къ легатамъ и делегатамъ провинцій папскихъ, освѣдомлялся о нуждахъ и желаніяхъ провинціальнаго населенія. При такихъ, всюду высказываемыхъ сочувствіяхъ «ли-

При Пія IX «ко

беральному Папѣ», насталъ 1847 годъ, сопровождавшійся большими обѣщаніями со стороны папскаго правительства; въ нихъ упоминалось объ учрежденіи государственнаго совѣта (Consulta di Stato), объ основаніи національной гвардіи и тому подобныхъ нововведеніяхъ. Однако, только въ іюлѣ появился указъ, дозволявшій учрежденіе національной гвардіи подъ названіемъ «городской стражи» (Guardia civica); но въ тоже время кардиналамъ-префектамъ разослано было приказаніе приводить указъ въ дѣйствіе только въ случаѣ крайней необходимости, при неотступномъ требованіи населенія. Но либеральныя распоряженія крайне не нравились партіи санфедистовъ, которые въ свою очередь волновали народъ и хлопотали о подавленіи популярности Пія IX. Когда же съ помощію національной гвардіи эти волненія были прекращены, и когда дѣла повидимому начинали принимать благопріятный оборотъ, внезапно разнеслась вѣсть о занятіи Феррары австрійскимъ войскомъ. Опасаясь за внутренній порядокъ своихъ ломбардо-венеціанскихъ владѣній, куда могли проникнуть либеральныя идеи изъ Церковной области, Тосканы и королевства Сардинскаго, Австрія заняла войсками Феррару и учредила здѣсь военные посты. Государственный секретарь посылалъ депешу за депешей въ Вѣну, съ предписаніемъ требовать самаго строгаго отчета въ такомъ явномъ нарушеніи международныхъ правъ. Австрійское правительство отвѣчало уклончиво, и въ тоже время усиливало свой гарнизонъ. Все населеніе области пришло въ волненіе; всюду составлялись отряды волонтеровъ, чтобы идти противъ чужеземныхъ незванныхъ гостей. А въ февралѣ 1848 г. австрійцы наводнили всю Ломбардію и Венецію и объявили ихъ въ осадномъ положеніи. Видимо, Австрія опасалась увлеченія своихъ итальянскихъ земель въ общее дѣло объединенія Италіи. Въ эти торжественныя минуты народнаго увлеченія и ненависти къ австрійцамъ, и самъ Папа уступилъ общему желанію и задумался надъ осуществленіемъ идеи италіянскаго *единства, въ которомъ* бы Папство и Римъ были политичес-

кимъ средоточіемъ Италіи. Для этого онъ вступилъ въ торговый союзъ (lega doganale) съ Тосканою и Піемонтомъ, предполагая, что, въ случаѣ нужды, этотъ союзъ можетъ обратиться и въ политическій. Карлъ-Альбертъ Сардинскій и Леопольдъ II Тосканскій съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтили предложеніе Папы, и объявили себя сторонниками Пія IX и приверженцами прогресса и независимости; но король Неаполитанскій, герцоги Моденскій и Луккскій и герцогиня Пармская смотрѣли на несбыточныя мечты Папы косо и съ полнымъ презрѣніемъ. Съ того времени всѣ итальянскіе государи раздѣлились на два враждебные лагеря: Папа, Сардинія и Тоскана были на сторонѣ единства, прогресса и либеральныхъ учрежденій; а Неаполь, Парма, Лукка и Модена стояли за реакцію, разрозненность Италіи, и признавали надъ собою покровительство Австріи.

Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ и внутреннія реформы въ Папской области пошли нѣсколько живѣе и успѣшнѣе. 15 ноября послѣдовало открытіе государственнаго совѣта, а 30 ноября былъ объявленъ указъ (Motu proprio) о коренномъ преобразованіи совѣта министровъ; каждый министръ (всѣхъ было девять) былъ объявленъ отвѣтственнымъ; при совѣтѣ министровъ находились: прелатъ въ званіи секретаря и 24 аудитора; изъ нихъ 12 было свѣтскихъ. Въ этомъ новомъ правительственномъ строѣ три факта особенно заслуживали вниманія и чрезвычайно нравились народу: 1) точное распредѣленіе дѣятельности каждаго министерства, 2) отвѣтственность министровъ, уничтожавшая ихъ прежній произволъ и 3) допущеніе свѣтскаго элемента въ администраціи. За преобразованіемъ совѣта министровъ немедленно послѣдовало преобразованіе цензуры: новый уставъ книгопечатанія имѣлъ ту заслугу, что избавлялъ ее отъ произвола начальника цензуры, называвшагося «начальникомъ священныхъ апостольскихъ палатъ». Эти распоряженія были встрѣчены новыми изъявленіями народной радости и сопровождались торжественными оваціями на площади del Popolo, при

чемъ восторжественно произносилось любимое: Eviva Pio Nono! (да здравствуетъ Пій IX!).

Такимъ образомъ, Римъ сдѣлался сборнымъ мѣстомъ всѣхъ свободномыслящихъ италіянцевъ; имя Пія IX служило имъ какъ-бы лозунгомъ политическаго единства; а его знамя на время замѣняло національное знамя. Это національное движеніе къ новому, 1848 году, стало обнаруживаться и въ Венеціи, и Луккѣ, и Пармѣ, и Флоренціи, и въ особенности въ Сициліи (*), которая объявила открытую войну Неаполитанскому королю, требуя независимости и назначивъ 12 янв. послѣднимъ срокомъ своей терпимости. Усмиреніе Сициліи и другихъ итальянскихъ государствъ, поднявшихся за единство, сильно ослабило восторженное одушевленіе къ Папѣ, въ особенности когда народная масса узнала, что Пій IX отвергъ требованіе войны съ Австріей и поддержку Сициліи, какъ дѣйствія несовмѣстныя съ его положеніемъ и духовнымъ саномъ. Даже изгнаніе іезуитовъ и дарованіе конституціи (**) (подъ именемъ: «основной статутъ для управленія свѣтскими дѣлами Церковной области») не могли возвратить Папѣ его прежней популярности. Итальянецъ Росси (см. выше), пользовавшійся большимъ расположеніемъ народа, былъ облеченъ званіемъ перваго министра. Но дѣятельныя мѣры, принятыя Росси для подавленія волненій, навлекли на него ненависть римскихъ демократовъ, и при открытіи палатъ

(*) Во главѣ временнаго Сицилійскаго правительства, выбравшаго королемъ герцога Генуэзскаго, сына Карла Алберта, стоялъ Руджіерро-Сетимо. Многочисленный иностранный легіонъ, подъ начальствомъ поляка-эмигранта Мѣрославскаго, пришелъ на помощь Сицилійцамъ; побѣда, однако, осталась за королевскими войсками. 14 мая войска Неаполитанскія вступили въ столицу, и Сицилія снова должна была подпасть подъ власть неаполитанскихъ Бурбоновъ.

(**) Право изданія законовъ ввѣрялось двумъ палатамъ; члены верхней палаты назначались пожизненно Папой; а члены нижней избирались самимъ народонаселеніемъ; судебная власть объявлялась независимою; папское содержаніе ограничивалось 600 тыс. скудій (около 900 тыс. руб.).

История Испаніи послѣ Фердинанда VII (1834) представляетъ междоусобную борьбу карлистовъ съ христиносами. Первые поддерживали абсолютизмъ и права на престолъ Дона-Карлоса, брата Фердинанда VII; а послѣдніе стояли за кортесовъ, требовали возобновленія конституціи 1812 года и поддерживали права на престолъ Изабеллы, дочери Христины и Фердинанда VII. Борьба эта окончилась торжествомъ Христиносовъ и либеральной партіи.

Фердинандъ VII въ 1829 году вступилъ въ четвертый бракъ съ Неаполитанскою принцессою, Маріею-Христиною, сестрою герцогиня Беррійской, и это четвертое супружество подало королю надежды на потомство. На случай, если королева разрѣшится отъ бремени дочерью, король издалъ «прагматическую санкцію» (29 марта 1830 г.), по которой Салическій законъ, принесенный въ 1700 г. Бурбонами въ Испанію и лишавшій женское колѣно отъ престолонаслѣдія, уничтожался, и замѣнялся старымъ кастильскимъ закономъ, не исключавшимъ женскихъ правъ на престолъ. Дѣйствительно, 30 окт. 1830 г. королева родила дочь Изабеллу, которая и названа была принцессою Астурійскою, т. е. наслѣдницею престола. Такія распоряженія короля крайне не нравились абсолитистамъ или апостольской партіи, которая возлагала всѣ свои надежды на Дона-Карлоса, долженствовавшаго, по Салическому закону, занять Испанскій престолъ. Донъ-Карлосъ протестовалъ противъ прагматической санкціи, заявляя, что перемѣны въ порядкѣ престолонаслѣдія зависятъ отъ рѣшенія не одного короля, но всѣхъ членовъ королевскаго семейства. На сторонѣ его находился и духовникъ короля, съ помощію котораго апостольская партія рѣшилась воспользоваться тяжкою болѣзнію Фердинанда VII: убѣжденный духовникомъ и министромъ (Каломарде), представлявшими умирающему всѣ ужасы будущаго междоусобія, король отмѣнилъ санкцію. Но, оправившись отъ болѣзни, Фердинандъ VII возмутился противъ вѣроломной продѣлки своихъ приближенныхъ, удалилъ духовника, смѣнилъ министровъ, изгналъ сво-

его брата, и, созвавъ къ 20 іюня кортесы въ ихъ прежней формѣ, заставилъ ихъ присягнуть своей дочери, какъ будущей королевѣ, а мать ея, Марію-Христину, признать регентшею за ея малолѣтствомъ. Донъ-Карлосъ удалился въ Португалію, откуда вторично протестовалъ противъ нарушенія порядка престолонаслѣдія. Такимъ образомъ, когда 29 сент. 1833 г. Фердинандъ VII умеръ, междоусобная фамильная борьба сдѣлалась неизбѣжною, такъ какъ апостольская партія провозгласила своимъ королемъ Дона-Карлоса подъ именемъ Карла V, а либеральная партія сгруппировалась около королевы Изабеллы II и ея матери регентши Маріи-Христины. Низшіе классы народа, особенно поселяне и горцы, крѣпко державшіеся старыхъ іерархическихъ и монархическихъ учрежденій, примкнули къ карлистамъ; тогда какъ городское сословіе и офицеры, стоявшіе за кортесовъ и ограниченія королевской власти, были на сторонѣ христиносовъ; сѣверная и сѣверо-западная часть Испаніи были приверженны карлистамъ; а юговосточная часть и столица стояли за христиносовъ. Христиносовъ поддерживали всѣ абсолютныя державы, итальянскіе дворы, Донъ-Мигуэль, его португальскіе приверженцы и аристократія всей Европы. Христиносы нашли себѣ защитниковъ въ либеральныхъ правительствахъ Франціи и Англіи, въ Маріи-да-Глорія Португальской и въ среднемъ сословіи Европейскихъ государствъ.

Вступивъ въ управленіе государствомъ, регентша составила либеральное министерство, во главѣ котораго стоялъ Мартинецъ-де-ла-Роза, и издала въ апрѣлѣ 1830 г. королевскій статутъ (Estatuto real) по которому кортесы, раздѣленные на двѣ камеры, получили участіе въ законодательствѣ, опредѣленіи податей и налоговъ. Но крайніе либералы были этимъ недовольны и, какъ мы увидимъ ниже, раздѣлились на двѣ партіи: модерадосовъ и прогрессистовъ, чѣмъ и облегчили на нѣкоторое время успѣхи карлистамъ.

Карлистское возстаніе началось въ Басскихъ провинціяхъ въ окт. 1833 г. Баски, недовольные конституціею, уничто-

жнешею ихъ прежнія права и привилегіи (fueros), возстали на защиту стараго порядка вещей и партіи карлистовъ. Въ главѣ ихъ стоялъ народный герой Сумалакаррегви, одаренный необычайными способностями и умѣвшій сформировать изъ Баскковъ и явившихся волонтеровъ дисциплинированное и храброе войско, противъ котораго не могли устоять искуснѣйшіе христиносскіе генералы, несмотря на численное превосходство своихъ армій. Эти успѣхи Баскковъ ободрили Карлистовъ, особенно когда среди ихъ явился самъ Донъ-Карлосъ. Тогда регентша обратилась за помощію къ Англіи и Франціи, которыя отказались отъ посредничества въ этой междоусобной войнѣ, а выслали только по одному легіону для поддержки Христиносовъ. Но такая ничтожная помощь не могла измѣнить положенія дѣлъ, несмотря на то, что герой Баскковъ Сумалакаррегви былъ смертельно раненъ при Вильвао (16 іюня 1835 г.). Во главѣ мятежа, распространившагося и на Аррагонію, стоялъ теперь второй Сумалакаррегви въ лицѣ Кабреры—студента, бѣжавшаго изъ университета и дѣйствовавшаго съ страшною жестокостію, которою онъ мстилъ Христиносамъ за разстрѣляніе своей матери. Положеніе правительницы сдѣлалось еще затруднительнѣе, когда противъ нея вооружилась партія прогрессистовъ, требовавшая безусловнаго возстановленія конституціи 1812 года. Прогрессисты подняли знамя возстанія въ Барцелонѣ, Мадритѣ и другихъ большихъ городахъ, въ которыхъ уже начинали образовываться самостоятельныя юнты. Вооруженная толпа прогрессистовъ, въ ночь съ 12 на 13 авг. 1836 г., двинулась къ королевскому дворцу Ла-Граньи, гдѣ правительница имѣла свое мѣстопребываніе, соединилась здѣсь съ однимъ изъ гвардейскихъ полковъ и принудила регентшу принять конституцію 12 года, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы она была вновь пересмотрѣна кортесами. Пересмотръ конституціи былъ оконченъ кортесами къ іюню 1837 г., но не въ пользу прогрессистовъ, такъ какъ, по прежнему, законодательная власть раздѣлена была между двумя палатами кортесовъ: сенаторами

и только черезъ нѣсколько недѣль, послѣ ряда упорныхъ битвъ, Удино овладѣлъ городомъ (3 іюля). Республика была уничтожена и замѣнена временнымъ правительствомъ; Гарибальди и Мадзини спаслись бѣгствомъ. Въ апрѣлѣ 1850 г. Пій IX возвратился въ Римъ, гдѣ въ теченіи семнадцати лѣтъ поддерживался порядокъ присутствіемъ французскихъ войскъ. Вмѣсто политическихъ реформъ, какъ можно было ожидать, Пій IX занялся изслѣдованіемъ культа Дѣвы Маріи и по этому поводу созвалъ въ 1854 г. въ Римѣ соборъ, который принялъ догматъ о всенепорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи (immaculata conceptio). 8 дек. 1854 г. постановленіе собора было возвѣщено всему католическому міру, какъ основной догматъ римской церкви.

Результатомъ революціи въ Папской области было то, что свѣтское папство, лишенное почти всѣхъ своихъ правъ, остается, въ настоящее время, только призрачнымъ видѣніемъ.

b. Междоусобная война въ Испаніи.

Въ 1823 году Французскія войска, подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго, возстановили Фердинанда VII на престолѣ Испаніи и дали перевѣсъ партіи абсолютизма надъ кортесами. Пока былъ живъ Фердинандъ VII, конституціонная партія терпѣла гоненія и преслѣдованія. Даже іюльская революція, сильно поднявъ надежды притѣсненныхъ, не произвела никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ ихъ положеніи, хотя и было сдѣлано либералами нѣсколько попытокъ (*) во имя народнаго представительства; но онѣ кончились неудачно. Лучшее время для приверженцевъ кортесовъ наступило послѣ смерти Фердинанда VII.

(*) Мина и генералъ Торрихосъ (мартъ 1831 г.) Первый успѣлъ еще разъ спастись бѣгствомъ; а второй съ 54 своими соучастниками былъ казненъ.

Исторія Испаніи послѣ Фердинанда VII (1834) представляетъ междоусобную борьбу карлистовъ съ христиносами. Первые поддерживали абсолютизмъ и права на престолъ Дона-Карлоса, брата Фердинанда VII; а послѣдніе стояли за кортесовъ, требовали возобновленія конституціи 1812 года и поддерживали права на престолъ Изабеллы, дочери Христины и Фердинанда VII. Борьба эта окончилась торжествомъ Христиносовъ и либеральной партіи. Христи карл

Фердинандъ VII въ 1829 году вступилъ въ четвертый бракъ съ Неаполитанскою принцессою, Маріею-Христиною, сестрою герцогиня Беррійской, и это четвертое супружество подало королю надежды на потомство. На случай, если королева разрѣшится отъ бремени дочерью, король издалъ «прагматическую санкцію» (29 марта 1830 г.), по которой Салическій законъ, принесенный въ 1700 г. Бурбонами въ Испанію и лишавшій женское колѣно отъ престолонаслѣдія, уничтожался, и замѣнялся старымъ кастильскимъ закономъ, не исключавшимъ женскихъ правъ на престолъ. Дѣйствительно, 30 окт. 1830 г. королева родила дочь Изабеллу, которая и названа была принцессою Астурійскою, т. е. наслѣдницею престола. Такія распоряженія короля крайне не нравились абсолитистамъ или апостольской партіи, которая возлагала всѣ свои надежды на Дона-Карлоса, долженствовавшаго, по Салическому закону, занять Испанскій престолъ. Донъ-Карлосъ протестовалъ противъ прагматической санкціи, заявляя, что перемѣны въ порядкѣ престолонаслѣдія зависятъ отъ рѣшенія не одного короля, но всѣхъ членовъ королевскаго семейства. На сторонѣ его находился и духовникъ короля, съ помощію котораго апостольская партія рѣшилась воспользоваться тяжкою болѣзнію Фердинанда VII: убѣжденный духовникомъ и министромъ (Каломарде), представлявшими умирающему всѣ ужасы будущаго междоусобія, король отмѣнилъ санкцію. Но, оправившись отъ болѣзни, Фердинандъ VII возмутился противъ вѣроломной продѣлки своихъ приближенныхъ, удалилъ духовника, смѣнилъ министровъ, изгналъ сво-

его брата, и, созвавъ къ 20 іюня кортесы въ ихъ прежней формѣ, заставилъ ихъ присягнуть своей дочери, какъ будущей королевѣ, а мать ея, Марію-Христину, признать регентшею за ея малолѣтствомъ. Донъ-Карлосъ удалился въ Португалію, откуда вторично протестовалъ противъ нарушенія порядка престолонаслѣдія. Такимъ образомъ, когда 29 сент. 1833 г. Фердинандъ VII умеръ, междоусобная фамильная борьба сдѣлалась неизбѣжною, такъ какъ апостольская партія провозгласила своимъ королемъ Дона-Карлоса подъ именемъ Карла V, а либеральная партія сгруппировалась около королевы Изабеллы II и ея матери регентши Маріи-Христины. Низшіе классы народа, особенно поселяне и горцы, крѣпко державшіеся старыхъ іерархическихъ и монархическихъ учрежденій, примкнули къ карлистамъ; тогда какъ городское сословіе и офицеры, стоявшіе за кортесовъ и ограниченія королевской власти, были на сторонѣ христиносовъ; сѣверная и сѣверо-западная часть Испаніи были приверженны карлистамъ; а юговосточная часть и столица стояли за христиносовъ. Христиносовъ поддерживали всѣ абсолютныя державы, итальянскіе дворы, Донъ-Мигуэль, его португальскіе приверженцы и аристократія всей Европы. Христиносы нашли себѣ защитниковъ въ либеральныхъ правительствахъ Франціи и Англіи, въ Маріи-да-Глорія Португальской и въ среднемъ сословіи Европейскихъ государствъ.

Вступивъ въ управленіе государствомъ, регентша составила либеральное министерство, во главѣ котораго стоялъ Мартинецъ-де-ла-Роза, и издала въ апрѣлѣ 1830 г. королевскій статутъ (Estatuto real) по которому кортесы, раздѣленные на двѣ камеры, получили участіе въ законодательствѣ, опредѣленіи податей и налоговъ. Но крайніе либералы были этимъ недовольны и, какъ мы увидимъ ниже, раздѣлились на двѣ партіи: модерадосовъ и прогрессистовъ, чѣмъ и облегчили на нѣкоторое время успѣхи карлистамъ.

Карлистское возстаніе началось въ Басскихъ провинціяхъ въ окт. 1833 г. Баски, недовольные конституціею, уничто-

жителею ихъ прежнія права и привиллегіи (fueros), возстали на защиту стараго порядка вещей и партіи карлистовъ. Въ главѣ ихъ стоялъ народный герой Сумалакаррегви, одаренный необычайными способностями и умѣвшій сформировать изъ Бассковъ и явившихся волонтеровъ дисциплинированное и храброе войско, противъ котораго не могли устоять искуснѣйшіе христиносскіе генералы, несмотря на численное превосходство своихъ армій. Эти успѣхи Бассковъ ободрили Карлистовъ, особенно когда среди ихъ явился самъ Донъ-Карлосъ. Тогда регентша обратилась за помощію къ Англіи и Франціи, которыя отказались отъ посредничества въ этой междоусобной войнѣ, а выслали только по одному легіону для поддержки Христиносовъ. Но такая ничтожная помощь не могла измѣнить положенія дѣлъ, несмотря на то, что герой Бассковъ Сумалакаррегви былъ смертельно раненъ при Вильвао (16 іюня 1835 г.). Во главѣ мятежа, распространившагося и на Аррагонію, стоялъ теперь второй Сумалакаррегви въ лицѣ Кабреры—студента, бѣжавшаго изъ университета и дѣйствовавшаго съ страшною жестокостію, которою онъ мстилъ Христиносамъ за разстрѣляніе своей матери. Положеніе правительницы сдѣлалось еще затруднительнѣе, когда противъ нея вооружилась партія прогрессистовъ, требовавшая безусловнаго возстановленія конституціи 1812 года. Прогрессисты подняли знамя возстанія въ Барцелонѣ, Мадритѣ и другихъ большихъ городахъ, въ которыхъ уже начинали образовываться самостоятельныя юнты. Вооруженная толпа прогрессистовъ, въ ночь съ 12 на 13 авг. 1836 г., двинулась къ королевскому дворцу Ла-Граньи, гдѣ правительница имѣла свое мѣстопребываніе, соединилась здѣсь съ однимъ изъ гвардейскихъ полковъ и принудила регентшу принять конституцію 12 года, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы она была вновь пересмотрѣна кортесами. Пересмотръ конституціи былъ оконченъ кортесами къ іюню 1837 г., но не въ пользу прогрессистовъ, такъ какъ, по прежнему, законодательная власть раздѣлена была между двумя палатами кортесовъ: сенаторами

пользовавшимся этимъ правомъ; 2) понизить цензъ (или мѣру годоваго дохода), обусловливающій право быть избирателемъ и депутатомъ. Этотъ биль (по которому приходилось лишить правъ депутатства 60 гнилыхъ мѣстечекъ и 47 ничтожныхъ городовъ) встрѣтилъ самое упорное сопротивленіе со стороны аристократіи (верхней палаты) и торіевъ. По этому они напрягли всѣ свои усилія, чтобы воспрепятствовать ходу этого предложенія или измѣнить его сообразно съ выгодами своего сословія. Нѣсколько разъ верхняя палата большинствомъ голосовъ отвергла биль. При такомъ положеніи дѣлъ правительству ничего болѣе неоставалось, какъ распустить парламентъ и назначить новое министерство. Когда Грей потребовалъ у короля позволенія, назначить въ верхнюю палату столько новыхъ преданныхъ реформѣ лордовъ, сколько необходимо, чтобы побѣдить сопротивленіе верхняго парламента, король отказалъ, — Грей и министры подали въ отставку. Герцогу Веллингтону поручено было составить новое министерство. Видя невозможность избѣгнуть насильственныхъ мѣръ, необходимыхъ для подавленія народныхъ возмущеній, и не желая брать на себя одного отвѣтственности въ столь затруднительномъ дѣлѣ, въ особенности когда Робертъ Пиль отказался вступить въ министерство, — герцогъ Веллингтонъ возвратилъ королю свое полномочіе. Званіе перваго министра вторично предложено было Грею, а Веллингтонъ и его сторонники тори, угрожаемые волненіемъ народа и многочисленными митингами (народныя сборища), согласились не противиться билю и не принимать участія въ совѣщаніяхъ о немъ. Такимъ образомъ вопросъ о реформѣ прошелъ и черезъ верхнюю палату, и утвержденный 7 іюня 1832 г. сталъ закономъ Англіи. Городовое положеніе (1835), точнѣе опредѣлившее парламентскія права средняго сословія, вмѣстѣ съ билемъ о реформѣ окончательно установило свободный выборъ городскихъ представителей въ парламентъ и еще болѣе содѣйствовало торжеству виговъ надъ торіями и средняго сословія надъ аристократіею. При-

кортесами первымъ министромъ, потребовалъ у правительницы удаленія камарильи и возстановленія Майской конституціи. Оскорбленная въ своей властолюбивой гордости и будучи не въ силахъ отвергнуть эти требованія, Христина отказалась отъ регенства и отправилась во Францію, а кортесы, вновь созванные, назначали регентомъ Эспартеро (8 мая 1841). Но приверженцы Христины, поддерживаемые Франціей и огромными денежными запасами правительницы, производили волненія противъ Эспартеро, распуская слухи, что королева Изабелла содержится въ плѣну. Тутъ особенно отличались полковникъ Примъ и Нарваэсъ, соперники Эспартеро. Особенно сильно волновались партіи, когда настало время рѣшить вопросъ о замужествѣ Изабеллы: Эспартеро, приверженный къ Англіи и называемый за это «англолюбивымъ герцогомъ», поддерживалъ планы Англіи—сочетать ее бракомъ съ какимъ либо принцемъ изъ другой династіи; а мать, подъ вліяніемъ совѣтовъ французскаго правительства, хотѣла сохранить Испанію въ домѣ Бурбоновъ. Для достиженія этой цѣли необходимо было свергнуть регенство Эспартеро. Нарваэсъ, снабженный деньгами Христины, на которыя онъ могъ набрать значительное войско, высадился (27 іюня 1843 г.) въ Валенсіи и двинулся къ Мадриту. Регентъ бѣжалъ въ Кадиксъ, а оттуда удалился въ Англію. Нарваэсъ былъ возведенъ въ званіе-герцога Валенсіи, и сдѣланъ первымъ министромъ, а Марія Христина снова призвана въ Испанію. Съ этихъ поръ, въ Мадритѣ господствовала французская политика Луи-Филиппа, враждебная либерализму, политика, вѣнцомъ которой былъ такъ называемый «двойной Испанскій бракъ». Несмотря на всѣ хлопоты европейскихъ дипломатовъ—пріискать Испанской королевѣ жениха, который бы не мѣшалъ интересамъ ни одной изъ великихъ державъ, Луи-Филиппъ, сообща съ матерью королевы, устроилъ дѣло такъ, что Изабелла II выдана была замужъ за своего двоюроднаго брата *Франциска* д'Ассизъ (сына старшаго брата Дона-Карлоса); *а младшая ея* сестра отдала руку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бли-

жайшія права на испанскій престолъ, меньшому сыну Луи-Филиппа, герцогу Монпансье. Но скоро расчеты Франціи сдѣлались несостоятельными, потому что супружество Изабеллы не осталось безпотомственнымъ.

Февральская революція откликнулась и въ Испаніи; но Нарваэсъ, стоявшій во главѣ правленія, энергически успѣлъ подавить возстаніе прогресистовъ въ Мадритѣ, которое поддерживала Англія. Но придворная партія, во главѣ которой опять стояла возвратившаяся Марія Христина, устроила паденіе Нарваэса, обвиняемаго за разрывъ съ Англіею (1851 г.). Его мѣсто занялъ Браво-Мурильо, послушное орудіе въ рукахъ королевы матери, безпечный министръ, допустившій усилиться партіи республиканской и карлистской. Неудачное покушеніе на жизнь Изабеллы II, когда она, по обычаю народному, послѣ разрѣшенія отъ бремени, въ первый разъ посѣтила церковь, покушеніе, сдѣланное фанатикомъ-священникомъ Мериньо (2 фев. 1852),—послужило для Христины предлогомъ къ преслѣдованію прогрессистовъ, но съ другой стороны оно содѣйствовало и ея окончательному паденію. Войско, подъ начальствомъ генерала о'Доннеля, явилось въ Мадритъ и потребовало удаленія прежней правительницы изъ Испаніи. Съ побѣдою прогрессистовъ явился и старинный ихъ предводитель Эспартеро; но 14 іюля 1856 г. онъ долженъ былъ уступить первенство о'Доннелю, которому пришлось отстаивать права королевы противъ новаго представителя карлистовъ графа Монтемолино (*), сына Дона-Карлоса.

(*) *Донъ-Карлосъ* умеръ 10 марта 1855 г.

Глава XIV.

Англія въ правленіе Вильгельма IV и королевы Викторіи.

Іюльская революція, современная восшествію на престолъ Вильгельма IV, не осталась безъ послѣдствій и для Англіи. Торіи, какъ партія консервативная, пали, и должны были уступить свое преобладаніе вигамъ, подъ вліяніемъ которыхъ и подняты были вопросы: о парламентной реформѣ, хлѣбныхъ законахъ и объ успокоеніи Ирландскихъ католиковъ.— Вообще, съ этихъ поръ виги на долго удержали за собою правленіе, поддерживая въ дѣлахъ внѣшнихъ либеральныя и конституціонныя движенія въ другихъ государствахъ Европы.

Вильгельмъ IV (1830 — 1837) по вступленіи своемъ на престолъ думалъ удержать во главѣ министерства герцога Веллингтона, потому что на сторонѣ его находилось до этихъ поръ парламентское большинство. Но оно было непродолжительно. Новый парламентъ, созванный къ 26 октября 1830 г., противъ всѣхъ ожиданій короля, оказался переполненнымъ вигами и составившимся подъ вліяніемъ іюльской революціи: вся нижняя палата требовала возобновленія биля о гнилыхъ мѣстечкахъ и реформы парламента. Поддерживаемая сочувствіемъ народной массы, нижняя палата тотчасъ составила оппозицію первому министру и нанесла ему пораженіе по вопросу о содержаніи королевскаго двора. Веллингтонъ подалъ въ отставку, и министерство торіевъ должно было уступить свое мѣсто вигамъ, во главѣ которыхъ стоялъ престарѣлый лордъ, графъ Грей. Въ угоду волновавшемуся народу и во имя личныхъ убѣжденій, Джонъ Россель, одинъ изъ членовъ новаго министерства, 1 марта 1831 г. предложилъ въ нижнемъ парламентѣ биль о реформѣ. Его предложеніе состояло въ томъ, чтобы: 1) отнять у гнилыхъ мѣстечекъ право посылать депутатовъ въ нижнюю палату, и передать это право большимъ, вновь возникшимъ городамъ, не-

пользовавшимся этимъ правомъ; 2) понизить цензъ (или мѣру годоваго дохода), обусловливающій право быть избирателемъ и депутатомъ. Этотъ биль (по которому приходилось лишить правъ депутатства 60 гнилыхъ мѣстечекъ и 47 ничтожныхъ городовъ) встрѣтилъ самое упорное сопротивленіе со стороны аристократіи (верхней палаты) и торіевъ. По этому они напрягли всѣ свои усилія, чтобы воспрепятствовать ходу этого предложенія или измѣнить его сообразно съ выгодами своего сословія. Нѣсколько разъ верхняя палата большинствомъ голосовъ отвергла биль. При такомъ положеніи дѣлъ правительству ничего болѣе неоставалось, какъ распустить парламентъ и назначить новое министерство. Когда Грей потребовалъ у короля позволенія, назначить въ верхнюю палату столько новыхъ преданныхъ реформѣ лордовъ, сколько необходимо, чтобы побѣдить сопротивленіе верхняго парламента, король отказалъ, — Грей и министры подали въ отставку. Герцогу Веллингтону поручено было составить новое министерство. Видя невозможность избѣгнуть насильственныхъ мѣръ, необходимыхъ для подавленія народныхъ возмущеній, и не желая брать на себя одного отвѣтственности въ столь затруднительномъ дѣлѣ, въ особенности когда Робертъ Пиль отказался вступить въ министерство, — герцогъ Веллингтонъ возвратилъ королю свое полномочіе. Званіе перваго министра вторично предложено было Грею, а Веллингтонъ и его сторонники тори, угрожаемые волненіемъ народа и многочисленными митингами (народныя сборища), согласились не противиться билю и не принимать участія въ совѣщаніяхъ о немъ. Такимъ образомъ вопросъ о реформѣ прошелъ и черезъ верхнюю палату, и утвержденный 7 іюня 1832 г. сталъ закономъ Англіи. Городовое положеніе (1835), точнѣе опредѣлившее парламентскія права средняго сословія, вмѣстѣ съ билемъ о реформѣ окончательно установило свободный выборъ городскихъ представителей въ парламентъ и еще болѣе содѣйствовало торжеству виговъ надъ торіями и средняго сословія надъ аристократіею. При-

мѣръ горожанъ увлекъ къ тѣмъ же стремленіямъ и низшій классъ, находившійся въ крайнѣй нуждѣ; онъ потребовалъ 1) коренной (радикальной) реформы, по которой бы избирательное право предоставлено было всѣмъ гражданамъ безъ всякаго ограниченія цензомъ, 2) чтобы парламентъ смѣнялся ежегодно и 3) чтобы подача голосовъ была закрытая. Съ помощію даровитаго редактора одного журнала Вильяма Кобдена и адвоката Фиргеса о'Коннора, радикалы, въ особой «хартіи» изложили свои требованія, присоединивъ къ политическимъ реформамъ, и соціальныя, которыми они имѣли въ виду улучшить свое матеріальное положеніе. Въ нижнемъ парламентѣ, дѣйствительно составилась партія въ пользу радикаловъ, извѣстная подъ названіемъ «хартистовъ или чорчистовъ (по англійскому произношенію), которые въ то время еще не имѣли успѣха, но въ настоящую пору вліяніе ихъ на ходъ парламентскихъ дѣлъ становится болѣе и болѣе замѣтнымъ. Отмѣна хлѣбныхъ законовъ, допущеніе евреевъ въ нижнюю палату и послѣдняя реформа парламента (1867),— факты совершившіеся въ правленіе королевы Викторіи, въ сущности принадлежатъ радикаламъ (см. ниже). Что касается до Ирландскаго вопроса, то, какъ мы увидимъ ниже, онъ снова былъ поднятъ при Вильгельмѣ IV и продолжался при Викторіи; мы разсмотримъ его послѣ обзора внѣшней политики Англіи.

Въ дѣлахъ внѣшнихъ политика Англіи при Вильгельмѣ IV и королевѣ Викторіи была чрезвычайно удачна. Этому весьма много помогали: 1) отличное, многочисленное войско и громадный флотъ и 2) опытность государственныхъ дѣятелей, осторожныхъ, расчетливыхъ и выгодно пользовавшихся ходомъ современныхъ имъ событій. При всѣхъ замѣшательствахъ и внѣшнихъ затрудненіяхъ, Англія принимала на себя дѣятельное посредничество, и нельзя было ни предпринять, ни совершить ничего важнаго безъ ея содѣйствія или соучастія. При этомъ надо замѣтить, что англійское правительство (при Вильгельмѣ IV) старалось поддерживать мирныя

отношенія между государствами Европы и пріобрѣсти ихъ довѣріе, чтобы тѣмъ дать бо́льшее развитіе и расширеніе своей внѣшней торговлѣ и промышленности. Внѣ европейская ея политика была направлена на расширеніе, усиленіе и процвѣтаніе своихъ колоній.

Важнѣйшимъ вопросомъ общей Европейской политики былъ въ это время вопросъ восточный, разорвавшій дружественныя отношенія между Англіею и Франціею и породившій, съ другой стороны, недовѣріе къ русской политикѣ относительно Оттоманской Порты и востока.

Послѣ Турецкой войны, закончившейся Адріанопольскимъ миромъ и обезпечившей независимость новаго Греческаго королевства, Порта была приведена въ затруднительное положеніе тѣмъ переворотомъ, который готовилъ ей Египетскій паша Мехметъ-Али. Сынъ небогатыхъ родителей, родомъ изъ Румеліи, Мехметъ-Али, осиротѣвшій въ младенчествѣ, долгое время занимался табачною торговлею; потомъ онъ вступилъ въ военную службу и съ отрядомъ Румеліотовъ былъ отправленъ въ Египетъ для изгнанія французовъ, оставленныхъ тамъ Наполеономъ I. Обладая твердою рѣшимостію и большими дарованіями, онъ скоро достигъ до власти надъ Мамелюками и Албанцами, составлявшими въ Египтѣ войско Султана, и наконецъ былъ возведенъ въ званіе Египетскаго паши (1805). Подъ его управленіемъ Египетъ принялъ иной видъ. Подъ вліяніемъ Европейскаго образованія, слѣды котораго оставались еще сильны въ Египтѣ послѣ экспедиціи Наполеона, Мехметъ-Али окружилъ себя Французами, Англичанами, завелъ регулярныя войска и флотъ, обученные по-европейски, устроилъ школы, типографіи, усмирилъ буйныя толпы Мамелюковъ и Албанцевъ, покорилъ Нубію, Абиссинію, завладѣлъ Меккою и Мединою, и такимъ образомъ сдѣлалъ изъ слабаго Египта сильную, могущественную страну, которая въ состояніи была на нѣкоторое время поддержать Порту своими войсками и флотомъ въ борьбѣ противъ возставшихъ Грековъ. Къ 1830 году Мехметъ-Али

уже успѣлъ оправиться отъ Наваринскаго пораженія: онъ имѣлъ болѣе 30 военныхъ судовъ, въ томъ числѣ 11 линейныхъ кораблей, и 130 тысячь регулярнаго войска. Во время войны Турціи съ Россіею, видя полное изнеможеніе Порты, Мехметъ-Али отказался помогать султану, пересталъ ему платить дань, и въ 1831 году открыто возсталъ противъ него, съ намѣреніемъ образовать изъ Египта независимое, наслѣдственное государство. Сынъ его, Ибрагимъ-паша, двинулся съ войскомъ въ подвластную Портѣ Сирію, объявивъ Сирійскаго пашу своимъ личнымъ врагомъ. Войска Египетскія осадили Сенъ-Жанъ д'Акръ, и несмотря на мужественное сопротивленіе туземцевъ и турецкаго войска, крѣпость была взята приступомъ (25 мая 1832), а съ нею и вся Сирія должна была достаться въ руки Египетскаго вице-короля. Напрасно Султанъ предлагалъ сначала свое посредничество для примиренія Мехмета-Али съ Сирійскимъ пашею; потомъ объявилъ своего вассала мятежникомъ, измѣнившимъ государю и пророку,—ничто не могло остановить завоевательныхъ стремленій Египетскаго паши. Тогда было отправлено Портою войско къ границамъ Сиріи, но въ Таврскихъ ущельяхъ Ибрагимъ поразилъ его на голову. Эта побѣда (при Гомсѣ) открыла Ибрагиму путь въ Малую Азію, куда Султанъ выслалъ вторую сильнѣйшую армію подъ начальствомъ лучшаго своего полководца, визиря Решидъ-паши. 15 декабря 1832 г. при Копіи (древній Иконіумъ) произошло сраженіе: Турки были разбиты совершенно и раненый визирь попался въ плѣнъ. Отсюда Ибрагимъ двинулся къ западному берегу Малой Азіи, вездѣ былъ встрѣчаемъ съ величайшею радостію, и готовился переправляться въ Европейскія владѣнія Оттоманской Порты. Въ такихъ обстоятельствахъ, Султанъ рѣшился просить помощи у тѣхъ европейскихъ державъ, которыя взяли на себя гарантію цѣлости Оттоманской Порты. Онъ больше всего надѣялся въ этомъ случаѣ на помощь Англіи и Франціи. Но ни та, ни другая держава, занятыя *дѣлами Бельгійской* революціи, не приняли пока никакихъ

мѣръ къ защитѣ Султана и ограничились одними только увѣреніями въ дружбѣ. Россія же, вполнѣ понимая всю опасность, которая могла бы произойти отъ переворота, приготовляемаго Египетскимъ Пашею, — тотчасъ предложила свою помощь Султану. Русскій консулъ получилъ приказаніе немедленно выѣхать изъ Александріи, а Черноморскому флоту повелѣно было двинуться подъ начальствомъ адмирала Лазарева на защиту Оттоманской столицы. Первымъ результатомъ такихъ энергическихъ распоряженій было то, что Ибрагимъ-Паша пріостановилъ движеніе своихъ войскъ и далъ знать Султану, что онъ сдѣлалъ это вслѣдствіе повелѣнія своего отца. Съ другой стороны, появленіе нашей эскадры (5 линейныхъ кораблей и 4 фрегата) подъ стѣнами Константинополя сильно встревожило Францію, и французскій посланникъ, адмиралъ Руссенъ, получилъ приказаніе отклонить своимъ посредничествомъ помощь со стороны Россіи; онъ грозилъ султану разрывомъ съ Франціею, если русскіе корабли не удалятся изъ Босфора. Султанъ, видя что Ибрагимъ снова началъ военныя дѣйствія, отдался совершенно подъ покровительство Императора Николая и просилъ усилить эскадру (*) и прислать на помощь также и сухопутныя войска (весна 1833 г.).

Только теперь Англія и Франція, завидуя вліянію Россіи въ дѣлахъ востока, приступили къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и требовали удаленія нашихъ силъ изъ предѣловъ Турціи. Но Императоръ Николай возвѣстилъ имъ и остальнымъ кабинетамъ, «что флотъ и войска его останутся въ занятой ими позиціи, доколѣ Египетская армія неперейдетъ обратно за Таврскія горы». Англія и Франція въ отвѣтъ на это выслали только свои флотиліи на Востокъ и посредничество ихъ не осталось безъ послѣдствій: Мехмедъ-Али отозвалъ сво-

(*) Подъ начальствомъ графа Орлова въ Босфорѣ находилось 20 русскихъ кораблей, а на Малоазіатскомъ берегу у Гункіаръ-Скелесси была расположена 10 тыс. армія подъ командою генерала Муравьева.

его сына и войска изъ Малой Азіи и умѣрилъ свои требованія, а султанъ непрочь былъ отъ уступокъ въ пользу своего вассала. 6 мая 1833 г. состоялся договоръ съ Кутаисѣ, по которому Египетскій паша пріобрѣлъ Сирію на вассальныхъ отношеніяхъ и Аденскій округъ, какъ могассиль (временная аренда). Признательный и благодарный за помощь Россіи, Султанъ заключилъ съ Императоромъ Николаемъ оборонительный договоръ въ Гункіаръ-Скеллесси (26 іюня 1833 г.), по которому Турція обязалась закрыть Дарданелскій проливъ для военныхъ кораблей всѣхъ державъ иностранныхъ, исключая только русскихъ.

Но спокойствіе, водворенное на востокѣ вмѣшательствомъ европейскихъ кабинетовъ, было непродолжительно. Съ одной стороны, Султанъ не могъ примириться съ уступками, сдѣланными имъ Египетскому пашѣ; съ другой стороны—Мехметъ-Али, находившійся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Франціею, не покидалъ надежды, при помощи этой державы, достигнуть своихъ давнишнихъ намѣреній. Невыполненіемъ условій Кутаискаго договора, Мехметъ-Али въ 1839 году приготовилъ новый разрывъ съ Турціею, которой и на этотъ разъ пришлось потерпѣть неудачи; сухопутное войско ея было разбито Ибрагимомъ на берегахъ Ефрата при Низибіи, а флотъ, посланный къ Александріи, вслѣдствіе измѣны капитана-паши, передался на сторону Египта. Торжествующій паша потребовалъ отъ Абдулъ-Меджида, только-что вступившаго на престолъ послѣ смерти султана Махмуда: 1) наслѣдственной власти надъ Египтомъ, Сиріею, Аданомъ и Кандіею, и 2) удаленія врага своего, верховнаго визиря. При такомъ положеніи дѣлъ на востокѣ, всѣ первостепенныя державы, за исключеніемъ Франціи, убѣдились въ необходимости вступиться за Порту для поддержанія общаго мира въ Европѣ, и предложили Султану, не входя ни въ какія сношенія съ Мехметомъ-Али, отдать дѣла восточныя безпристрастному суду Европейскихъ кабинетовъ. Султанъ охотно согласился на это предложеніе. Въ Лондонѣ собралась конференція изъ пол-

тацій» — взять подъ свое покровительство революціонныя волненія на континентѣ Европы, чтобы тѣмъ развлечь и ослабить европейскія кабинеты. При такомъ образѣ дѣйствій Пальмерстонъ, заслужившій названіе Лорда-Поджигателя, понятно, всѣми силами содѣйствовалъ успѣхамъ революціи, разлившейся въ 1848 году по государствамъ западной Европы. Во имя своихъ принциповъ онъ поддерживалъ революціонныя начала въ другихъ земляхъ, а въ Англіи всѣми мѣрами старался подавлять подобныя явленія (*). Такая политика сдѣлала имя его ненавистнымъ въ чужихъ земляхъ, а въ Англіи доставила ему такую популярность, что онъ казался необходимымъ правительственнымъ лицомъ. Удаленный изъ министерства (**) на короткій срокъ (фев. 1852), онъ снова явился еще съ бо́льшимъ вѣсомъ и воспользовался теперь своимъ вліяніемъ, чтобы возстановить прежній союзъ съ Франціею для взаимныхъ дѣйствій противъ ненавистной ему Россіи.

Вражда между Англіею и Россіею была вызвана слѣдующими поступками Англійскаго правительства: 1) оно давало у себя убѣжище всѣмъ революціоннымъ агитаторамъ, цораженнымъ на континентѣ: Луи-Бланъ, Мадзини, Кошутъ и др. находили у Пальмерстона полное покровительство. 2) Самоуправство, съ которымъ Англія, поддерживая революціонныя движенія на континентѣ, вымогала всѣми насильственными путями вознагражденія для своихъ подданныхъ, пострадавшихъ отъ революціонныхъ безпорядковъ въ томъ или другомъ краю Европы. Такъ въ 1850 г. она выслала сильный флотъ къ берегамъ Греціи, чтобы потребовать вознагражденія отъ греческаго правительства за поврежденіе дома одного англійскаго подданнаго (Пачифико), и отдала приказаніе бло-

---

(*) Усмиреніе Ирландіи вооруженною силою.

(**) Главою министерства (торійскаго), во время отставки Пальмерстона, былъ лордъ Дерби (съ фев. 1852 по дек. того же года). Пальмерстонъ былъ отставленъ за преждевременное признаніе и одобреніе переворота, происшедшаго во Франціи 2 дек. 1851 г. (см. гл. XV).

выгоды въ Дарданелахъ, въ Европѣ стали не довѣрять Русской политикѣ относительно востока и думали, что Россія, одна, безъ совмѣстничества, стремится рѣшить восточный вопросъ. Это недовѣріе было распространяемо, съ особеннымъ усердіемъ, редакторомъ Уркгартомъ въ его изданіи Portfolio, и поддерживалось особенно Англіею, интересы которой сталкивались съ нашими по дѣламъ Азіатскимъ. Эти столкновенія происходили на Кавказѣ, въ Персіи, Авганистанѣ и Китаѣ.

Владѣя всѣмъ полуостровомъ Индостана, Англичане думали раздвинуть свои предѣлы за правый берегъ Инда. Такія намѣренія вызвали противодѣйствія со стороны дѣятельныхъ тамъ русскихъ агентовъ. Чтобы и съ своей стороны не остаться въ долгу, Англичане тайно поддерживали Черкесовъ, предводимыхъ имамомъ Шамилемъ; они разсчитывали этимъ отвлечь наше вниманіе отъ Персіи, Авганистана и Китая. Въ Персіи, послѣ Фетъ-али-шаха (1834), на престолъ вошелъ внукъ его Магометъ-Мирза; онъ началъ свое правленіе походомъ противъ города Герата, владѣвшимъ однимъ изъ важнѣйшихъ проходовъ въ Остъ-Индію. Англичане, для которыхъ было гораздо выгоднѣе имѣть сосѣдомъ своимъ слабаго Гератскаго владѣтеля, нежели болѣе-сильную Персію, выслали отряды на помощь Камрану (такъ назывался владѣтель Герата) и потребовали, чтобы шахъ снялъ осаду города. Запуганный войною съ Англіею, шахъ согласился на требованія англійскаго правительства, и въ 1838 г. отказался отъ Герата. За тѣмъ Англичане обратили вниманіе на Авганистанъ, который могъ составить важнѣйшій оплотъ для ихъ Остъ-Индскихъ владѣній. Послѣ Ахмеда-Шаха, изъ династіи Суддозисовъ, Авганистанъ распался на нѣсколько отдѣльныхъ царствъ, изъ которыхъ важнѣйшимъ было царство Кабульское. Одинъ изъ соперниковъ владѣтеля Кабула, происходившій изъ прежней династіи Суддозисовъ, бѣжалъ въ Индію и при помощи Англичанъ предъявилъ свои права на престолъ Кабульскій. Тогда Достъ-Магометъ Кабульскій об-

ратился за помощію къ Россіи. Опасаясь распространенія русскаго вліянія до границъ Остъ-Индіи, Англичане выслали войско въ Кабулъ, подъ начальствомъ генералъ-губернатора Остъ-Индіи, Лорда Аукленда. Достъ-Магометъ не въ состояніи былъ отразить вторженіе Англичанъ и въ авг. 1829 г. отказался отъ престола, на который и взошелъ претендентъ Суддозисъ Шудъ-Шахъ. Но вліяніе, пріобрѣтенное такимъ образомъ Англичанами надъ Авганистаномъ, было непродолжительно. Авганистанцы возстали и въ тайномъ убійствѣ истребили множество Англичанъ. Поэтому въ 1842 г. храбрый генералъ-губернаторъ Элепборо предпринялъ новый походъ: весь авганскій край, начиная отъ самаго Инда до хребта Гиндуку, подвергся страшному раззоренію. Тогда Британскія войска, наказавъ Авганцевъ, обратились на Синдъ (обширный край по южному берегу Инда), эмиръ котораго находился въ союзѣ въ Авганцами; здѣсь прославился генералъ Непиръ, который взялъ столицу Синда, Гайдерабадъ и весь край присоединилъ къ Британскимъ владѣніямъ. Въ это же время другой англійскій генералъ сэръ Вильямъ Гардингъ велъ удачную войну съ Сейками, которая послѣ многихъ кровопролитныхъ сраженій кончилась въ 1846 г. Лагорскимъ миромъ. Условія мира ставили обоихъ державцевъ Сейковъ въ зависимость Остъ-Индской компаніи и предоставляли компаніи торговую монополію въ Кашемирской долинѣ. Въ 1852 г. Британское владычество перенеслось и на другой берегъ Гангеса, когда Англичанамъ удалось покорить Бирманскую имперію. Въ то же время и Россія дѣятельно стремилась къ распространенію владычества своего въ Азіи. Такъ въ 1839 г. русское правительство снарядило, подъ предводительствомъ Перовскаго, Оренбургскаго генералъ-губернатора, экспедицію въ Хиву, результатомъ которой было то, что Хивинскій ханъ призналъ надъ собою власть Россіи.

Война Англіи съ Китаемъ кончилась также успѣшно. Англичане съ завистію смотрѣли на усилившееся вліяніе Россіи въ Китаѣ, такъ какъ Русскіе пользовались съ давнихъ

поръ обширными торговыми правами и даже содержали миссію въ самомъ Пекинѣ; а торговля англичанъ ограничивалась городами Кантономъ и Макао. Пока права этой торговли принадлежали Остъ-Индской компаніи, рѣдко нарушались дружественныя отношенія между китайцами и англичанами. Но когда (съ 1833 г.) англійское правительство уничтожило монополію Остъ-Индской компаніи и взяло ея торговлю въ свое вѣдѣніе, тогда возникли многія недоразумѣнія и столкновенія, которыя и привели обѣ державы къ войнѣ, имѣвшей слѣдствіемъ новое расширеніе англійскаго владычества въ Азіи и открытіе китайскихъ портовъ для торговой предпріимчивости европейцевъ. Чувствуя стѣсненія своей торговли въ Китаѣ, Англичане стали прибѣгать съ 1836 г. къ контрабандѣ и наводняли «Поднебесную имперію» громаднымъ количествомъ ввозимаго опіума, доставлявшаго ихъ торговлѣ большія выгоды. Разрушительныя дѣйствія опіума, къ которому болѣе и болѣе привыкалъ и безъ того разслабленный народъ и потому охотно платилъ за него большія деньги, заставили Богдыхана издать строгое запрещеніе употреблять и продавать этотъ товаръ. Китайскій губернаторъ потребовалъ у англійскихъ купцовъ выдачи всѣхъ складовъ опіума (1839), который и былъ по его приказанію уничтоженъ въ количествѣ 20 тыс. ящиковъ (цѣною на 4 мил. ф. стерлинговъ). Такимъ образомъ въ 1840 г. началась война съ Китаемъ. Англичане вначалѣ вели войну осторожно и робко, опасаясь за выгоды своей обширной чайной торговли. Только въ 1842 г. они приступили къ энергическимъ дѣйствіямъ, заняли островъ Чусанъ и по рѣкѣ Янтсекіанку достигли до самаго Пекина. 29 авг. 1842 г. былъ подписанъ миръ, по которому англичанамъ 1) дозволена была торговля опіумомъ, 2) уступленъ островъ Гонгъ-Конъ, 3) дано денежное вознагражденіе въ 21 мил. піастровъ и 4) открыто для англійской и вообще европейской торговли пять китайскихъ портовъ. Совершенно иначе пользовалась Россія своими торговыми *трактатами* съ Китаемъ: въ то время какъ англичане, добив-

спѣшностью и было открыто засѣданіе: надо было торопиться, потому что съ наступленіемъ ночи могли случиться самыя непредвидѣнныя опасности, такъ какъ толпа еще незнала результатовъ своей февральской революціи. Но оказалось, что въ комнатахъ редакцій журналовъ «Національя» и «Реформы» собралось другое временное правительство, въ числѣ членовъ котораго, кромѣ лицъ, объявленныхъ Ламартиномъ, находились и вычеркнутыя имъ фамиліи: Луи Блана, Армана Марра, Флокона, Альбера и другихъ, которые всѣ были самыми крайними приверженцами соціализма. Чтобы въ самомъ началѣ избѣжать ссоры и междоусобій, временное правительство приняло къ себѣ исключенныхъ, съ титуломъ секретарей. Первыми распоряженіями новаго правительства было: 1) объявленіе прокламаціи провозглашавшей республику, а прежнія палаты распущенными; 2) воззваніе къ войску, которое приглашалось присоединиться къ дѣлу народа и республики. Эти прокламаціи въ большомъ количествѣ экземпляровъ были выброшены изъ оконъ къ народу, изъ рукъ котораго онѣ достигли до типографій и въ этотъ же день появились напечатанными въ газетахъ. За тѣмъ назначены были министры по большей части изъ членовъ временнаго правительства; во главѣ національной гвардіи былъ поставленъ Курте; а изъ воспитанниковъ политехнической школы былъ составленъ отрядъ для охраненія дворцевъ, музеевъ, желѣзныхъ дорогъ и т. п. Но яростные ораторы въ стилѣ 1793 года, соціалистскіе мечтатели, оборванная и пьяная чернь отвергли законность временнаго правительства. Бушевавшая толпа врывалась въ залы hôtel de ville и народъ выражалъ намѣреніе разогнать и уничтожить временное правительство. Не малаго труда стоила защита временнаго правительства; оно обязано было продолженіемъ своего существованія краснорѣчію, смѣлости и присутствію духа Ламартина. Семь или восемь разъ онъ отбивалъ напоры толпы силою своего слова или счастливою находчивостію: «Чего вы хотите?» однажды воскликнулъ онъ опьянѣвшей отъ вина и ярости толпѣ, которая ломилась въ залу

подавленія народныхъ сборищъ и право отдать всякого неспокойнаго подъ военный судъ. Обѣ эти мѣры не привели къ цѣли, а напротивъ того возбудили неудовольствіе какъ въ Ирландіи, такъ и въ самой Англіи. Католическое духовенство Ирландіи называло святотатствомъ то распоряженіе, по которому экономія отъ церковныхъ сборовъ должна была идти частію на устройство протестантскихъ школъ. А въ Англіи такія распоряженія вызвали негодованіе въ протестантскомъ духовенствѣ и въ поклонникахъ старинныхъ англійскихъ учрежденій. Англиканское духовенство съ своимъ завѣтнымъ девизомъ «король и церковь» сильно работало въ пользу торіевъ, и достигло паденія виговъ. Король Вильгельмъ IV уступилъ требованіямъ духовенства и, по совѣту Веллингтона, поставилъ во главѣ министерства сэра Роберта Пиля (10 дек. 1834), представителя торіевъ. Онъ старался примирить обѣ враждующія стороны и издалъ новый «билль о десятинахъ въ Ирландіи,» по которому уничтожалъ употребленіе церковной экономіи на мірскія надобности. Но этотъ билль палъ передъ предложеніемъ Лорда Джона Росселя «употреблять остатки отъ церковныхъ доходовъ Ирландіи единственно на улучшеніе образовательныхъ средствъ только самой Ирландіи». Когда большинство оказалось на сторонѣ Росселя, торіи подали въ отставку. Новое министерство было вигское; въ немъ предсѣдательствовалъ лордъ Мельбурнъ (18 апрѣля 1835). Но чѣмъ усерднѣе нижняя палата и виги настаивали на необходимости поднять благосостояніе Ирландскихъ католиковъ, тѣмъ упорнѣе и рѣшительнѣе сопротивлялась этому верхняя палата и торіи. Послѣдніе устраивали такъ называемыя «оранжистскія ложи», которыя подъ вѣдѣніемъ главы своей, герцога Кумберландскаго, всѣми средствами старались поддержать преобладаніе протестантизма въ Ирландіи. Въ такомъ положеніи тянулся Ирландскій вопросъ до сороковыхъ годовъ. Съ восшествіемъ на престолъ королевы Викторіи, воспитанной въ либеральныхъ началахъ, вигское министерство должно было уступить, какъ мы уже видѣли, свое мѣсто

торіямъ; тогда упали и надежды Ирландцевъ на улучшеніе своего положенія путемъ законныхъ реформъ. По этому о'Коннель возобновилъ рипилерскія движенія, разжигая на исполинскихъ митингахъ племенную и религіозную ненависть соотечественниковъ противъ Англичанъ-еретиковъ и указывая на «рипиль», какъ на единственное средство спасенія родины. Снова вооруженныя толпы забродили по острову, разнося убійство и пожары по землямъ англиканскихъ помѣщиковъ и духовныхъ лицъ. Возобновленіе «смирительнаго билля», арестъ о'Коннеля и отданіе его подъ судъ, — всѣ эти мѣры, предпринятыя торіями, оказались безсильными для водворенія порядка. Ни къ чему не повели и величайшія пожертвованія Англичанъ по случаю наступившаго въ Ирландіи въ 1846 г. голода, вслѣдствіе болѣзни картофеля, составлявшаго главный посѣвъ ирландскихъ земледѣльцевъ. Обвиняя въ своихъ несчастіяхъ и нищетѣ Англичанъ, Ирландцы смотрѣли на эти пожертвованія какъ самую ничтожную помощь своему бѣдственному положенію. Смерть о'Коннеля (1847) пособила нѣсколько англійскому правительству, такъ какъ послѣ него начались несогласія между рипилерами. Но февральская революція снова подняла и слила волновавшихся Ирландцевъ въ одинъ общій мятежъ. Тогда правительство поставлено было въ необходимость прибѣгнуть къ вооруженной силѣ и отправить войска въ Ирландію. Предводимые о'Бріиномъ, пріемникомъ «великаго агитатора», рипили не могли оказать сопротивленія регулярнымъ англійскимъ войскамъ и прекратили возмущеніе. Нѣсколько тысячъ Ирландцевъ переселились въ Сѣверную Америку, и въ Ирландіи на-время возстановилось спокойствіе и внутренній порядокъ. Правительство приступило, въ послѣднее время, къ коренным реформамъ церковнымъ, общественнымъ и политическимъ и тѣмъ поставило Ирландію въ болѣе удовлетворительное положеніе. Но несмотря на эти реформы, Ирландія не спокойна и въ настоящее время (феніанизмъ).

бъ унич- Одновременно съ Ирландскимъ вопросомъ, велся и вопросъ

о хлѣбныхъ законахъ. Преобразованіе этого закона, затруднявшаго ввозъ иностраннаго хлѣба въ Англію, принадлежитъ, какъ мы уже упомянули, дѣйствіямъ радикаловъ. Этотъ законъ, выгодный для землевладѣльцевъ-аристократовъ и тяжелый для низшихъ классовъ, — вслѣдствіе энергическихъ народныхъ волненій и образованія Джономъ Кобденомъ такъ называемой лиги противъ хлѣбныхъ законовъ (anticornlaw lague) былъ сперва смягченъ (1842); а потомъ 25 іюня 1846 г. совершенно уничтоженъ; торговля хлѣбомъ сдѣлалась свободною. Для покрытія недочета въ государственной казнѣ, причиненнаго отмѣной хлѣбныхъ законовъ, сэръ Робертъ Пиль ввелъ «3-хъ-процентный налогъ съ доходовъ», падавшій преимущественно за зажиточныхъ аристократовъ. Такія распоряженія министерства Пиля вооружили противъ него торіевъ, считавшихъ его измѣнникомъ своихъ интересовъ, и они заставили его выйти въ отставку. Мѣсто его занялъ Джонъ-Россель, глава виговъ (іюнь 1846).

Въ новомъ министерствѣ огромнымъ вліяніемъ пользовался министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Пальмерстонъ. При немъ Англія находилась на высшей степени внѣшняго могущества и торговаго преобладанія. Послѣднему весьма много содѣйствовали: 1) успѣхи Англичанъ во внутренней Азіи и пріобрѣтеніе Адена (на южномъ берегу Аравіи), который доставилъ Англичанамъ господство надъ торговымъ путемъ по Индѣйскому океану и тѣмъ «округлилъ» ихъ колоніальныя территоріи, и 2) процвѣтаніе колонизаціи англійской въ Австраліи послѣ построенія тамъ городовъ: Мельбурна и Аделаиды; открытіе въ Австраліи золотоносныхъ песковъ, которые своимъ обиліемъ не уступали Калифорнскимъ пріискамъ, привлекло сюда множество колонистовъ изъ Англіи и другихъ государствъ Европы, тѣмъ болѣе, что климатическія условія послѣдней весьма сходны съ австралійскими.

Что касается до внѣшней политики, то лордъ Пальмерстонъ считалъ необходимымъ для выгодъ Англіи, послѣ разрыва «сердечнаго согласія» съ Франціею по поводу «испанскихъ бракосоче-

тапій» — взять подъ свое покровительство революціонныя волненія на континентѣ Европы, чтобы тѣмъ развлечь и ослабить европейскія кабинеты. При такомъ образѣ дѣйствій Пальмерстонъ, заслужившій названіе Лорда-Поджигателя, понятно, всѣми силами содѣйствовалъ успѣхамъ революціи, разлившейся въ 1848 году по государствамъ западной Европы. Во имя своихъ принциповъ онъ поддерживалъ революціонныя начала въ другихъ земляхъ, а въ Англіи всѣми мѣрами старался подавлять подобныя явленія (*). Такая политика сдѣлала имя его ненавистнымъ въ чужихъ земляхъ, а въ Англіи доставила ему такую популярность, что онъ казался необходимымъ правительственнымъ лицомъ. Удаленный изъ министерства (**) на короткій срокъ (фев. 1852), онъ снова явился еще съ бо́льшимъ вѣсомъ и воспользовался теперь своимъ вліяніемъ, чтобы возстановить прежній союзъ съ Франціею для взаимныхъ дѣйствій противъ ненавистной ему Россіи.

Вражда между Англіею и Россіею была вызвана слѣдующими поступками Англійскаго правительства: 1) оно давало у себя убѣжище всѣмъ революціоннымъ агитаторамъ, цораженнымъ на континентѣ: Луи-Бланъ, Мадзини, Кошутъ и др. находили у Пальмерстона полное покровительство. 2) Самоуправство, съ которымъ Англія, поддерживая революціонныя движенія на континентѣ, вымогала всѣми насильственными путями вознагражденія для своихъ подданныхъ, пострадавшихъ отъ революціонныхъ безпорядковъ въ томъ или другомъ краю Европы. Такъ въ 1850 г. она выслала сильный флотъ къ берегамъ Греціи, чтобы потребовать вознагражденія отъ греческаго правительства за поврежденіе дома одного англійскаго подданнаго (Пачифико), и отдала приказаніе бло-

---

(*) Усмиреніе Ирландіи вооруженною силою.

(**) Главою министерства (торійскаго), во время отставки Пальмерстона, былъ лордъ Дерби (съ фев. 1852 по дек. того же года). Пальмерстонъ былъ отставленъ за преждевременное признаніе и одобреніе переворота, происшедшаго во Франціи 2 дек. 1851 г. (см. гл. XV).

кировать берега Мореи. Также насильственно Англія потребовала отъ Неаполя и Тосканы вознагражденія для своихъ пострадавшихъ подданныхъ. За угнетенныхъ вступилась Россія, и Императоръ Николай I отправилъ англійскому правительству ноту, въ которой грозилъ запретить англійскимъ подданнымъ пребываніе въ Россіи, если присутствіе ихъ поведетъ къ такимъ же замѣшательствамъ, какія произошли въ Греціи, Тосканѣ и Неаполѣ. Вотъ какія обязательства возбудили ненависть Пальмерстона противъ Россіи. Въ отмщеніе намъ, лордъ Пальмерстонъ, вступивъ въ концѣ 1852 г. снова въ министерство, устроилъ союзъ съ Франціею, и изъ ничтожнаго недоразумѣнія на Востокѣ, которое легко могло быть устранено путемъ дипломатическимъ,—возжегъ «Крымскую войну», въ которой Англія, Франція и Сардинія приняли на себя роли защитниковъ Турціи противъ мнимыхъ завоевательныхъ намѣреній Императора Николая (см. главу XX).

3-й періодъ (1848—1856).

ОТЪ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ ДО ПАРИЖСКАГО МИРА.

Глава XV.

Франція съ 1848 г.

Въ этомъ періодѣ мы разсмотримъ послѣдствія февральской революціи во Франціи и тѣ перевороты, которые произведены были этимъ событіемъ въ другихъ государствахъ Европы.

Послѣ отреченія Луи-Филиппа и неудачной попытки герцогини Орлеанской сдѣлаться регентшей за малолѣтствомъ своего сына, во Франціи была объявлена республика. Она продолжалась четыре года. Въ 1852 году, президентъ республики Луи-Бонапарте, съ помощію преданнаго ему войска, прекратилъ ея существованіе и объявилъ себя Императоромъ французовъ, подъ именемъ Наполеона III.

Мы уже видѣли, что Луи-Филиппъ, съ своею супругою, съ герцогинею Немурскою, и дѣтьми ея, по совѣту адвоката Кремье, 24 февраля, покинулъ Парижъ и въ наемной каретѣ отправился къ морю, чтобы оттуда переѣхать въ Англію. Но герцогиня Орлеанская, съ дѣтьми, въ сопровожденіи герцога Немурскаго, явилась въ палату депутатовъ, надѣясь, что сынъ ея, графъ Парижскій, будетъ объявленъ королемъ, а ей будетъ предоставлено регентство. Надежды ея не сбылись. Толпа

черни, ворвавшись въ Тюильрійскій дворецъ, провозгласила уже республику и съ тѣми же криками бросилась къ палатѣ депутатовъ. Тогда, при возрастающемъ шумѣ и напорѣ толпы депутатовъ, Мари сдѣлалъ предложеніе объ учрежденіи временнаго правительства, и только тѣмъ возстановилъ нѣкоторое спокойствіе. За нимъ говорилъ Ледрю-Ролленъ, который также требовалъ учрежденія временнаго правительства и созванія національнаго собранія для рѣшенія о будущемъ государственномъ устройствѣ Франціи. Въ томъ же смыслѣ говорилъ послѣ него и Ламартинъ. При такихъ обстоятельствахъ, герцогиня увидѣла всю невозможность осуществленіе своихъ намѣреній и оставила залу депутатовъ. Тогда Ламартинъ, призвавъ на президентское кресло Дюпонъ-дель-Эра, и при помощи нѣкоторыхъ молодыхъ людей, устроилъ назначеніе временнаго правительства. Депутатамъ и собравшейся толпѣ предложено было написать на особыхъ билетикахъ имена тѣхъ лицъ, которые, по ихъ мнѣнію, годились въ члены временнаго правительства. Ламартинъ собралъ эти билетики, составилъ по собственному усмотрѣнію списокъ и передалъ его Дюпону, который и провозгласилъ имена членовъ временнаго правительства. Это были: Дюпонъ, Ламартинъ, Араго, Мари, Гарнье-Пажесъ, Ледрю-Ролленъ и Кремье. Луи-Бланъ (Louis Blanc), хотя и былъ предлагаемъ въ члены очень многими, но не былъ внесенъ въ списокъ за свой соціалистскій образъ мыслей. Это обстоятельство вызвало было громкія возраженія, но Ламартинъ прекратилъ ихъ предложеніемъ перенести мѣсто засѣданій временнаго правительства въ городскую ратушу (hôtel de ville). Когда члены временнаго правительства подошли къ площади Chatelet, гдѣ помѣщалась ратуша, они увидѣли громадную толпу, которая тѣснилась и силилась проникнуть во внутрь самаго зданія. Только послѣ многихъ напрасныхъ усилій, удалось временному правительству попасть въ зданіе, гдѣ оказалось, что шумъ и толкотня были еще ужаснѣе. Съ трудомъ успѣли очистить отъ толпы только одну комнату, гдѣ со всею по-

спѣшностью и было открыто засѣданіе: надо было торопиться, потому что съ наступленіемъ ночи могли случиться самыя непредвидѣнныя опасности, такъ какъ толпа еще незнала результатовъ своей февральской революціи. Но оказалось, что въ комнатахъ редакцій журналовъ «Національя» и «Реформы» собралось другое временное правительство, въ числѣ членовъ котораго, кромѣ лицъ, объявленныхъ Ламартиномъ, находились и вычеркнутыя имъ фамиліи: Луи Блана, Армана Марра, Флокона, Альбера и другихъ, которые всѣ были самыми крайними приверженцами соціализма. Чтобы въ самомъ началѣ избѣжать ссоры и междоусобій, временное правительство приняло къ себѣ исключенныхъ, съ титуломъ секретарей. Первыми распоряженіями новаго правительства было: 1) объявленіе прокламаціи провозглашавшей республику, а прежнія палаты распущенными; 2) воззваніе къ войску, которое приглашалось присоединиться къ дѣлу народа и республики. Эти прокламаціи въ большомъ количествѣ экземпляровъ были выброшены изъ оконъ къ народу, изъ рукъ котораго онѣ достигли до типографій и въ этотъ же день появились напечатанными въ газетахъ. За тѣмъ назначены были министры по большей части изъ членовъ временнаго правительства; во главѣ національной гвардіи былъ поставленъ Курте; а изъ воспитанниковъ политехнической школы былъ составленъ отрядъ для охраненія дворцевъ, музеевъ, желѣзныхъ дорогъ и т. п. Но яростные ораторы въ стилѣ 1793 года, соціалистскіе мечтатели, оборванная и пьяная чернь отвергли законность временнаго правительства. Бушевавшая толпа врывалась въ залы hôtel de ville и народъ выражалъ намѣреніе разогнать и уничтожить временное правительство. Не малаго труда стоила защита временнаго правительства; оно обязано было продолженіемъ своего существованія краснорѣчію, смѣлости и присутствію духа Ламартина. Семь или восемь разъ онъ отбивалъ напоры толпы силою своего слова или счастливою находчивостію: «Чего вы хотите?» однажды воскликнулъ онъ опьянѣвшей отъ вина и ярости толпѣ, которая ломилась въ залу

совѣщаній. «Твоей головы!» отвѣчали ему. «Дай Богъ, сказалъ онъ, чтобы у каждаго изъ васъ была такая голова; вы были бы умнѣе». Громкій смѣхъ и всеобщее браво положили конецъ смятенію. Для того, чтобы отнять у возстанія средства для повторенія подобныхъ волненій, по предложенію Ламартина была учреждена «подвижная гвардія» (garde mobile) состоящая изъ 24 баталіоновъ пѣхоты (сюда принимали только молодыхъ людей отъ 14 до 20 лѣтъ) и оказавшая скоро величайшія услуги городу и всей странѣ. Рано утромъ, 25 февраля, парижское населеніе пришло опять въ движеніе. Толпа рабочихъ и пролетаріевъ, смѣшавшись съ освобожденными изъ тюремъ преступниками, въ количествѣ отъ 40 до 50 тыс. человѣкъ, ворвалась въ залу засѣданій и выставила рядъ самыхъ необузданныхъ требованій: 1) чтобы принято было знамя краснаго цвѣта, напоминающее время 1793 года, когда цвѣтъ красный былъ объявленъ символомъ человѣческаго братства; 2) чтобы національная гвардія была обезоружена, а оружіе роздано народу; 3) чтобы всѣмъ бѣднякамъ была доставлена работа и право на трудъ, уничтоженъ пролетаріатъ, и множество подобныхъ несообразностей.

Члены временнаго правительства, осаждаемые штурмами, слѣдовавшими безъ промежутковъ, одинъ за другимъ, были утомлены до изнеможенія; только одинъ Ламартинъ сохранялъ еще достаточно силъ и твердой воли, чтобы бороться съ возстаніями. Толпѣ, явившейся съ соціальными требованіями, онъ отвѣчалъ, что онъ скорѣе умретъ, чѣмъ допуститъ кровавому знамени занять мѣсто трехцвѣтнаго; «ваше красное знамя ходило только кругомъ Марсова поля, гдѣ въ 1791 и 1793 г. его влачили по крови народа, тогда какъ трехцвѣтное знамя съ именемъ, славою и свободою отечества обошло весь свѣтъ кругомъ». Ламартинъ въ этотъ день совершилъ невѣроятныя вещи, слово его дѣлало чудеса; онъ сбилъ съ поля тысячи дикихъ, бѣснующихся людей, отвергъ себялюбивыя требованія соціалистовъ и спасъ для Франціи ея трехцвѣтное знамя.

Только теперь временное правительство могло уже совѣщаться свободно и издало нѣсколько мѣръ, долженствовавшихъ служить для французской націи и для другихъ народовъ ручательствомъ за характеръ новой республики. Для болѣе твердаго положенія временнаго правительства оставалось устроить торжественное провозглашеніе республики. 27 февраля, на Бастильской площади, передъ колонною, напоминавшею объ іюльской революціи, было отпраздновано объявленіе республики, безъ малѣйшаго нарушенія порядка. Съ этого момента вся Франція спѣшила присягнуть республикѣ и временному правительству. Значительное число маршаловъ, въ числѣ ихъ Бюжо и Жераръ, и всѣ находившіеся въ Парижѣ генералы предложили временному правительству свои услуги; суды и административныя вѣдомства столицы и провинцій съ своими военными начальниками и префектами признали его и наперерывъ слѣдовали этому примѣру. И духовенство съ своей стороны перешло на сторону временнаго правительства, и именемъ церкви освятило новый порядокъ вещей. Новая республика не встрѣтила сопротивленій и со стороны сыновей Луи-Филиппа, принца Жуанвильскаго и герцога Омальскаго, которые составляли первое время предметъ серьезныхъ опасеній для временнаго правительства, потому что первый изъ нихъ командовалъ значительнымъ флотомъ, а второй былъ генералъ-губернаторомъ Алжиріи и стоялъ во главѣ стотысячнаго войска. Но оба принца, видя невозможность возстановить низринутую іюльскую монархію, подчинились необходимости и сложили съ себя команду, чтобы удалиться въ Англію (*).

Когда первое опасеніе гражданской войны миновалось, временное правительство занялось иностранными дѣлами, упущенными изъ виду въ бурной суматохѣ первыхъ революціонныхъ дней. Ламартинъ предложилъ (6 марта) проэктъ цир-

---

(*) Герцогиня Орлеанская удалилась въ Германію, и поселившись въ Эйзенахѣ всецѣло отдалась дѣлу воспитанія своихъ дѣтей.

куляра къ дипломатическимъ агентамъ Франціи за границей, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ служить манифестомъ новой республики къ европейскимъ дворамъ. Основныя мысли его были: признаніе и для другихъ государствъ права политическаго самоопредѣленія, которымъ Франція воспользовалась въ февральской революціи, и отреченіе отъ наступательной войны съ цѣлью завоеванія. За границей манифестъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе, и европейскія державы признали французскую республику. Англія ранѣе другихъ вступила съ нею въ дружественныя отношенія; континентальныя державы послѣдовали ея примѣру, довольныя тѣмъ, что Франція отказалась отъ пропаганды республики въ другихъ государствахъ и невмѣшивалась ни въ дѣла Германіи, ни Италіи.

Между тѣмъ самой Франціи угрожала большая внутренняя опасность, происходившая главнымъ образомъ отъ разстройства финансовъ и вообще экономическаго состоянія страны. Правительство Луи-Филиппа оставило республикѣ долгъ въ четыре съ половиною милліарда; состояніе же кассы простиралось только на 192 милліона. Можно было предвидѣть, что государственные расходы должны были на первое время значительно увеличиться, а приходъ въ такомъ же отношеніи уменьшиться, и потому необходимо было найти экстраординарные финансовые источники. Однимъ словомъ, положеніе казны казалось такъ безнадежно, что министръ финансовъ Гудшо сложилъ съ себя должность, такъ какъ государственное банкротство казалось ему неизбѣжнымъ. Гарнье-Пажесъ имѣлъ мужество принять портфель министра финансовъ. Ему удалось занять 230 милліоновъ у французскаго банка подъ залогъ казенныхъ лѣсовъ; затѣмъ онъ отсрочилъ выпускъ государственныхъ билетовъ, составлявшихъ почти двѣ трети текущаго долга; остальную часть текущаго долга, состоящую изъ вкладовъ сберегательныхъ кассъ (на сумму 350 мил.), онъ превратилъ большею частію въ процентныя бумаги; но чтобы удержать кредиторовъ сберегательныхъ кассъ отъ предъявленій ихъ востребованій и чтобы вознаградить ихъ за соединенную съ этимъ потерю, процентъ на вклады этихъ кассъ

былъ возвышенъ съ 4% на 5%. Но, когда эти распоряженія не оказали ожидаемыхъ результатовъ, Гарнье-Пажесъ прибѣгъ къ увеличенію на 45% прямыхъ налоговъ; что, по расчету, должно было принести около 190 милліоновъ. Правда, что эта мѣра облегчила финансовыя затрудненія, но за то она возбудила крайнее неудовольствіе въ сельскомъ населеніи, на которое она чувствительнѣе всего ложилась. Что касается экономическаго состоянія Франціи вообще, то здѣсь еще сильнѣе отразились слѣды февральскихъ событій, и правительство, при всей его заботливости, не могло предупредить возникшихъ отсюда волненій. Множество фабрикъ, мастерскихъ, торговыхъ домовъ закрылись; многія тысячи поденьщиковъ, ремесленниковъ, прикащиковъ, мастеровыхъ и т. п. потеряли свои ежедневныя занятія и свой насущный хлѣбъ. Отъ нихъ и вообще отъ низшаго класса, зараженнаго соціальными мечтаніями, нельзя было ожидать покорнаго пересенія упавшаго на нихъ бѣдствія. Притомъ, временное правительство, признавъ «право на трудъ», должно было позаботиться объ исполненіи формально даннаго слова. Потому министру публичныхъ работъ (Мари) было поручено устроить такъ называемыя *національныя мастерскія* (atéliers nationaux), въ которыхъ неимѣвшіе хлѣба граждане республики должны были найти занятіе и вознагражденіе. Но единственное занятіе, которое съумѣли дать незанятымъ рукамъ, состояло въ земляныхъ работахъ—дѣланіи насыпей, копаніи рвовъ и др.— не приносившихъ не малѣйшей экономической пользы и служившихъ только предлогомъ для уплаты недѣльнаго вознагражденія. Число нуждавшихся въ пособіи и изъявившихъ желаніе вступить въ національныя мастерскія, въ короткое время, возрасло до 100 тыс. человѣкъ. Сюда поступали писатели, живописцы, женщины и другія лица съ высшимъ образованіемъ, чтобы только чѣмъ было жить. Конечно, учрежденіе такихъ мастерскихъ, работа которыхъ несоотвѣтствовала затратамъ на вознагражденія рабочимъ, не могло быть продолжительно безъ раззоренія государственныхъ

финансовъ и безъ нравственнаго банкротства народа. А между тѣмъ непредвидѣлось и средствъ къ закрытію этихъ національныхъ мастерскихъ, пожиравшихъ въ Парижѣ и другихъ большихъ городахъ средства страны.

Такія же серьезныя заботы возбудилъ во временномъ правительствѣ такъ называемый «рабочій парламентъ», имѣвшій непосредственную связь съ національными мастерскими. Его засѣданія происходили подъ предсѣдательствомъ соціалиста Луи-Блана въ Люксанбургскомъ дворцѣ. Не столько учрежденный, сколько допущенный временнымъ правительствомъ, этотъ парламентъ имѣлъ цѣлію достигнуть осуществленія соціалистскихъ желаній и надеждъ. Онъ состоялъ изъ подмастерьевъ, фабричныхъ работниковъ и поденьщиковъ, которые своими совѣщаніями должны были выработать новую экономическую систему, или, лучше сказать, новый планъ общества; первою заботою парламента было отысканіе средствъ для доставленія рабочему облегченія его трудовъ и увеличенія вознагражденія. Въ началѣ марта открылись засѣданія рабочаго парламента. Въ рѣчахъ депутатовъ и предсѣдательствующаго много говорилось о свободѣ, равенствѣ, братствѣ, высказывалось вообще больше чувства, нежели мыслей, и принято было рѣшеніе ограничить количество рабочаго времени въ Парижѣ 10, а въ провинціяхъ 11 часами, такъ что рабочіе столицы, несмотря на все равенство и братство, уже въ первомъ засѣданіи своемъ предоставили себѣ значительное преимущество. Собранія соціалистовъ въ Люксанбургскомъ дворцѣ были предметомъ постояннаго безпокойства для зажиточныхъ классовъ, которые боялись, что изъ нихъ возникнетъ открытый и насильственный коммунизмъ, въ особенности, когда Луи-Бланъ и сторонники его, Ледрю-Ролленъ и Карно своими принципами будутъ вліять на выборы въ депутаты народнаго собранія. Кромѣ того, безпокоили временное правительство и консервативную часть населенія «политическіе клубы», которыхъ цѣлыя сотни образовались въ Парижѣ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль. Почти каждый изъ

принадлежавшихъ къ той или другой соціалистской сектѣ основалъ свой клубъ (такъ напр. Барбесъ, Кабе, Распайль, Бланки, и др.). Были также и женскіе клубы, въ которыхъ ревностно занимались гражданскими интересами женщинъ и въ особенности вопросомъ о такъ называемой «эмансипаціи». Дикія фантазіи, ненавистныя страсти и необузданная распущенность составляли содержаніе клубскихъ ежедневныхъ совѣщаній. Вмѣстѣ съ клубами февральская революція дала неограниченный просторъ и ежедневной прессѣ: большая часть газетъ работала за одно съ клубами въ распространеніи соціалистскихъ крайностей. Одной изъ наиболѣе вліятельныхъ была газета «Пресса», число экземпляровъ которой ежедневно расходилось до 75 тыс. (редакторъ Эмиль Жирарденъ). Дѣйствуя сообща и заодно, клубы соединенными усиліями собрали толпу во сто тысячъ человѣкъ и двинули ее къ ратушѣ съ намѣреніемъ высказать временному правительству «соціальныя требованія народа», которыя сходны были съ ранѣе-высказанными требованіями, но при этомъ кромѣ того требовали отсрочки выборовъ въ національное собраніе. Но и на этотъ разъ, Ламартинъ умѣлъ заставить толпу разойтись, и поддержалъ спокойствіе въ Парижѣ. Отсрочкою выборовъ соціальныя демократы, въ главѣ которыхъ стояли Луи-Бланъ и Ледрю-Ролленъ, думали устроить оппозицію временному правительству, свергнуть его и, составивъ національное собраніе изъ приверженцевъ соціализма, дать Франціи чисто-соціальную республику. Но предпріятіе ихъ сокрушилось о благоразумныя и предупредительныя мѣры Ламартина и другихъ членовъ временнаго правительства.

Наконецъ 4 мая открылось въ Парижѣ національное собраніе (*). Когда депутаты заняли свои мѣста, въ залѣ по-

(*) Число членовъ доходило до 900 человѣкъ, которые распредѣлялись на департаменты по мѣрѣ населенія, такъ что на 40 тыс. жителей приходился одинъ депутатъ. Вестъ-индскимъ и африканскимъ колоніямъ дано было 11 депутатовъ.

казалось временное правительство, встрѣченное громкими привѣтствіями, которымъ вторили пушечными выстрѣлами въ домѣ Инвалидовъ (*). Собраніе открыто было рѣчью Дюпона, за которымъ говорили поочередно члены временнаго правительства, отдавая отчетъ представителямъ націи въ своемъ управленіи. Депутаты выразили временному правительству благодарность во имя Франціи, объявивъ, «что оно хорошо служило отечеству».

Временное правительство, такимъ образомъ, сложило съ себя власть. Но въ какой формѣ устроить новое временное управленіе, какимъ людямъ поручить его, объ этомъ мнѣнія расходились. Нѣкоторые предлагали отдать всю правительственную власть Ламартину; другіе требовали, чтобы національное собраніе назначило министерство, удержавъ правительственную власть собственно въ своихъ рукахъ; большинство же предлагало избрать «*Исполнительную коммиссію*» отъ трехъ до пяти человѣкъ, которая бы управляла до окончанія новой конституціи посредствомъ отвѣтственнаго министерства. Это послѣднее предложеніе одержало верхъ, и 10 мая національное собраніе приступило къ выбору пяти членовъ исполнительной коммиссіи. Этотъ выборъ палъ на Араго, Гарнье-Пажеса, Мари, Ламартина и Ледрю-Роллена; Араго, какъ выбранный первымъ, занялъ предсѣдательское мѣсто въ коммиссіи, управленіе которой продолжалось съ 10 мая до конца іюня 1848 г.

Какъ составъ исполнительной коммиссіи, такъ и министерства, крайне не нравился ультра-республиканцамъ и соціалистамъ, въ особенности когда отвергнуто было предложеніе ихъ объ учрежденіи новаго министерства «прогресса» съ Луи-Бланомъ во главѣ. Они рѣшились подорвать національное собраніе и учрежденнее имъ правительство и поставить на ихъ мѣсто соціально-демократическую диктатуру. Для подготовленія этого предпріятія они взволновали рабо-

(*) Большинство депутатовъ принадлежало къ умѣренной республикѣ, а не соціально-демократической.

чій парламентъ въ Люксанбургѣ и рабочихъ, упрекая національное собраніе и коммиссію въ томъ, что они своимъ отказомъ на учрежденіе министерства прогресса отвергли признанное временнымъ правительствомъ «право на трудъ», осуществленіе котораго, по плану Луи-Блана, и должно было составить главную задачу новаго министерства. Агитаторы этого возмущенія и клубы, занимавшіеся приготовленіями къ нападенію на національное собраніе, приманили на свою сторону поселянъ изъ сосѣднихъ провинцій, собравшихся въ Парижъ къ 14 мая на «празднество согласія», и цѣлыя ватаги эмигрантовъ-поляковъ, наводнившихъ собою Парижъ послѣ неудачъ польскаго дѣла въ Краковѣ и Познани. Ударъ національному собранію и его правительству готовился на 15 мая; предлогомъ было—требованіе отъ національнаго правительства заступничества за Польшу передъ Франкфуртскимъ парламентомъ; результатъ, котораго старалось достигнуть соціально-польское возмущеніе, заключался въ учрежденіи новаго правительства съ соціальнымъ характеромъ. Дѣйствительно, рано утромъ, 15 мая, соціально-демократическіе клубы собрались по условію на площади Бастиліи и на сосѣднихъ бульварахъ; во главѣ ихъ стояли Бланки, Сорбье, Распайль и Гюберъ. Въ нѣсколько часовъ толпа, присоединившаяся къ нимъ, возрасла до 100 тыс. человѣкъ. Правительство знало о замыслахъ соціалистовъ и приняло свои мѣры, назначивъ командиромъ вооруженной силы, начальника національной гвардіи, медленнаго генерала Куртэ, которому въ помощники былъ данъ префектъ полиціи Коссидьеръ, тайно сочувствовавшій дѣлу возстанія. Куртэ не могъ даже загородить толпѣ входа въ національное собраніе; она съ шумомъ и бранью ворвалась въ самую залу засѣданій и требовала: 1) чтобы Франція поставила сѣвернымъ державамъ Россіи, Австріи и Пруссіи короткій срокъ для возстановленія Польши, и по истеченіи этого срока немедленно бы двинула противъ нихъ свои войска, и 2) чтобы тотчасъ же приняты были мѣры для доставленія народу работы и безденежной раздачи хлѣба. Послѣ

нѣсколькихъ часовъ безплоднаго шума, до ораторской трибуны добрался Гюберъ и изо всѣхъ силъ закричалъ: «Такъ какъ не хотятъ принимать никакого рѣшенія, то я, во имя народа, обманутаго своими собственными представителями, объявляю національное собраніе распущеннымъ». Президентъ и депутаты уступили силѣ и покинули залу засѣданій; а соціальные демократы немедленно учредили новое правительство подъ названіемъ «комитета общественной безопасности», въ члены котораго были назначены главнѣйшіе предводители соціалистовъ (*). Но извѣстіе о приближеніи войска, заставило новое правительство оставить мѣсто событій и отправиться въ ратушу, чтобы въ ней устроить свое пребываніе; а мятежники между тѣмъ, подъ предводительствомъ Сорбье, ворвались въ министерство внутреннихъ дѣлъ, захватили государственную печать и по телеграфу дали знать въ провинціи о распущеніи народнаго собранія и перемѣнѣ правительства. Но и на этотъ разъ порядокъ возстановленъ былъ дѣятельностью Ламартина. Арестовавъ генерала Куртэ, Ламартинъ взялъ теперь на себя роль генерала, сѣлъ на драгунскую лошадь, велѣлъ привести пушки и за тѣмъ, съ нѣсколькими тысячами національной и подвижной гвардіи, двинулся къ ратушѣ. Улицы, по которымъ тянулось шествіе, предводимое Ламартиномъ, встрѣчали его съ восторженными восклицаніями, маханьемъ платковъ и заявленіями полнаго одобренія. До ратуши шествіе достигло безпрепятственно; оставалось пробиться сквозь тѣснившуюся около нея толпу. Сами предводители возстанія сдались безъ малѣйшаго сопротивленія. Гюберъ и Альберъ были осуждены въ ссылку, Бланки — на семилѣтнее заключеніе въ тюрьмѣ; а Луи-Бланъ бѣжалъ и тѣмъ спасся отъ угрожающаго ему наказанія.

15 мая было послѣднимъ верхомъ тріумфа и популярности Ламартина; съ этого дня его значеніе быстро и не-

---

(*) Луи-Бланъ, Альберъ, Бланки, Гюберъ, Распайль, Консидеранъ, Кабе, Пьеръ-Леру, Прудонъ и Коссидьеръ.

удержимо начало упадать. Въ первые дни іюня происходило нѣсколько дополнительныхъ выборовъ въ національное собраніе. Въ числѣ новыхъ членовъ находился и Луи-Наполеонъ, племянникъ Наполеона I (нынѣшій Императоръ французовъ Наполеонъ III). Опасаясь паденія республики со вступленіемъ Луи-Бонапарта въ число членовъ собранія, такъ какъ онъ уже дѣлалъ нѣсколько покушеній (въ Страсбургѣ и Булонѣ) возстановить императорскій тронъ своего дяди, Ламартинъ объявилъ національному собранію, что исполнительная коммиссія опредѣлила дать силу изгнанію, произнесенному законами 1816 и 1832 г. противъ фамиліи Наполеона, въ видѣ исключенія противъ Луи-Бонапарта, потому что онъ нѣсколько разъ заявлялъ притязанія на императорскую корону, и потому что эти притязанія могутъ угрожать спокойствію республики. Собраніе отвергло предложеніе Ламартина и допустило Луи-Бонапарта въ свои члены. Сторону Ламартина приняли члены исполнительной коммиссіи, и такимъ образомъ начались между національнымъ собраніемъ и коммиссіей раздоры, увеличивавшіеся съ каждымъ днемъ. Одною изъ важныхъ причинъ этихъ раздоровъ были «національныя мастерскія». Національное собраніе требовало уничтоженія національныхъ мастерскихъ, какъ заключавшихъ въ себѣ всѣ элементы событій 25 мая; такое дѣло казалось ему легкимъ и безпослѣдственнымъ; исполнительная же коммиссія, убѣжденная и съ своей стороны въ экономическомъ и нравственномъ вредѣ національныхъ мастерскихъ, ясно понимала всю трудность ихъ уничтоженія. Вслѣдствіе этого у національнаго собранія явилось подозрѣніе, что исполнительная коммиссія желаетъ на всякій случай сохранить въ 100 тысячахъ рабочихъ готовое войско, которое будто бы главнымъ образомъ предназначается противъ національнаго собранія. Опасенія коммиссіи оправдались на дѣлѣ, т. е. на ужасныхъ сценахъ іюньскихъ дней съ 22 по 26 іюня. Уже съ 15 мая правительство стало издавать нѣкоторыя мѣры для сокращенія національныхъ мастерскихъ и

расходовъ на нихъ (*); такъ предложено было всѣмъ рабочимъ — холостымъ отъ 18 до 25 лѣтъ вступить въ военную службу и безъ дальнѣйшихъ околичностей уволить тѣхъ изъ нихъ, которые бы не приняли этого предложенія; затѣмъ приказано было удалить изъ мастерскихъ всѣхъ рабочихъ, которые не жили въ Парижѣ по крайней мѣрѣ шесть мѣсяцевъ; предписано было оплачивать работу въ мастерскихъ не одной неизмѣнной поденной платой (по 2 франка въ сутки), а поштучно; наконецъ постановлено было, чтобы часть рабочихъ была удалена изъ Парижа и занята была въ отдаленныхъ провинціяхъ. Когда эти приказанія исполнительной коммиссіи были сообщены директору національныхъ мастерскихъ Эмилю Томà и черезъ него сдѣлались извѣстны рабочимъ, послѣдніе страшно возмутились, и 22 іюня они подняли возстаніе, продолжавшееся до 26 іюня. Въ 6 часовъ пополудни тысячи рабочихъ отправились къ Люксанбургскому дворцу требовать у исполнительной коммиссіи «признанія права на трудъ» и уничтоженія касающихся до національныхъ мастерскихъ послѣднихъ распоряженій. Въ теченіе ночи возстаніе совершенно организовалось и рано утромъ 23 іюня вооруженные рабочіе, по сдѣланному наканунѣ соглашенію, устремились къ Пантеонской площади. Здѣсь, подъ предводительствомъ нѣкоего Пюжоля, они произнесли клятву «свобода или смерть», и двинулись по направленію бульваровъ, строя баррикады, вышиною равнявшіяся съ домами. Опасность для правительства становилась съ каждымъ часомъ серьезнѣе и серьезнѣе; оно поручило генералу Кавеньяку, вызванному изъ Алжира за нѣсколько дней передъ симъ, принять въ управленіе военное министерство, команду надъ войсками и начальствованіе надъ національною гвардіею; въ распоряженіи у него было до 25 тысячъ линейнаго войска и до 20 тыс. національной и подвижной гвардіи. Онъ со-

(*) Въ первыя 4 недѣли издержано на содержаніе мастерскихъ до 4-хъ милліоновъ франковъ.

бралъ свои главныя силы вблизи дворца національнаго собранія—въ Тюильрійскомъ саду, на площади Согласія и въ Елисейскихъ поляхъ. Въ первый день правительственныя войска дѣйствовали слабо и не могли одолѣть баррикадъ; къ вечеру Кавеньякъ долженъ былъ сосредоточить свои силы опять у національнаго собранія, чтобы защитить его и чтобы дать отдыхъ войскамъ, которымъ много дѣла предстояло на слѣдующій день. Утромъ 24 числа, битва возобновилась съ удвоенными усиліями съ обѣихъ сторонъ. Возставшіе съ трехъ концовъ старались проникнуть къ ратушѣ, которую защищалъ генералъ Дювивье и который до того былъ стѣсненъ, что просилъ у Кавеньяка подкрѣпленія. Когда извѣстіе это дошло до національнаго собранія, то оно, побуждаемое опасностію, объявило себя «постояннымъ» (en permanence), Парижъ—въ осадномъ положеніи, а генералу Кавеньяку поручалась вся исполнительная власть; коммиссія же и министерства сложили съ себя свою должность. Кавеньякъ не замедлилъ воспользоваться даннымъ ему полномочіемъ: онъ велѣлъ запереть улицы, еще не тронутыя возстаніемъ, запретилъ показываться на нихъ всякому, кто не имѣлъ вида, и открывать окна, чтобы до нѣкоторой степени обезопасить свои войска отъ выстрѣловъ изъ домовъ. Подкрѣпленный на слѣдующій день (25 іюня) новыми войсками, явившимися изъ провинцій, Кавеньякъ вступилъ въ битву съ инсургентами въ предмѣстьи Сенъ-Жака, но не съ большимъ успѣхомъ, такъ какъ въ рукахъ противниковъ находились укрѣпленные пункты (въ особенности хорошо укрѣпленное Сентъ-Антуанское предмѣстье). Въ этотъ день погибъ Архіепископъ Парижскій д'Аффръ. Съ согласія Кавеньяка, онъ хотѣлъ подѣйствовать на возставшихъ значеніемъ своего сана и силой своего краснорѣчія, и явился въ полномъ облаченіи на площади Бастиліи. Передъ нимъ несли вѣтку мира, въ сопровожденіи двухъ викаріевъ и нѣсколькихъ членовъ національнаго собранія. Онъ приблизился къ громадной баррикадѣ и своимъ появленіемъ остановилъ на время враждебныя дѣйствія съ

обѣихъ сторонъ. Одинъ изъ его спутниковъ прочелъ прокламацію Кавеньяка, обѣщавшую прощеніе, если возставшіе положатъ оружіе. Но вооруженное населеніе Сенъ-Жакскаго и Антуанскаго предмѣстій выразило сомнѣніе насчетъ подлинности подписи Кавеньяка. Въ то время когда шла рѣчь о томъ, чтобы достать для сличенія собственноручную подпись генерала, начались снова выстрѣлы и одна изъ первыхъ пуль поразила архіепископа. Перенесенный въ свое жилище, онъ скончался (27 іюня), сказавъ: «дай Богъ, чтобы моя кровь была послѣднею пролитою кровью». Тогда возставшіе пытались завязать переговоры съ главнокомандующимъ, но Кавеньякъ объявилъ имъ, что онъ отъ переговоровъ отказывается, а даетъ имъ срокъ до 10 часовъ утра, по истеченіи котораго Сентъ-Антуанское предмѣстье подвергнется рѣшительному штурму. Дѣйствительно, 26 іюня, началось обстрѣливаніе предмѣстья и черезъ часъ оно сдалось на полную волю побѣдителя. Никогда возстаніе на улицахъ Парижа не продолжалось такъ долго, какъ въ эти іюньскіе дни 1848 г. Число убитыхъ въ эти четыре дня насчитывалось до 10 тыс.; плѣнныхъ у возставшихъ взято отъ 12 до 14 тыс., они были, разумѣется, размѣщены по казематамъ парижскихъ укрѣпленій. Судебное рѣшеніе относительно ихъ участи послѣдовало 27 іюня; національное собраніе постановило: плѣнниковъ, участіе которыхъ въ возстаніи доказано, отправить во французскія колоніи Новаго Свѣта, а предводителей и зачинщиковъ возстанія подвергнуть военному суду.

28 іюня Кавеньякъ сложилъ въ руки національнаго собранія чрезвычайныя полномочія, которыя онъ отъ него получилъ. Національное собраніе выразило ему благодарность отечества за оказанныя услуги и непосредственно затѣмъ назначило его главой исполнительной власти и президентомъ кабинета (*). Кавеньякъ составилъ новое министерство изъ

(*) Съ 28 іюня по 20 декабря 1848 г.

лицъ занимавшихъ мѣста членовъ исполнительной коммиссіи. Новое правительство твердою рукою принялось за дѣло реакціи, закрыло многіе клубы и запретило одинадцать газетъ (въ томъ числѣ и «Прессу» Э. Жирардена); кромѣ того, по опредѣленію національнаго собранія, для газетъ были возстановлены «залоги» (до 24 тыс. франковъ), учреждена особая полиція для надзора за клубами и осадное положеніе Парижа продолжено на неопредѣленное время. Республиканскій характеръ Кавеньяка рѣшительно враждебно относился какъ къ соціалистамъ и ультра-демократамъ (краснымъ) такъ и къ легитимистамъ и бонапартистамъ, которые теперь начали снова шевелиться. Кавеньякъ хотѣлъ «республики умѣренной и честной (honnete)», какъ онъ самъ выражался, находящейся въ полной противоположности къ соціально-демократической. Между тѣмъ и въ національномъ собраніи и въ массѣ народа искреннихъ приверженцевъ политическаго взгляда Кавеньяка было немного, и если они поддерживали еще іюньскаго героя большинствомъ голосовъ въ національномъ собраніи, то это единственно только потому, что страхъ, возбужденный іюньскими днями еще не миновалъ. Когда же впечатлѣнія отъ іюньскихъ событій стали забываться, правительство Кавеньяка стало все больше и больше терять подъ собою почву и въ національномъ собраніи и внѣ его. Въ значительномъ числѣ дополнительныхъ выборовъ, происходившихъ въ сентябрѣ и въ слѣдующіе мѣсяцы, почти ни одинъ изъ кандидатовъ, поддерживаемыхъ правительствомъ, не получилъ большинства. Съ одной стороны выбирали соціальныхъ демократовъ, какъ напр. Распайля, содержавшагося въ Венсенскомъ замкѣ, съ другой монархистовъ, напр. Луи-Бонапарте: послѣдній объявилъ, что онъ на этотъ разъ приметъ выборъ. 26 сентября онъ явился въ національномъ собраніи, гдѣ ожидали его съ нѣкоторымъ любопытствомъ и были поражены незначительностію его наружности, которая не предвѣщала, повидимому, ничего опаснаго для республики. «Наконецъ могъ я увидѣть свое

отечество и могу жить среди васъ; я употреблю всѣ силы, чтобы показать мою благодарность и трудиться надъ утвержденіемъ республики». Дальнѣйшій разсказъ укажетъ какимъ путемъ и средствами Луи-Бонапарте сдѣлался президентомъ республики и потомъ Императоромъ Французовъ.

Новое государственное устройство республики

Главная цѣль, съ которою образовалось національное собраніе, и главная задача его состояли въ созданіи *основнаго государственнаго устройства республики*. Еще 18 мая, была основана для этого дѣла особая коммисія, которая окончила свои работы къ 12 ноября, когда новая конституція была торжественно объявлена народу съ площади «Согласія», при звонѣ колоколовъ и пушечныхъ выстрѣлахъ. Актъ новой конституціи состоялъ изъ введенія и 12-ти отдѣловъ. Введеніе заключало въ себѣ нѣчто въ родѣ нравственнаго и политическаго воззванія къ народу и выраженіе надежды на содѣйствіе со стороны каждаго француза дѣлу общаго благосостоянія республики. Первый отдѣлъ касался верховной власти французскаго народа, ея неотчуждаемости и неотъемлемости; второй отдѣлъ говорилъ о правахъ гражданъ и о конституціонныхъ ограниченіяхъ этихъ правъ; третій отдѣлъ опредѣлялъ, что всякая общественная власть исходитъ отъ народа и никогда не можетъ передаваться по наслѣдству; четвертый отдѣлъ опредѣлялъ составъ и кругъ дѣйствій законодательной власти, которая вручалась собранію изъ 750 членовъ; избирателемъ могъ быть каждый французъ 21 года, а избраннымъ—не моложе 25 лѣтъ; продолжительность сессіи національнаго собранія была ограничена 3 годами, въ теченіи которыхъ собраніе должно быть постояннымъ (permanente); въ пятомъ отдѣлѣ обозначены были права исполнительной власти: президентъ республики, избираемый на четыре года, долженъ имѣть не менѣе 30 лѣтъ отроду; въ другой разъ тотъ же самый президентъ могъ быть выбранъ только черезъ четырехлѣтній промежутокъ; войско поставлено подъ его власть, но онъ никогда не можетъ имъ предводительствовать лично; объявленіе войны и иностранные договоры подлежатъ

о возстановленіи Имперіи былъ поставленъ въ такой формѣ: «желаетъ-ли народъ наслѣдственное Императорское достоинство въ томъ видѣ, какъ оно существовало при Наполеонѣ I, какъ перешло къ Наполеону II — передать Наполеону III? Подача голосовъ началась 21 ноября и дала такіе результаты: 7,800,000 голосовъ было за Имперію и 253,000 противъ. Такимъ образомъ, 2 дек. 1852 г. Луи-Бонапарте принялъ титулъ Императора французовъ, подъ именемъ Наполеона III (*). Европейскіе кабинеты, съ восторгомъ встрѣтившіе «государственный переворотъ» какъ залогъ спокойствія, съ неудовольствіемъ узнали о возстановленіи Имперіи во Франціи. Послѣ нѣкотораго промедленія, они подчинились однако необходимости признать Наполеона III Императоромъ Франціи. Раньше другихъ новую Имперію признала Англія и только 5 янв. 1853 г. ея примѣру послѣдовали Россія, Австрія и Пруссія. Императоръ Николай Павловичъ сдѣлалъ при этомъ нѣкоторое ограниченіе: онъ отказался дать Императору французовъ употребительный между коронованными особами титулъ брата и вмѣсто того называлъ его своимъ «добрымъ другомъ.»

(*) 30 янв. 1853 Наполеонъ III вступилъ въ супружество съ Евгеніею Монтихо, герцогинею Теба.

парте, 1,448,000 Кавеньяку, 370,000 Ледрю-Роллену, 37,000 Распайлю; наконецъ, какъ будто въ насмѣшку надъ быстро потухшей силой человѣка, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ державшаго въ рукахъ судьбу Франціи, 17,900 голосовъ оказалось за Ламартина. 20 декабря результатъ народнаго избранія былъ торжественно провозглашенъ въ національномъ собраніи. За тѣмъ Кавеньякъ объявилъ отъ своего имени и за министерство, что прежнее правительство слагаетъ съ себя власть. Тотчасъ послѣдовало провозглашеніе Луи-Бонапарте президентомъ республики отъ настоящаго дня на четыре года, и его присяга, установленная конституціею. По окончаніи ея произнесенія, новый президентъ просилъ слова, въ которомъ онъ между прочимъ сказалъ: «мои обязанности предписаны мнѣ голосомъ націи и я исполню ихъ, какъ честный человѣкъ». Когда ораторъ кончилъ свою рѣчь, онъ подошелъ къ Кавеньяку, взялъ его руку и сказалъ: «генералъ, я горжусь быть преемникомъ такого человѣка, какъ вы».

Президентство Луи-Бонапарте продолжалось съ 20 декабря 1848 до 2 декабря 1851 г. Положеніе новаго президента было въ высшей степени затруднительно. Народное собраніе не могло доставить ему непосредственной опоры, такъ же какъ и войско, которое склонялось къ Кавеньяку; Парижское же населеніе, доставивши президенту большинство голосовъ при избраніи, дало ему это большинство скорѣе изъ ожесточенія противъ его соперника Кавеньяка, чѣмъ изъ расположенія къ нему самому. Затруднительность его положенія усиливалась и отъ тѣхъ ожиданій, которыя возлагались на новое правительство, большею частію сельскаго населенія, мечтавшаго объ облегченіи налоговъ. Къ этому прибавились безчисленныя требованія, поднятыя бывшими солдатами и приверженцами Наполеона I, которые хотѣли, чтобы племянникъ вознаградилъ ихъ заслуги Императору должностями, почестями, а въ особенности деньгами. Личные приверженцы Луи-Бонапарте, видя неблагопріятное *настроеніе національнаго* собранія для президента республики,

указывали ему на необходимость устраненія національнаго собранія и старались систематически подкапывать его. Такъ депутатъ Рато (29 декабря) сдѣлалъ предложеніе распустить національное собраніе и созвать на его мѣсто законодательное собраніе на 19 марта. Съ министерствомъ также не было согласія; несогласіе возникло по поводу требованія президентомъ выдачи документовъ, по двумъ процессамъ, которые ведены были еще въ судѣ пэровъ относительно возмущеній въ Страсбургѣ и Булони. Министерство отказало.

При такихъ противудѣйствіяхъ, какія явно оказывали президенту и его антилиберальнымъ наклонностямъ національное собраніе и министерство, Луи-Наполенъ искалъ опоры въ популярности среди сельскаго населенія, войска и духовенства. Послѣднему онъ умѣлъ понравиться выраженіемъ своего расположенія къ церкви и усердія къ папскому престолу. Въ 1849 г. онъ двинулъ къ Риму войско, подъ начальствомъ генерала Удино, для подавленія республики въ Римѣ и возстановленія папской власти. Это крайне понравилось духовенству; но съ другой стороны ослабило партію соціальныхъ демократовъ и вообще приверженцевъ республики; имъ казалось непослѣдовательнымъ, какъ президентъ республики дѣйствуетъ во имя монархической власти Папы въ Римѣ. Возмущали приверженцевъ республики и выборы въ законодательное собраніе, которое должно было замѣнить собою національное собраніе. Выборы производились не всеобщею подачею голосовъ, но посредствомъ предварительныхъ списковъ. Несмотря на всѣ старанія правительства видѣть составъ законодательнаго собранія съ консервативнымъ характеромъ, почти половина членовъ оказалась на сторонѣ «красной» республики. Раздраженные такими дѣйствіями президента, республиканцы, дѣйствуя за одно съ легитимистами и орлеанистами, возбудили (13 іюля 1849 г.) возстанія въ Парижѣ и Ліонѣ, подъ предводительствомъ Ледрю-Роллена, съ цѣлью свергнуть президента; но послѣдній съ помощію войска быстро разсѣялъ ихъ скопища и въ самомъ началѣ

разрушилъ ихъ баррикады. Ледрю-Ролленъ спасся бѣгствомъ за границу. Возстаніе въ Ліонѣ, поднявшееся въ одинъ день съ Парижскимъ, было подавлено генераломъ Маньяномъ (Magnan). Эти успѣхи президента имѣли слѣдствіемъ бѣгство другихъ соціалистовъ и коммунистовъ, осужденіе захваченныхъ на тюремное заключеніе и ссылку, и вообще усиленіе карательныхъ законовъ.

Съ этихъ поръ наружный порядокъ въ республиканской Франціи болѣе не нарушался, положеніе президента упрочилось и онъ могъ смѣло приняться за развитіе своей правительственной системы, состоявшей въ радикальномъ истребленіи тѣхъ золъ, отъ которыхъ можетъ страдать общественное благосостояніе. Въ стремленіяхъ къ выполненію такой задачи, онъ видѣлъ необходимость поставить правительство выше вліянія партій, и перемѣнивъ нѣсколько министерствъ пересталъ выбирать своихъ министровъ изъ національнаго собранія для того, чтобы, какъ говорилъ онъ, независѣть отъ большинства или меньшинства, происходящихъ, по его мнѣнію, только отъ минутнаго расположенія умовъ. Подъ вліяніемъ такой политики, президентъ достигъ внутренняго спокойствія въ странѣ, въ которой снова начали процвѣтать благосостояніе и трудъ. Провинціи, въ особенности, выражали ему громкую признательность, когда онъ предпринялъ путешествіе по Франціи. Вполнѣ понимая, что легче всего и на будущее время протянуть этотъ внутренній порядокъ, имѣя на своей сторонѣ войско, президентъ не замедлилъ привязать его къ себѣ еще болѣе посредствомъ такъ называемыхъ военныхъ банкетовъ. Самъ нуждаясь въ деньгахъ, онъ умѣлъ вытребовать у національнаго собранія два милліона франковъ (ежегодно) для угощенія солдатъ. Въ тоже время онъ окружилъ себя преданными ему, способными генералами: Септъ-Арно, Пелисье, Маньянъ, и удалилъ изъ службы нерасположеннаго къ нему генерала Шангарнье (*), котораго національное собраніе

(*) Начальникъ Парижскихъ войскъ и національной гвардіи.

въ свою очередь, разогнать сеймъ. Это предпріятіе радикаловъ извѣстно въ исторіи Германіи подъ именемъ «*франкфуртскаго посягательства*». 3 апрѣля 1833 г. толпа молодежи неожиданно овладѣла гауптвахтою Франкфурта, надѣясь захватить въ плѣнъ членовъ сейма. Убивъ нѣсколькихъ солдатъ изъ сеймоваго гарнизона, безумцы стали призывать народъ къ возстанію за свободу родины; но франкфуртскіе граждане не тронулись ихъ криками. Между тѣмъ на помощь сейму явились войска, и послѣ упорной схватки, революціонеры были побѣждены и большею частію взяты въ плѣнъ, немногіе только спаслись бѣгствомъ за границу. Эта безумная затѣя повлекла за собою сильную реакцію со стороны правительствъ Германіи. Въ сентябрѣ 1833 г. собрался *конгресъ монарховъ* въ *Мюнхенгрецѣ* (*), на которомъ явились, кромѣ всѣхъ владѣтельныхъ князей Германіи, Императоръ русскій, австрійскій и наслѣдный принцъ прусскій. Результатомъ совѣщаній было 1) заключеніе новаго союза между сѣверными великими державами относительно дружественнаго подавленія революціонныхъ волненій въ Германіи и 2) созваніе *конференціи министровъ въ Вѣнѣ* для опредѣленія средствъ, которыми можно будетъ на послѣдующее время противодѣйствовать подобнымъ волненіямъ и посягательствамъ. Конференція, составившаяся въ Вѣнѣ 13 января 1834 г., подтвердила Карлсбадскія постановленія, усилила надзоръ за прессою и университетами, установила «Третейскій судъ» для рѣшенія несогласій между государями союза и сверхъ того опредѣлила количество денежнаго взноса, необходимаго для содержанія особой вооруженной силы на защиту сейма. Многіе университеты были закрыты, «политическіе листки» и другіе журналы запрещены, а члены «Общества Свободнаго Тисненія» были объявлены государственными преступниками и подверглись жестокимъ наказаніямъ. Такимъ образомъ, въ Германіи водворился порядокъ, какой существовалъ въ ней

(*) Въ Богеміи.

сти, которая легко могла ускользнуть изъ его рукъ, онъ отважился, по примѣру своего дяди, повторить 18 брюмера 1799 года, и 2 декабря 1851 г., въ годовщину коронаціи Наполеона I и Аустерлицкой побѣды, произвелъ государственный переворотъ (coup d'etat), посредствомъ котораго онъ освободился отъ зависимости національнаго собранія и присвоилъ себѣ верховную власть.

Приготовленія къ государственному перевороту дѣлались президентомъ при содѣйствіи небольшаго числа довѣренныхъ приверженцевъ. Важнѣйшую роль тутъ играли военный министръ Сентъ-Арно (прежде называвшійся Ле-Руа), пріобрѣтшій себѣ военную репутацію въ Алжирскомъ походѣ, графъ Морни, Мопа, Маньянъ и правая рука президента — Перьсиньи, бывшій унтеръ-офицеръ, заслужившій расположеніе Луи Бонапарта въ Страсбургѣ и Булони. Хотя не только во Франціи, но и въ другихъ государствахъ ходили тревожные слухи объ ожидаемомъ переворотѣ, однако нигдѣ и никѣмъ не было сдѣлано никакихъ предупредительныхъ мѣръ. Наканунѣ, т. е. вечеромъ 1 декабря, Луи-Бонапарте даетъ роскошный балъ въ Элизе-Бурбонъ, на который собралось блестящее общество высшихъ государственныхъ людей, дипломатовъ, офицеровъ и негоціантовъ. Хозяинъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа и, противъ своего обыкновенія, необычайно разговорчивъ. Въ полночь, когда гости разъѣхались, и были приняты послѣднія мѣры къ исполненію плана. Полицейскій префектъ долженъ былъ отдать приказъ подвѣдомственной ему полиціи арестовать отъ 80 до 100 членовъ національнаго собранія, предводителей тайныхъ обществъ и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей. Такимъ образомъ, въ ночь на 2 декабря: Шангарньс, Ламорисьеръ, Кавеньякъ, Беддо, Шаррасъ, Тьеръ, поэтъ Викторъ Гюго, Распайль и др. внезапно были взяты подъ стражу и послѣ непродолжительнаго заключенія, большею частію, изгнаны изъ Франціи, одни навсегда, другіе на неопредѣленое время. Огромныя прокламаціи, прибитыя по стѣнамъ домовъ и подписанныя пре-

зидентомъ и графомъ Морни, назначеннымъ въ министры внутреннихъ дѣлъ, возвѣстили парижанамъ о случившемся ночью; въ одной изъ прокламацій говорилось такъ: «Національное собраніе протянуло руку къ власти, которую я получилъ отъ народа, оно раздувало дурныя страсти, оно нарушало покой Франціи—вотъ почему я распустилъ его и беру народъ въ судьи между національнымъ собраніемъ и мной.» Прокламація, обращенная къ войску, выражалась въ томъ же духѣ; она призывала его на содѣйствіе для спасенія отечества и поддержанія верховной власти народа. Этотъ внезапный ударъ, нанесенный національному собранію, вызвалъ новыя возстанія и баррикадныя схватки въ Парижѣ, Ліонѣ, Нантѣ и другихъ городахъ; соціалисты и демократы взялись за оружіе, объявивъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами національнаго собранія—президента государственнымъ измѣнникомъ; но въ теченіи нѣсколькихъ дней, трудами Удино и Маньяна, возстанія были подавлены арміей, которая вся была на сторонѣ президента. Зачинщики возстанія были разстрѣляны, а большая часть захваченныхъ въ плѣнъ подверглись ссылкѣ на галеры и въ Кайэнну.

Результатомъ государственнаго переворота была новая конституція, одобренная большинствомъ семи милліоновъ голосовъ. Она была обнародована 14 января 1852 года и состояла въ слѣдующемъ: 1) президентъ избирался на десять лѣтъ; онъ былъ отвѣтственнымъ главой государства и пользовался исключительнымъ правомъ предложенія законовъ; а также и правомъ «рекомендовать» народу своего преемника; 2) законодательная власть раздѣлялась между президентомъ, сенатомъ, назначеннымъ его властью, и законодательнымъ корпусомъ, избираемымъ всеобщею подачею голосовъ. Совѣщанія Сената и Законодательнаго корпуса должны происходить при закрытыхъ дверяхъ; 3) кромѣ того, конституція заключала въ себѣ постановленіе объ учрежденіи «государственнаго совѣта», о судебномъ устройствѣ, и именно объ организаціи «высшаго суда», учрежденнаго для сужденія политическихъ преступле-

ній.—Новая конституція, напоминавшая собою консульское устройство Наполеона I, служила какъ бы переходомъ къ полному возстановленію Имперіи, которое дѣйствительно черезъ годъ (2 дек. 1852 г.) и состоялось.

Французскій народъ, изнеможенный физически и нравственно рядомъ революціонныхъ потрясеній, охотно склонялся подъ верховную власть Луи-Бонапарте, который умѣлъ дать странѣ внутренній порядокъ и спокойствіе, поднять финансы (поддержкою курса участіемъ въ биржевой игрѣ) и строгими преслѣдованіями подавить послѣднія надежды республиканцевъ. Изъ путешествій своихъ по Франціи, принцъ-президентъ (такъ назывался Луи-Бонапарте съ 2 дек. 1851 г.) убѣдился, что желаніе возстановленія Имперіи было всеобщимъ и повсемѣстнымъ. Когда первая сессія Сената и Законодательнаго корпуса (созванныя на 29 марта 1852 г.) черезъ три мѣсяца закрылись, принцъ-президентъ предпринялъ путешествіе по Франціи. Вездѣ его сопровождалъ восторженный пріемъ и привѣтствіе въ крикѣ «да здравствуетъ Императоръ». При возвращеніи и въѣздѣ въ Парижъ (16 окт.) и здѣсь его встрѣчали тѣми же криками.

Луи-Наполеонъ-Императоръ 1852

Воротившись въ столицу, принцъ-президентъ созвалъ сенатъ на 4 ноября, чтобы предложить ему проэктъ измѣненія конституціи. Проэктъ прямо указывалъ на возстановленіе Имперіи. Посланіе, сопровождавшее этотъ проэтъ, говорило: «приготовляющееся измѣненіе главнымъ образомъ касается формы, и при всемъ томъ имѣетъ огромное значеніе для Франціи. Въ самомъ дѣлѣ народъ находитъ въ возстановленіи имперіи ручательство за свои интересы и удовлетвореніе своей справедливой гордости. Это возстановленіе удовлетворяетъ интересамъ народа, потому что обезпечиваетъ будущее, заканчиваетъ вѣкъ революцій и снова подтверждаетъ завоеванія 1789 года».—Сенатъ былъ совершенно согласенъ съ проэктомъ президента и 7 ноября опредѣлилъ возстановленіе Имперіи. Это рѣшеніе сената было представлено на утвержденіе народу посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. Вопросъ

о возстановленіи Имперіи былъ поставленъ въ такой формѣ: «желаетъ-ли народъ наслѣдственное Императорское достоинство въ томъ видѣ, какъ оно существовало при Наполеонѣ I, какъ перешло къ Наполеону II — передать Наполеону III? Подача голосовъ началась 21 ноября и дала такіе результаты: 7,800,000 голосовъ было за Имперію и 253,000 противъ. Такимъ образомъ, 2 дек. 1852 г. Луи-Бонапарте принялъ титулъ Императора французовъ, подъ именемъ Наполеона III (*). Европейскіе кабинеты, съ восторгомъ встрѣтившіе «государственный переворотъ» какъ залогъ спокойствія, съ неудовольствіемъ узнали о возстановленіи Имперіи во Франціи. Послѣ нѣкотораго промедленія, они подчинились однако необходимости признать Наполеона III Императоромъ Франціи. Раньше другихъ новую Имперію признала Англія и только 5 янв. 1853 г. ея примѣру послѣдовали Россія, Австрія и Пруссія. Императоръ Николай Павловичъ сдѣлалъ при этомъ нѣкоторое ограниченіе: онъ отказался дать Императору французовъ употребительный между коронованными особами титулъ брата и вмѣсто того называлъ его своимъ «добрымъ другомъ.»

(*) 30 янв. 1853 Наполеонъ III вступилъ въ супружество съ Евгеніею Монтихо, герцогинею Теба.

скаго народа. Послѣ этого уже приступлено было къ главной задачѣ, т. е. къ *начертанію устройства германскаго государства*. Общее желаніе клонилось къ тому, чтобъ соединить разрозненную Германію въ одно общее государство съ однимъ главою. Но это желаніе встрѣтило сильныя неудовольствія со стороны Австріи и Пруссіи; нельзя было надѣяться, чтобы Австрія рѣшилась подчиниться Прусскому императору, или обратно, чтобы Пруссія признала надъ собою власть императора Австрійскаго. Изъ такого положенія дѣла представлялось только два исхода, изъ которыхъ первый былъ предложенъ Кенигсбергскимъ профессоромъ Симсономъ, а второй Гагерномъ; первый предлагалъ образованіе союзнаго государства соединеннаго съ Австріею; а второй—соединить всю Германію за исключеніемъ Австріи подъ верховною властью Пруссіи. Съ этого времени стала рѣзко замѣчаться двойственность Парламента; партія, желавшая объединенія Германіи безъ Австріи подъ властью Пруссіи, называлась «малогерманскою», и противоположная ей—не желавшая отдѣлять Австрію отъ Германіи—называлась «велико-германскою». Къ первой тянули государства Сѣверной Германіи, желавшіе протестантскаго императора; ко второй—примкнули герцогства южной Германіи, надѣявшіяся подъ покровительствомъ Австріи удержать свою самостоятельность и неприкосновенность католичества. При такихъ обстоятельствахъ все дѣло парламента относительно объединенія Германіи могло бы рушиться. Чтобы поддержать свой планъ, Гагернъ переманилъ на свою сторону демократовъ, предложивъ законъ, по которому избранный императоръ будетъ лишенъ неограниченнаго veto. Такимъ образомъ, большинствомъ 290 голосовъ противъ 248 выборъ наслѣдственнаго Германскаго императора палъ на Фридриха-Вильгельма IV, короля Прусскаго. Но онъ отклонилъ отъ себя это избраніе (апрѣля 1849), объявивъ что предлагаемый титулъ и власть онъ можетъ принять только при свободномъ на то согласіи самихъ государей Германіи вольныхъ городо[illegible]ъ за этимъ Пруссія, Австрія и

Глава XVI.

Вліяніе іюльской и февральской революціи на Германію.

ие ра-лы.

Мы оставили исторію Германіи на Карлсбадскихъ постановленіяхъ и на рѣшеніи Вѣнскихъ министерскихъ конференцій. Съ тѣхъ поръ и по 1830-й годъ нигдѣ спокойствіе не нарушалось явнымъ образомъ, а между тѣмъ въ тайнѣ, въ разныхъ уголкахъ Германіи, сильно работали либералы, стѣсненные строгими рѣшеніями Карлсбадскихъ и Вѣнскихъ дополнительныхъ конференцій. Несмотря на зоркое наблюденіе сейма за прессою и германскими университетами, появилось множество либеральныхъ газетъ и журналовъ, и во многихъ университетахъ образовались тайныя демагогическія общества.— Іюльская революція возбудила надежды нѣмецкихъ либераловъ. Правда, она едва коснулась двухъ главныхъ Германскихъ государствъ—Австріи и Пруссіи, имѣвшихъ большія средства къ подавленію либеральныхъ движеній; но за то многія мелкія государства Германіи чувствительно испытали ея послѣдствія; особенно въ королевствѣ Саксонскомъ, курфиршествѣ Гессенскомъ и герцогствѣ Брауншвейгскомъ произошли возстанія, измѣнившія въ нихъ государственное устройство и управленіе. Разливу іюльской революціи по Германіи весьма много способствовало то обстоятельство, что каждое государство дѣйствовало какъ-то отдѣльно, не заботясь о сосѣдѣ, тогда какъ либералы имѣли много общаго черезъ сношенія между собою. Но, когда іюльская французская монархія, на поддержку которой возлагали свои надежды нѣмецкіе либералы и радикалы, обнаружила вполнѣ мирный характеръ и отказалась помогать дѣлу революціоннаго движенія въ Германіи, тогда нѣмецкія правительства стали дѣйствовать общими совокупными силами противъ своихъ враговъ; а нѣмецкіе либералы, которыхъ стремленія не ограничивались только конституціоннымъ устройствомъ, но направлены были и на достиженіе единства Германіи, стали еще открытѣе к

смѣлѣе стремиться къ своимъ цѣлямъ. Союзнымъ рѣшеніемъ (окт. 1830) было положено, что каждое изъ германскихъ правительствъ обязывается давать сосѣду, по его требованію, военную помощь для поддержанія спокойствія и порядка, и при этомъ указывалось на прежнія постановленія объ ограниченіи печати.

Требованія нѣмецкихъ радикаловъ громче всего раздавались на Рейнѣ, въ Баденѣ, Гессенѣ, въ Ганноверѣ и въ особенности въ Рейнской Баваріи. Здѣсь дѣйствовали: докторъ Виртъ и Зибенпфейферъ, оба пылкіе, увлекавшіеся странными идеями о народной свободѣ, своеобразномъ конституціонномъ порядкѣ, а главное «возрожденіемъ Германіи». Свои идеи они распространяли въ издаваемыхъ подъ ихъ редакціею такъ называемыхъ «политическихъ листкахъ». Около нихъ стали сходиться либералы и радикалы изъ другихъ мѣстностей Германіи и такимъ образомъ сформировалось «Общество Свободнаго Тисненія» или радикальная партія, центромъ которой была Рейнская Баварія. Революціонныя замыслы ея обнаружились во время конституціоннаго «Гамбахскаго празднества» или народнаго сборища, которое созвано было ею на 27 мая 1832 г. на развалинахъ замка Гамбахъ (близъ города Нейштадта, на рѣчкѣ Гартѣ). Здѣсь, среди толпы, стекшейся со всѣхъ концовъ юго-западной Германіи, при соучастіи множества французовъ и поляковъ, были произнесены возмутительныя рѣчи, съ восхваленіемъ «свободы» и съ рѣзкимъ порицаніемъ всѣхъ правительствъ. Сеймъ нашелъ необходимымъ принять рѣшительныя мѣры противъ Гамбахскихъ радикаловъ. Рѣшеніемъ отъ 28 іюня 1832 г. строго запрещалось отдѣльнымъ правительствамъ допускать какія-бы то ни было народныя сборища и празднества; сосѣдямъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ-бы образовались сходбища, подобныя Гамбахскому, предлагалось высылать свои войска для ихъ разогнанія. Озлобленные такимъ постановленіемъ союзнаго сейма, радикалы обратили на него весь свой гнѣвъ и задумали сдѣлать нападеніе на Франкфуртъ, чтобы,

въ свою очередь, разогнать сеймъ. Это предпріятіе радикаловъ извѣстно въ исторіи Германіи подъ именемъ *«франкфуртскаго посягательства»*. 3 апрѣля 1833 г. толпа молодежи неожиданно овладѣла гауптвахтою Франкфурта, надѣясь захватить въ плѣнъ членовъ сейма. Убивъ нѣсколькихъ солдатъ изъ сеймоваго гарнизона, безумцы стали призывать народъ къ возстанію за свободу родины; но франкфуртскіе граждане не тронулись ихъ криками. Между тѣмъ на помощь сейму явились войска, и послѣ упорной схватки, революціонеры были побѣждены и большею частію взяты въ плѣнъ, немногіе только спаслись бѣгствомъ за границу. Эта безумная затѣя повлекла за собою сильную реакцію со стороны правительствъ Германіи. Въ сентябрѣ 1833 г. собрался *конгресъ монарховъ* въ *Мюнхенгрецѣ* (*), на которомъ явились, кромѣ всѣхъ владѣтельныхъ князей Германіи, Императоръ русскій, австрійскій и наслѣдный принцъ прусскій. Результатомъ совѣщаній было 1) заключеніе новаго союза между сѣверными великими державами относительно дружественнаго подавленія революціонныхъ волненій въ Германіи и 2) созваніе *конференціи министровъ въ Вѣнѣ* для опредѣленія средствъ, которыми можно будетъ на послѣдующее время противодѣйствовать подобнымъ волненіямъ и посягательствамъ. Конференція, составившаяся въ Вѣнѣ 13 января 1834 г., подтвердила Карлсбадскія постановленія, усилила надзоръ за прессою и университетами, установила «Третейскій судъ» для рѣшенія несогласій между государями союза и сверхъ того опредѣлила количество денежнаго взноса, необходимаго для содержанія особой вооруженной силы на защиту сейма. Многіе университеты были закрыты, «политическіе листки» и другіе журналы запрещены, а члены «Общества Свободнаго Тисненія» были объявлены государственными преступниками и подверглись жестокимъ наказаніямъ. Такимъ образомъ, въ Германіи водворился порядокъ, какой существовалъ въ ней

(*) Въ Богеміи.

до іюльской революціи; но, какъ мы сейчасъ увидимъ, ненадолго.

Въ это время Пруссія, свободная пока отъ внутреннихъ волненій, успѣла совершить два весьма важныя предпріятія, имѣвшія вліянія на другія государства союза и успокоительно подѣйствовавшія на либераловъ, отъ которыхъ не было свободно и это государство. Эти предпріятія были: *учрежденіе провинціальныхъ чиновъ и устройство Таможеннаго союза* (*Zollverein*). Введеніе «провинціальныхъ чиновъ», обнародованное въ царствованіе Фридриха Вильгельма III (3 января 1823 г.), состояло въ слѣдующемъ: три сословія каждой провинціи, входящей въ составъ прусской территоріи, т. е. а) владѣльцы бывшихъ рыцарскихъ имѣній (первое сословіе), владѣльцы городской недвижимой собственности (второе сословіе) и мелкіе собственники, завѣдующіе сами своимъ сельскимъ хозяйствомъ (третье сословіе), получили право совѣщаться о законахъ, касающихся перемѣнъ личныхъ правъ и правъ собственности, также и податей; правительство же съ своей стороны обязывалось выслушивать, обсуждать и не оставлять безъ отвѣта просьбы, составившіяся на совѣщаніяхъ сословій каждой провинціи. Начавшись съ октября 1823 года, это учрежденіе провинціальныхъ чиновъ къ октябрю 1827 года было введено уже во всѣхъ прусскихъ областяхъ. Хотя учрежденіе это было далеко отъ конституціи (которую, какъ мы уже видѣли выше, Фридрихъ Вильгельмъ III обязался дать тотчасъ послѣ Вѣнскаго конгреса), потому что финансовое управленіе, судопроизводство и преподаваніе оставались въ своихъ старыхъ абсолютныхъ формахъ, однако всѣ съ радостію встрѣтили это учрежденіе провинціальныхъ чиновъ, какъ опытъ къ началу конституціоннаго порядка. Къ мѣрамъ, въ которыхъ отразилась цѣль общей національной политики прусскаго короля—достигнуть единства земли Германской, относится такъ называемый «Таможенный Союзъ». Уже на Вѣнскомъ конгрессѣ было постановлено, чтобы члены Германскаго союза вошли между собою въ соглашеніе касательно тор-

говли и пріискали мѣры, которыми можно было бы освободить торговлю отъ стѣснительныхъ таможенныхъ заставъ. Но это совѣщаніе не привело къ цѣли; сеймъ не въ состояніи былъ согласить тѣ отдѣльныя мнѣнія, которыя выставлялись относительно торговыхъ выгодъ членами сейма. Пруссія вывела сеймъ изъ затрудненій и въ 1828 г. заключила съ Гессенъ-Дармштадтомъ таможенный союзъ. Къ прусской таможенной системѣ приступили многія сѣверныя и южныя германскія государства и такимъ образомъ создался «Германскій Таможенный союзъ», въ которомъ многіе видѣли починъ будущаго единства Германіи. Преемникъ Фридриха Вильгельма III, Фридрихъ Вильгельмъ IV (1840—1861) отличался непостоянствомъ правилъ и воззрѣній, то «онъ покидалъ обычный путь своего отца, то возвращался на него и шелъ тою же дорогою». Надѣленный необычайнымъ умомъ и даромъ слова, новый король не находилъ никакого удовольствія въ спокойномъ, обычномъ ходѣ государственнаго порядка, онъ хотѣлъ преобразованій, но именно такихъ, какія ему казались необходимыми, а не тѣхъ, на которыя указывали потребности времени и общества. Отсюда и возникло то колебаніе между застоемъ и прогрессомъ, которое характеризуетъ время Фридриха Вильгельма IV. Въ 1847 г. король далъ Пруссіи конституцію, но не удовлетворилъ ею ожиданій народа и не прекратилъ того броженія умовъ, которые волновались вопросами политическими и церковными (*).

Что касается до Австріи, то она при императорѣ Францѣ I (1792—1835) и при его преемникѣ Фердинандѣ I (1835 — 1849) твердо держалась политики правившаго ея дѣлами Меттерниха и была, по прежнему, врагомъ

(*) Между католиками и протестантами въ 1830-хъ годахъ возникло величайшее несогласіе по поводу вопроса «о смѣшанныхъ бракахъ», т. е. относительно того, къ какой вѣрѣ должны принадлежать дѣти отъ тѣхъ родителей, изъ которыхъ одинъ протестантъ, а другой католикъ.

народныхъ представительныхъ конституцій и защитницею неограниченной монархіи и аристократіи. Меттернихъ всѣми силами старался оградить Австрію отъ сношеній съ другими государствами Германіи и западной Европы и не пустить въ нее либеральныхъ и революціонныхъ идей, которымъ онъ думалъ загородить дорогу строжайшею полиціею, цензурою, надзоромъ за прессою и преподаваніемъ. Но, несмотря на всѣ эти мѣры, и Австрія увлеклась общимъ потокомъ революціонныхъ событій запада и близко-родственной ей Германіи. Кромѣ движеній революціонныхъ, посѣтившихъ ея нѣмецкія территоріи, ее сильно тревожили волненія національныя среди Славянъ, Венгерцевъ и Итальянцевъ (См. гл. XVIII).

Разсмотримъ теперь тѣ перевороты и волненія въ Германіи, которыя возникли въ ней подъ вліяніемъ февральскихъ событій, и которыя извѣстны въ ея исторіи подъ именемъ *Мартовской революціи*.

Изъ Парижа, гдѣ находился революціонный центральный комитетъ, повсюду стали распространяться революціонныя и соціалистскія идеи, возбуждавшія народъ къ возстанію и къ осуществленію требованій свободы, равенства, братства, учрежденія республики и уничтоженія пролетаріата. Эти волненія охватили всю Германію и посѣтили Пруссію и Австрію: въ однѣхъ мѣстностяхъ возстаніе происходило во имя широкой конституціи, въ другихъ—возставшіе требовали республики; вся Германія волновалась за новое устройство Германскаго союза, а подвластные Пруссіи и Австріи народы не германскаго происхожденія стремились къ самостоятельному существованію.

Еще въ сентябрѣ 1847 г. въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, пограничномъ съ революціонною Франціею и Швейцаріею, состоялось собраніе изъ либераловъ и радикаловъ, подъ предсѣдательствомъ Геккеръ и Штруве съ цѣлью договориться о преобразованіи государственнаго устройства Германіи. Собраніе постановило—передѣлать устройство союза *на подобіе* республики сѣверо-американскихъ штатовъ. Из-

національное собраніе и конституція.

Чтобы избѣжать повторенія мартовскихъ волненій, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, уступая народнымъ требованіямъ, согласился на введеніе новой конституціи въ Пруссіи. Съ этою цѣлью созвано было въ Берлинѣ учредительное или національное собраніе, которое долженствовало вмѣстѣ съ правительствомъ начертать новое государственное уложеніе. Вскорѣ по открытіи засѣданій (22 мая) оказалось, что въ собраніи преобладала лѣвая сторона (демократическая партія). Опираясь на чернь, вооруженную послѣ разграбленія арсеналовъ и предводимую крайними демократами Вальдекомъ и Эстеромъ, эта партія пріобрѣла полный перевѣсъ въ національномъ собраніи и съ оскорбительными криками встрѣтила и провожала умѣренныхъ депутатовъ и членовъ правой стороны.

При такомъ составѣ собранія, дѣло уложенія подвигалось впередъ очень медленно. Собраніе отвергло предложенный королемъ и министромъ проэктъ уложенія и замѣнило его другимъ проэктомъ, составленнымъ на крайнихъ демократическихъ началахъ. Но противъ демократическихъ замысловъ національнаго собранія образовалась партія консервативная, желавшая возстановленія прежнихъ основъ могущества и величія Пруссіи. Главная сила этой партіи заключалась въ офицерахъ арміи, которые поддерживали въ войскѣ преданность къ престолу и только ждали приказанія своего государя, чтобы начать свои дѣйствія противъ демократовъ. Ободренный такимъ расположеніемъ умовъ, король рѣшился оставить свою пассивную роль и снова взять правленіе твердою рукою. Поручивъ (4 ноября) графу Бранденбургу составить новое министерство, въ которое вступилъ и баронъ Мантейфель, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, король отдалъ приказаніе учредительному собранію перенести свое мѣстопребываніе изъ Берлина въ городъ Бранденбургъ, и когда оно отказалось повиноваться, то войско королевское подъ начальствомъ генерала Врангеля вступило въ столицу, которая была объявлена въ осадномъ положеніи; національное собраніе перебралось въ Бранденбургъ, гдѣ снова на-

прежняго сейма, состоявшаго изъ представителей правительствъ, во главѣ Германіи стоялъ бы сеймъ изъ представителей отъ народовъ Германіи, раздѣленный на двѣ камеры; исполнительная же власть должна быть вручена особому намѣстнику, избранному всеобщей подачей голосовъ отъ правительствъ и народныхъ депутатовъ. За тѣмъ члены самовольно-созваннаго Предварительнаго Парламента избрали изъ среды своей *«Комитетъ Пятидесяти»*, который долженъ былъ озаботиться приведеніемъ въ исполненіе рѣшеній парламента и начертать новое уложеніе для будущаго политическаго устройства Германіи. Германскія правительства и на этотъ разъ уступили требованіямъ революціонеровъ, какъ бы предчувствуя всю несбыточность ихъ стремленій. Они послали во Франкфуртъ достойнѣйшихъ людей изъ либеральной партіи для присутствія на собираемомъ Германскомъ Парламентѣ, (именуемомъ иногда національнымъ собраніемъ), которое должно было своимъ рѣшеніемъ утвердить новое государственное устройство Германіи. Парламентъ открылъ свои засѣданія въ церкви Св. Павла въ маѣ 1848 г. подъ предсѣдательствомъ Генриха фонъ-Гагерна. Среди членовъ его, простиравшихся до 500, и состоявшихъ изъ людей образованныхъ и просвѣщенныхъ, преобладалъ духъ умѣренности: они не желали ниспроверженія существовавшаго порядка, но ограничивались только надеждою, что сами государи для общаго блага согласятся на конституціонное раздѣленіе своей власти съ народными представителями. Но чтобы работы Парламента могли идти спокойно и успѣшно, и чтобы всѣ дѣйствія и намѣренія демократовъ могли быть парализованы, Гагернъ предложилъ отнять у союзнаго сейма права исполнительной власти и вручить ее «временному намѣстнику государства или регенту». Послѣ нѣкоторыхъ разногласій, 27 іюня, эрцгерцогъ Австрійскій Іоаннъ былъ избранъ въ намѣстники; 11 іюля онъ прибылъ во Франкфуртъ, а сеймъ, передавъ ему власть, разошелся. Только теперь парламентъ приступилъ къ своимъ очереднымъ работамъ, имѣвшимъ цѣлію возстановить

изъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ національное единство, дать Германіи либеральныя учрежденія и поднять ея внѣшнее могущество. Но пренія объ этихъ вопросахъ повели къ сильнымъ спорамъ и раздѣлили Парламентъ на многія партіи:—правая сторона, правый центръ, лѣвый центръ, лѣвая сторона, крайняя правая сторона, крайняя лѣвая сторона,—которыя выражали различныя убѣжденія и требованія, начиная отъ конституціонной монархіи (правая сторона) и оканчивая «красной республикой» (крайняя лѣвая сторона). Прусское правительство стало въ явное разногласіе съ парламентомъ, когда послѣдній потребовалъ, чтобы всѣ войска союза присягнули намѣстнику какъ верховному начальнику. Король Прусскій на такое требованіе объявилъ, что въ случаѣ употребленія его войскъ на общее дѣло Германіи, подчиненіе ихъ намѣстнику, онъ допускаетъ не иначе, какъ по своему королевскому декрету. Этимъ разногласіемъ воспользовались демократы и взволновали народъ противъ парламентскаго большинства. 17 сентября толпа пролетаріевъ, подстрекаемая демократами, окружила церковь св. Павла, съ намѣреніемъ ворваться въ собраніе парламента, однако попытка неудалась, потому австрійскіе и прусскіе отряды, явившіеся изъ крѣпости Майнца успѣли разогнать толпу и подавить волненія. Озлобленная неудачами, чернь излила свое мщеніе на двухъ членахъ парламента, князѣ Лухновскомъ и генералѣ Ауэрсвальдѣ, которые были съ страшною жестокостью растерзаны. Такія происшествія повторились и въ Баденѣ; здѣсь Штруве провозгласилъ-было республику, но разбитый съ своими волонтерами герцогскими войсками былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ; товарищъ его Геккеръ успѣлъ бѣжать и переселился въ сѣв. Америку. Для возстановленія порядка, Франкфуртъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи, послѣ чего большая часть демократовъ должна была удалиться изъ него.

Австрія и Пруссія.

Только съ 26 декабря, послѣ длиннаго ряда преній, Парламентъ опредѣлилъ и обнародовалъ *основныя права герман-*

скаго народа. Послѣ этого уже приступлено было къ главной задачѣ, т. е. къ *начертанію устройства германскаго государства*. Общее желаніе клонилось къ тому, чтобъ соединить разрозненную Германію въ одно общее государство съ однимъ главою. Но это желаніе встрѣтило сильныя неудовольствія со стороны Австріи и Пруссіи; нельзя было надѣяться, чтобы Австрія рѣшилась подчиниться Прусскому императору, или обратно, чтобы Пруссія признала надъ собою власть императора Австрійскаго. Изъ такого положенія дѣла представлялось только два исхода, изъ которыхъ первый былъ предложенъ Кенигсбергскимъ профессоромъ Симсономъ, а второй Гагерномъ; первый предлагалъ образованіе союзнаго государства соединеннаго съ Австріею; а второй—соединить всю Германію за исключеніемъ Австріи подъ верховною властью Пруссіи. Съ этого времени стала рѣзко замѣчаться двойственность Парламента; партія, желавшая объединенія Германіи безъ Австріи подъ властью Пруссіи, называлась «малогерманскою», и противоположная ей—не желавшая отдѣлить Австрію отъ Германіи—называлась «велико-германскою». Къ первой тянули государства Сѣверной Германіи, желавшіе протестантскаго императора; ко второй—примкнули герцогства южной Германіи, надѣявшіеся подъ покровительствомъ Австріи удержать свою самостоятельность и неприкосновенность католичества. При такихъ обстоятельствахъ все дѣло парламента относительно объединенія Германіи могло бы рушиться. Чтобы поддержать свой планъ, Гагернъ переманилъ на свою сторону демократовъ, предложивъ законъ, по которому избранный императоръ будетъ лишенъ неограниченнаго veto. Такимъ образомъ, большинствомъ 290 голосовъ противъ 248 выборъ наслѣдственнаго Германскаго императора палъ на Фридриха-Вильгельма IV, короля Прусскаго. Но онъ отклонилъ отъ себя это избраніе (апрѣля 1849), объявивъ что предлагаемый титулъ и власть онъ можетъ принять только при свободномъ на то согласіи самихъ государей Германіи и вольныхъ городовъ. Вслѣдъ за этимъ Пруссія, Австрія и

Баварія отозвали изъ Франкфурта своихъ представителей, и весь планъ Гагерна рушился самъ собою. Вскорѣ и самъ Гагернъ и всѣ его сторонники (великогерманцы) покинули столицу союза, такъ что число членовъ Парламента доходило только до 100, которые всѣ принадлежали къ крайнему лѣвому центру. Несмотря на свою малочисленность, оставшіеся демократы учредили 10 апрѣля «*Комитетъ Тридцати*», поручивъ ему озаботиться приведеніемъ въ исполненіе государственнаго устройства, установленнаго Парламентомъ. Обѣщаніе Прусскаго короля (14 мая) покончить переговорами съ уполномоченными отъ государей Германіи, начатое во Франкфуртѣ, совершенно подорвало оставшихся демократовъ, и они должны были оттуда удалиться (*): въ іюнѣ они перенесли свои засѣданія въ Штутгардтъ, чтобы быть ближе къ революціи, происходившей въ это время въ Виртембергѣ. Государственнаго намѣстника они объявили низложеннымъ, а вмѣсто его власти учредили государственное регентство пяти членовъ, выбранныхъ изъ среды своей. Но и здѣсь имъ непосчастливилось. Королевское правительство, подавивъ революціонныя волненія, изгнало остатокъ Парламента (охвостье) изъ своихъ предѣловъ, при чемъ нѣкоторые были взяты подъ стражу и преданы суду; а большинство успѣло спастись бѣгствомъ за границу. Такъ печально окончилъ свою дѣятельность первый Германскій парламентъ, работавшій надъ объединеніемъ Германіи.

Между тѣмъ, сторонники демократовъ, подъ предлогомъ введенія новаго государственнаго устройства, возмутили народъ противъ государей въ Дрезденѣ, Баварскомъ Пфальцѣ и великомъ герцогствѣ Баденскомъ. Тогда Пруссія приняла на себя защиту правительствъ и съ помощью своихъ войскъ успѣла возстановить спокойствіе въ Пфальцѣ, Баваріи, Баденѣ и Саксоніи.

(*) Одинъ только эрцгерцогъ-намѣстникъ не покинулъ Франкфурта; онъ объявилъ, что власть свою, какъ послѣднее представительство единства Германіи, уступитъ только сообществу всѣхъ государей Германскаго союза.

Хотя Прусскій король и отказался отъ предлагаемой ему короны Императора, однако онъ не покинулъ надежды достигнуть объединенія Германіи другимъ путемъ — добровольными переговорами съ Германскими правительствами. Согласно съ своимъ обѣщаніемъ продолжать неудавшееся Франкфуртское предпріятіе, Фридрихъ-Вильгельмъ IV созвалъ въ Берлинѣ (17 мая 1849) конгрессъ Германскихъ государей. Сюда явились только короли: Саксонскій и Ганноверскій и согласились вступить съ Пруссіею въ союзъ; оттого и союзъ этотъ у нѣмецкихъ историковъ носитъ названіе *«Берлинской уніи»* или *«Союза трехъ королей»*. Планъ уніи заключался въ томъ, чтобы составить изъ Германіи, за исключеніемъ Австріи, союзное государство подъ гегемоніею короля Прусскаго, какъ наслѣдственнаго главы государства; при немъ полагался совѣтъ изъ шести государей и парламентъ изъ двухъ камеръ. Бывшіе франкфуртскіе депутаты объявили свое несогласіе съ планомъ Пруссіи, такъ какъ онъ въ главныхъ своихъ чертахъ сходствовалъ съ проектомъ Гагерна, и съ этою цѣлью собрались въ Готѣ. Австрія же, которой въ это время удалось справиться и подавить волненія въ Италіи и Венгріи, не только не изъявила своего согласія на рѣшенія Берлинской Уніи, но даже умѣла отклонить отъ Союза съ Пруссіею Гановеръ и Саксонію; Баварія и Виртембергъ также приняли ея сторону. Тогда Пруссія нашла себѣ союзниковъ въ Мекленбургѣ, Брауншвейгѣ, Гессенѣ и Баденѣ и заключила съ ними военную конвенцію, по которой контингенты ихъ вошли въ составъ Прусской арміи. Потомъ она созвала (къ марту 1850 г.) изъ государствъ признавшихъ унію, *конгрессъ въ Эрфуртѣ* для разсмотрѣнія новаго государственнаго устройства Германіи, начертаннаго прусскимъ генераломъ Радовицемъ. Такія энергическія дѣйствія вынудили и Австрію приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Выставивъ сильную армію въ Богеміи, кн. Шварценбергъ созвалъ къ маю, во Франкфуртѣ, большой совѣтъ сейма (plenum), выказывая этимъ *намѣренія своего* правительства возвратить Германіи прежнее

являютъ свои притязанія на самостоятельность. Въ Богеміи возстали чехи съ намѣреніемъ отдѣлиться отъ Австріи; но комендантъ Пражскій, генералъ Виндишъ-Грецъ, послѣ нѣсколькихъ дней кровопролитія, усмирилъ возстаніе (см. гл. XIX). Во имя независимости, поднялись и итальянцы Ломбардо-Венеціанскаго королевства. Возстаніе началось въ Миланѣ (18 марта), на помощь которому явился со всѣмъ своимъ войскомъ Сардинскій король Карлъ-Альбертъ, соединившійся съ либералами и мечтавшій о возстановленіи единства Италіи подъ своимъ скипетромъ. При первомъ извѣстіи о возмущеніи, австрійское правительство объявило Ломбардо-Венеціанское королевство на военномъ положеніи и выслало престарѣлаго, опытнаго фельдмаршала, графа Радецкаго. Послѣ четырехдневной уличной битвы фельдмаршалъ долженъ былъ оставить Миланъ и отступилъ въ крѣпкую позицію между Минчіо и Эчемъ, защищенную крѣпостями: Мантуею, Вероною и Пескіэрою; здѣсь онъ ждалъ подкрѣпленій изъ Германіи. Положеніе австрійскаго фельдмаршала было не безопасно; такъ въ тылу его возстала Венеція, въ которой подъ предсѣдательствомъ адвоката Даніила Манина провозглашена республика; папскія войска, подъ начальствомъ генерала Дурандо, шли на соединеніе съ Карломъ-Альбертомъ; Тосканскій герцогъ также выслалъ свои войска на помощь Сардинскому королю; словомъ, вся Италія, за исключеніемъ только Неаполя, ополчилась для своего освобожденія отъ нѣмцевъ. Весьма много сочувствовала и содѣйствовала этому возстанію Англія въ лицѣ лорда-поджигателя Пальмерстона, который посылалъ и деньги и совѣты инсургентамъ. При такихъ средствахъ, дѣйствительно удалось Карлу-Альберту очистить почти всю Ломбардію отъ австрійцевъ, но онъ не умѣлъ воспользоваться успѣхами задуманнаго дѣла. Въ надеждѣ пріобрѣсти Ломбардію путемъ дипломатическимъ, при содѣйствіи въ особенности Пальмерстона, Сардинскій король пропустилъ время и тѣмъ далъ значительно усилиться австрійскому фельдмаршалу въ его позиціи при Веронѣ. 29 мая.

ненно было возвратиться къ прежнему сеймовому порядку, установленному на Вѣнскомъ конгрессѣ 10 іюня 1815 г.

Но это миролюбивое прекращеніе несогласій между Австріею и Пруссіею не уничтожило стараго ихъ соперничества въ стремленіяхъ къ объединенію и первенству Германіи. Только внѣшняя опасность заставляла ихъ сближаться и на время забывать свои враждебныя отношенія. Такъ стремленіе Наполеона III расширить границы Франціи на счетъ Германіи, возстановило согласіе между Австріею, Пруссіею и мелкими державами Германіи послѣ личнаго свиданія Императора и короля въ Теплицѣ (1860). Но тоже не надолго. Попытка Франца-Іосифа соединить Германію въ одно цѣлое, для чего онъ созвалъ германскихъ государей на конгрессъ во Франкфуртъ, тоже ни къ чему не привела, вслѣдствіе противодѣйствія Пруссіи. Въ 1866 году соперничество этихъ двухъ державъ за первенство въ Германіи, разыгралось войною, которая послѣ побѣдъ пруссаковъ при Садовѣ и Кенигсгрецѣ, кончилась Пражскимъ миромъ, раздѣлившимъ Германію, теченіемъ рѣки Майна, на 2 союза: сѣверо-германскій подъ гегемоніею протестантской Пруссіи и южно-германскій подъ гегемоніею католической Австріи.

Глава XVII.

Прусская революція 1848 г.

Февральская революція оказала вліяніе не только на мелкія государства Германіи, но потрясла и двѣ великія державы союза: Пруссію и Австрію.

Несмотря на то, что во всѣхъ государствахъ Германскаго союза правительства сдѣлали нѣкоторыя либеральныя уступки представителямъ отъ народа, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, король Прусскій, опираясь на преданное ему войско, отказывалъ всѣмъ либеральнымъ требованіямъ; и только въ 1847 г., по совѣту нѣкоторыхъ изъ министровъ онъ подписалъ кон-

ституцію, но съ чрезвычайно ограниченными правами палатъ. Извѣстія о февральской революціи взволновали пруссаковъ; толпа народная громко заявляла свои неудовольствія на стѣсненную конституцію 1847 года и требовала самыхъ широкихъ правъ для представителей всѣхъ сословій. Эти революціонныя волненія 1848 года, начавшіяся въ мартѣ и потому извѣстныя подъ названіемъ «Мартовскихъ дней», начались въ двухъ противоположныхъ концахъ Прусской территоріи, именно въ Рейнской провинціи и восточной Пруссіи; отсюда явились въ Берлинъ первые адресы и депутаціи съ требованіями, согласными съ духомъ общегерманскихъ народныхъ желаній. Подъ вліяніемъ этихъ адресовъ и депутацій начались волненія и въ самомъ Берлинѣ: съ 6 марта начались народныя сборища, которыми распоряжались по преимуществу литераторы—поляки и евреи. Они устроили въ Тиръ-Гартенѣ (звѣринцѣ) огромную народную сходку и составили адресъ на имя короля. Отправленная депутація удостоилась 14 марта королевской аудіенціи и высказала желанія народныхъ сходбищъ. Король отвѣчалъ, что, какъ по вопросу о преобразованіи государственнаго устройства германскаго союза, такъ и о конституціи Пруссіи онъ согласенъ на уступки; но что ему необходимо, въ первомъ случаѣ, войти въ переговоры съ другими германскими государями, которыхъ онъ ждетъ на конгрессъ въ Дрезденѣ, а во второмъ—посовѣтываться съ соединеннымъ сеймомъ, который будетъ созванъ на 27 апрѣля. Такой отвѣтъ неудовлетворилъ депутатовъ и отправившей ихъ толпы, тѣмъ болѣе, что тайные революціонные агенты, въ числѣ которыхъ были французы, итальянцы и по преимуществу поляки, усердно работали для произведенія въ Пруссіи революціи. Вслѣдствіе этого, народныя сборища съ каждымъ днемъ становились чаще и многолюднѣе и все болѣе и болѣе грозили разразиться революціею. Опасаясь уличныхъ кровопролитій, король нашелъ необходимымъ уступить требованіямъ: 17 марта онъ издалъ манифестъ, въ которомъ объявлялъ 1) раннее

созваніе соединеннаго сейма (именно ко 2 апр.); 2) превращеніе союза германскихъ государствъ въ союзное государство, въ составъ котораго должна была войти не только восточная и западная Пруссія, но и Познань, и 3) свободу книгопечатанія. Такія уступки короля обрадовали народъ, который на другой день (18 марта) отправилъ ко дворцу торжественную процессію для объявленія королю своей благодарности. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались революціонные агенты, чтобы произвести открытое возмущеніе въ народѣ, возмущеніе, которое было ими заранѣе приготовлено и обдумано; скорость же, съ которою были воздвигнуты баррикады, указываетъ, что дѣломъ возстанія заправляла опытная рука. Въ то время, когда народъ тѣснился на дворцовой площади, раздались два выстрѣла. Испуганная толпа, съ криками «измѣна, насъ убиваютъ, къ оружію!» разсѣялась по всему городу, въ короткій срокъ воздвигла нѣсколько баррикадъ на главнѣйшихъ улицахъ и открыла жестокій уличный бой. Войска, предводимыя искуснымъ генераломъ Притвицемъ, безъ труда могли бы подавить возмущеніе, если бы король не согласился на новыя уступки, приказавъ своимъ войскамъ прекратить стрѣльбу. Войско и городской гарнизонъ вышли изъ Берлина и были замѣнены наскоро устроившеюся національною стражею. Результатомъ событій 18 и 19 марта были: 1) перемѣна министерства, во главѣ котораго теперь былъ поставленъ Кампгаузенъ съ графомъ Арнимомъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Шверинымъ, министромъ народнаго просвѣщенія и Ауэрсвальдомъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ; и 2) поляки, содержавшіеся въ крѣпостяхъ съ 1846 г., получили вмѣстѣ съ другими политическими преступниками свободу и подъ предводительствомъ Мѣрославскаго открыто провозгласили самостоятельность Польши (*).

(*) Возстаніе, поднятое Мѣрославскимъ съ цѣлью отдѣлить Познань отъ Прусскаго королевства, было подавлено генераломъ Колонбомъ.

ціональное брание и нституція.

Чтобы избѣжать повторенія мартовскихъ волненій, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, уступая народнымъ требованіямъ, согласился на введеніе новой конституціи въ Пруссіи. Съ этою цѣлью созвано было въ Берлинѣ учредительное или національное собраніе, которое долженствовало вмѣстѣ съ правительствомъ начертать новое государственное уложеніе. Вскорѣ по открытіи засѣданій (22 мая) оказалось, что въ собраніи преобладала лѣвая сторона (демократическая партія). Опираясь на чернь, вооруженную послѣ разграбленія арсеналовъ и предводимую крайними демократами Вальдекомъ и Эстеромъ, эта партія пріобрѣла полный перевѣсъ въ національномъ собраніи и съ оскорбительными криками встрѣтила и провожала умѣренныхъ депутатовъ и членовъ правой стороны.

При такомъ составѣ собранія, дѣло уложенія подвигалось впередъ очень медленно. Собраніе отвергло предложенный королемъ и министромъ проэктъ уложенія и замѣнило его другимъ проэктомъ, составленнымъ на крайнихъ демократическихъ началахъ. Но противъ демократическихъ замысловъ національнаго собранія образовалась партія консервативная, желавшая возстановленія прежнихъ основъ могущества и величія Пруссіи. Главная сила этой партіи заключалась въ офицерахъ арміи, которые поддерживали въ войскѣ преданность къ престолу и только ждали приказанія своего государя, чтобы начать свои дѣйствія противъ демократовъ. Ободренный такимъ расположеніемъ умовъ, король рѣшился оставить свою пассивную роль и снова взять правленіе твердою рукою. Поручивъ (4 ноября) графу Бранденбургу составить новое министерство, въ которое вступилъ и баронъ Мантейфель, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, король отдалъ приказаніе учредительному собранію перенести свое мѣстопребываніе изъ Берлина въ городъ Бранденбургъ, и когда оно отказалось повиноваться, то войско королевское подъ начальствомъ генерала Врангеля вступило въ столицу, которая была объявлена въ осадномъ положеніи; національное собраніе перебралось въ Бранденбургъ, гдѣ снова на-

чало свои засѣданія 27 ноября. Такимъ образомъ столица была очищена отъ революціонеровъ и демократовъ, вожди которыхъ, видя дѣло свое проиграннымъ, спаслись бѣгствомъ за границу.

Послѣ этого, король самъ обнародовалъ новое уложеніе и велѣлъ созвать новое законодательное собраніе, состоящее изъ двухъ палатъ, для обсужденія этого уложенія; но такъ какъ и въ этомъ собраніи оказалось еще достаточное количество демократическихъ депутатовъ, то король приказалъ распустить снова обѣ палаты, а чтобы на будущее время не дать мѣста въ законодательномъ собраніи депутатамъ лѣвой стороны, изданъ былъ въ 1849 г. «новый законъ о выборахъ», ограничивавшій число избирателей. Этимъ путемъ было достигнуто то, что во вновь составленномъ законодательномъ собраніи большая часть депутатовъ принадлежала къ партіи умѣренныхъ. Они 31 января 1850 утвердили и конституцію, составленную королемъ,—конституцію по которой и въ настоящее время управляется Прусская монархія; 6 февраля король упрочилъ ее своею присягою.

Участіе Пруссіи въ дѣлахъ остальной Германіи мы уже разсмотрѣли въ главѣ XVI, и потому объ этомъ вопросѣ скажемъ коротко. Фридрихъ-Вильгельмъ IV усердно хлопоталъ во имя объединенія Германіи и думалъ встать во главѣ соединеннаго государства; но для этого онъ искалъ не содѣйствія Франкфуртскаго Парламента, а добровольнаго согласія со стороны самихъ германскихъ государей. Это обстоятельство объясняетъ ту усердную помощь, которую нѣкоторые изъ германскихъ государей находили въ Пруссіи для подавленія возстаній въ своихъ владѣніяхъ. Съ тою же цѣлью — достигнуть объединенія Германіи подъ гегемоніею Пруссіи, — Фридрихъ Вильгельмъ IV старался расширить дѣйствія Таможеннаго Союза и хлопоталъ объ устройствѣ прусскаго флота. Болѣзнь, начавшаяся въ 1856 г., помѣшала королю въ его стремленіяхъ.

Вступившій на престолъ послѣ его смерти (1861 г.)

братъ его Вильгельмъ I, нынѣ царствующій король, продолжаетъ политику своего предшественника и не безуспѣшно: вся Сѣверная Германія до рѣки Майна, образовавъ изъ себя Сѣверо-Германскій союзъ, вошла подъ гегемонію Пруссіи (1866).

Глава XVIII.

Революція 1848 года въ Австріи.

Подъ вліяніемъ французскихъ событій и въ Австріи, охраняемой системою Меттерниха, пробудился духъ политической свободы. Разнородныя національности, изъ которыхъ сложилась Австрійская имперія, пришли въ движеніе: венгерцы, славяне и итальянцы, стремясь къ народной самостоятельсти, поддерживаютъ волненія, возникшія въ самомъ центрѣ имперіи,—въ Вѣнѣ.

Мы уже видѣли, что политика Меттерниха стремилась къ полной монархической власти въ Австріи и подавленію всѣхъ движеній въ пользу конституціоннаго порядка вещей. Потому австрійское правительство старалось всевозможными мѣрами охранять свои владѣнія отъ распространявшихся по всему западу новыхъ идей; усиливало для того пограничную стражу; затрудняло своимъ подданнымъ сношенія съ другими народами; внутри государства вводило строгую цензуру, бдительную полицію и др. Но несмотря на всю заботливость правительства, революціонныя идеи стали проникать въ Австрію и здѣсь также стала образовываться оппозиція противъ устарѣлой системы Меттерниха. Первый ударъ этой системѣ нанесли венгерцы. Въ засѣданіи Венгерскаго сейма (3 марта), Кошутъ произнесъ рѣчь, въ которой явно порицалъ внутреннюю политику Меттерниха и предложилъ, при этомъ, отправить къ императору адресъ съ требованіемъ національнаго правленія для Венгріи. Примѣръ Венгерцевъ раньше всего увлекъ столичныхъ австрійцевъ. «Ремесленное общество»,

«общество чтенія» и нѣкоторыя другія тоже прислали свои адресы императору, въ которыхъ требовали тѣснѣйшаго союза съ Германіею и конституціоннаго порядка, введеннаго уже въ государствахъ остальной Германіи. Эти требованія скоро сдѣлались интересомъ всего нѣмецкаго народонаселенія Австріи и охватили всѣ его классы, —что обнаружилось въ засѣданіи нижне-австрійскихъ чиновъ, открытомъ 13 марта въ Вѣнѣ. Толпа черни ворвалась въ залу засѣданій и громко кричала: «мы хотимъ конституціи! Да здравствуетъ конституціонный императоръ Австріи!» По совѣту своего дяди, эрцгерцога Людвига, императоръ не прибѣгъ къ военной силѣ, но уступилъ требованіямъ бунтовщиковъ. Немедленно было даровано конституціонное правленіе съ свободой тисненія и съ правомъ устройства гражданской гвардіи. Меттернихъ былъ удаленъ и отправился въ Англію. Раздача оружія изъ императорскаго арсенала національнымъ гвардейцамъ и первое употребленіе его для истребленія виллы кн. Меттерниха, явно указывали, что до спокойствія, котораго Фердинандъ I думалъ достигнуть уступками, было далеко, тѣмъ болѣе, что различныя народности имперіи—венгры, славяне и итальянцы пришли съ своими требованіями въ непріязненное столкновеніе, какъ между собою, такъ и съ нѣмцами. Дѣйствительно, скоро начались новые безпорядки въ Вѣнѣ; тогда императоръ со всѣми приближенными оставилъ столицу и удалился въ Инспрукъ, къ храбрымъ, преданнымъ Габсбургскому дому, тирольцамъ; войска также покинули столицу, которая такимъ образомъ очутилась во власти революціонеровъ. Но національное собраніе, составившееся для опредѣленія конституціонной хартіи, успокоило нѣсколько столицу и убѣдило императора возвратиться въ Вѣну. Съ возвращеніемъ императора начались новыя волненія, поддерживаемыя и возбуждаемыя венгерцомъ Кошутомъ, который думалъ воспользоваться безурядицами столицы, чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли— совершеннаго отдѣленія Венгріи отъ Австріи. Въ провинціяхъ также было неспокойно: отдѣльныя народности объ-

являютъ свои притязанія на самостоятельность. Въ Богеміи возстали чехи съ намѣреніемъ отдѣлиться отъ Австріи; но комендантъ Пражскій, генералъ Виндишъ-Грецъ, послѣ нѣсколькихъ дней кровопролитія, усмирилъ возстаніе (см. гл. XIX). Во имя независимости, поднялись и итальянцы Ломбардо-Венеціанскаго королевства. Возстаніе началось въ Миланѣ (18 марта), на помощь которому явился со всѣмъ своимъ войскомъ Сардинскій король Карлъ-Альбертъ, соединившійся съ либералами и мечтавшій о возстановленіи единства Италіи подъ своимъ скипетромъ. При первомъ извѣстіи о возмущеніи, австрійское правительство объявило Ломбардо-Венеціанское королевство на военномъ положеніи и выслало престарѣлаго, опытнаго фельдмаршала, графа Радецкаго. Послѣ четырехдневной уличной битвы фельдмаршалъ долженъ былъ оставить Миланъ и отступилъ въ крѣпкую позицію между Минчіо и Эчемъ, защищенную крѣпостями: Мантуею, Вероною и Пескіэрою; здѣсь онъ ждалъ подкрѣпленій изъ Германіи. Положеніе австрійскаго фельдмаршала было не безопасно; такъ въ тылу его возстала Венеція, въ которой подъ предсѣдательствомъ адвоката Даніила Манина провозглашена республика; папскія войска, подъ начальствомъ генерала Дурандо, шли на соединеніе съ Карломъ-Альбертомъ; Тосканскій герцогъ также выслалъ свои войска на помощь Сардинскому королю; словомъ, вся Италія, за исключеніемъ только Неаполя, ополчилась для своего освобожденія отъ нѣмцевъ. Весьма много сочувствовала и содѣйствовала этому возстанію Англія въ лицѣ лорда-поджигателя Пальмерстона, который посылалъ и деньги и совѣты инсургентамъ. При такихъ средствахъ, дѣйствительно удалось Карлу-Альберту очистить почти всю Ломбардію отъ австрійцевъ, но онъ не умѣлъ воспользоваться успѣхами задуманнаго дѣла. Въ надеждѣ пріобрѣсти Ломбардію путемъ дипломатическимъ, при содѣйствіи въ особенности Пальмерстона, Сардинскій король пропустилъ время и тѣмъ далъ значительно усилиться австрійскому фельдмаршалу въ его позиціи при Веронѣ. 29 мая

Радецкій началъ наступательное дѣйствіе, но при Гонто союзники встрѣтили его съ такою рѣшимостію, что онъ долженъ былъ на нѣсколько дней отложить свои намѣренія. Однако эта неудача не остановила дальнѣйшихъ дѣйствій Радецкаго. Вопреки приказаніямъ двора, Радецкій не заключилъ перемирія съ Сардинскимъ королемъ и какъ бы выжидалъ болѣе удобнаго и торжественнаго момента, чтобы однимъ ударомъ разрушить всѣ подвиги враговъ. Дѣйствительно, когда 8 мая въ Миланѣ состоялось присоединеніе Ломбардіи и Венеціи къ Сардинскому королевству, Радецкій, подкрѣпленный корпусомъ генерала Вельдена, перешелъ снова въ наступленіе, и 25 іюня нанесъ Карлу-Альберту рѣшительное пораженіе при Кустоцци. Король удалился въ предѣлы своего государства, покинувъ на произволъ всю Ломбардію. 6-го августа Радецкій вошелъ въ Миланъ, гдѣ и заключилъ перемиріе съ Сардиніею, по которому войска ея должны были очистить Ломбардію и Венецію. Побѣда при Кустоцци возвратила все Ломбардо-Венеціанское королевство подъ власть Австріи, за исключеніемъ Венеціи, которая нѣсколько времени защищала свою республику; но бомбардированіе со стороны суши заставило и ее покориться австрійцамъ.—Въ слѣдующемъ году Карлъ-Альбертъ, пользуясь успѣхами венгерцевъ надъ австрійцами въ Трансильваніи, снова объявилъ войну Австріи и вторгнулся въ Ломбардію; но Радецкій однимъ движеніемъ разрушилъ его планы; онъ вторгнулся въ Піэмонтъ и тѣмъ заставилъ Сардинскаго короля возвратиться на защиту родины. Здѣсь, 23 марта, онъ нанесъ такое пораженіе при Новарѣ, что Карлъ-Альбертъ на другой же день отказался отъ престола, отправился въ Португалію и тамъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ скончался. Сынъ и наслѣдникъ его Викторъ-Эммануилъ II (нынѣ царствующій Итальянскій король—Викторъ Эммануилъ I) заключилъ миръ съ Австріею, по которому оба государства остались при своихъ владѣніяхъ, какъ было до до войны (statu quo); Сардинія должна была заплатить военныя издержки Австріи (6 августа).

Венгрія. Возстаніе Венгріи съ намѣреніемъ отдѣлиться отъ австрійской зависимости поставило правительство въ большія затрудненія, и потребовало не только напряженности всѣхъ собственныхъ военныхъ средствъ, но и заставило Франца-Іосифа I искать помощи у императора Всероссійскаго. Присоединенная къ Австріи въ концѣ XVI в., Венгрія пользовалась уже съ тѣхъ поръ нѣкоторыми правами и привиллегіями; недовольные венгерцы мечтали достигнуть совершеннаго отдѣленія своего отечества отъ австрійской власти и образовать самобытное венгерское королевство, какъ это было въ средніе вѣка. Сосредоточивъ свое вниманіе на успокоеніи столицы и подавленіи возстанія въ Ломбардскихъ владѣніяхъ, императоръ Фердинандъ согласился на требованія венгерцевъ и 15 марта (1848) предоставилъ странѣ этой національное правленіе, назначивъ графа Батіани главою венгерскаго министерства, а Кошута министромъ финансовъ. Но венгерцы этими уступками неудовольствовались: объявивъ на сеймѣ всѣ поземельныя собственности, принадлежащія австрійскимъ аристократамъ, возвращенными націи, венгерцы потребовали присоединенія Трансильваніи, учрежденія національнаго венгерскаго банка и отмѣны обязательства венгерскихъ войскъ служить императору внѣ самой Австріи. Фердинандъ не только согласился и на эти требованія, но даже самъ отправился на сеймъ въ Пестъ, чтобы въ присутствіи его подтвердить свое согласіе. Замѣчательно, что венгерцы, не выражая своихъ дальнѣйшихъ требованій, вслѣдъ за этими уступками, сдѣланными имъ императоромъ, подняли знамя возстанія. Вооруживъ около 200 тыс. гонведовъ (волонтеровъ) и выпустивъ на 42 милліона гульденовъ ассигнацій (извѣстныхъ подъ именемъ «кошутовскихъ билетовъ»), венгерцы умертвили (28 сент.) графа Ламберга (императорскаго палатина) и стали явно подстрекать вѣнскихъ демократовъ для взаимнаго дѣйствія противъ власти императора. Потому, когда кроаты, словаки, сербы, граничары и др. славянскія племена, недовольныя своимъ подчиненіемъ Венгріи, вслѣдствіе

уступки въ пользу ея Трансильваніи, выступили подъ предводительствомъ бана Іелачича (въ сент.) противъ венгерцовъ, Вѣнскіе демократы приняли этотъ походъ за нападеніе на нихъ самихъ и произвели новую революцію, извѣстную подъ названіемъ «Октябрскихъ дней».

Жители Вѣны покусились (6 окт.) воспрепятствовать походу войскъ, посланныхъ на помощь бану, и подстрекаемые тайными агентами Кошута, воздвигли баррикады, разграбили арсеналъ и первые открыли огонь по императорскимъ войскамъ, съ сильнѣйшею ненавистью разрушивъ дворецъ кн. Виндишъ-Греца. Чтобы остановить кровопролитіе на улицахъ, министерство распорядилось выслать войска изъ города, надѣясь, что вліятельныя лица учредительнаго собранія съумѣютъ возстановить спокойствіе. Но едва только войска оставили городъ, какъ вооруженная чернь вломилась въ домъ военнаго министра (Латура) и умертвила его самымъ безчеловѣчнымъ образомъ; другая толпа бросилась на учредительное собраніе и разогнала его. При такихъ обстоятельствахъ, императоръ снова удалился изъ Вѣны и переѣхалъ въ Ольмюцъ. Главное начальство надъ всѣмъ войскомъ (за исключеніемъ только тѣхъ корпусовъ, которые находились подъ командою гр. Радецкаго) ввѣрено было кн. Виндишъ-Грецу, съ неограниченнымъ полномочіемъ для усмиренія и наказанія столицы. Вѣнскіе инсургенты, предводимые Робертомъ Блюмомъ, начали готовиться къ защитѣ и поручили главное начальствованіе польскому генералу Бёму. Не имѣя недостатка ни въ оружіи, ни въ снарядахъ и съѣстныхъ припасахъ, они однако мало надѣялись на свои силы и съ часу на часъ ждали вооруженной помощи изъ Венгріи. Между тѣмъ императорское войско съ двухъ сторонъ приближалось къ Вѣнѣ: Виндишъ-Грецъ изъ-подъ-Праги, а Іелачичъ съ Венгерской границы. Главноначальствующій предложилъ бунтовщикамъ положить оружіе, а учредительному собранію перейти въ Кремзиръ (близъ Ольмюца). Но тѣ отказались, и такимъ образомъ оружіе должно было рѣшить дѣло. Осада началась

зея». Болѣе двадцати лицъ, большею частью чеховъ и поляковъ, присутствовало на этомъ совѣщаніи, и тутъ же назначили выборныхъ, которымъ поручено было сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія для съѣзда. Съ этою цѣлью былъ составленъ комитетъ изъ двѣнадцати лицъ, а въ помощь имъ прибавлено еще пять изъ пражскаго городскаго сословія. Для соблюденія необходимаго порядка при совѣщаніяхъ, избранъ былъ предсѣдателемъ графъ Іосифъ Матвѣй Тунъ; товарищемъ предсѣдателя баронъ Янъ Нейбергскій; дѣлопроизводителемъ Карлъ Владиславъ Запъ и два секретаря. Собранія выборныхъ лицъ отъ 30 апрѣля до 5 мая происходили въ пражской городской бесѣдкѣ, а отъ 11 мая—въ домѣ товарища предсѣдателя барона Нейбергскаго, гдѣ учавствовали, кромѣ выборныхъ, и другія лица, сочувствующія этому предпріятію; ихъ число умножалось ежедневно. Цѣлыя общины, сословія и отдѣльныя лица присылали письма изъ разныхъ краевъ славянскихъ съ заявленіемъ сочувствія, подтверждая намѣренія выбора и представляя ему свои проекты итребованія.

Первымъ рѣшеніемъ предварительнаго комитета было воззваніе (1 мая) ко всѣмъ австрійскимъ славянамъ — собраться къ 31 мая въ Прагу на съѣздъ славянскій; приглашеніе это написано было на чешскомъ, польскомъ, иллирійскомъ, лужицко-сербскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, напечатано было отдѣльными листками и кромѣ того было перепечатано не только въ славянскихъ газетахъ, но и въ вѣдомостяхъ нѣкоторыхъ иностранныхъ періодическихъ изданій. Другое воззваніе, обнародованное 5 мая, обращено было къ неславянскимъ населеніямъ Австрійской имперіи, для успокоенія ихъ относительно цѣлей пражскаго съѣзда. Здѣсь опредѣлительно высказались основныя начала затѣваемаго предпріятія: 1) Славяне намѣрены и положительно рѣшились остаться вѣрными габсбургско-лотарингскому дому, и поддерживать всѣми возможными средствами цѣлость и самостоятельность имперіи; 2) никогда они не имѣли и не будутъ

Удачныя дѣйствія Гёргея и Бема противъ австрійскихъ войскъ, которыя должны были отступить въ Валахію, подстрекнули Кошута на смѣлый шагъ: 14 апрѣля онъ объявилъ Венгрію республикою, а самъ всталъ съ титуломъ диктатора. Но это обстоятельство оскорбило честолюбіе Гёргея, который себѣ приписывалъ весь успѣхъ народнаго дѣла и потому недовольствовался предоставленнымъ ему званіемъ военнаго министра и главнокомандующаго венгерскихъ войскъ. Этотъ моментъ венгерскаго возстанія справедливо считается концемъ успѣшныхъ дѣйствій, такъ какъ 1) съ этихъ поръ начались несогласія между главными агитаторами возстанія и 2) Австрійскій императоръ нашелъ помощь въ Русскомъ Государѣ, который имѣлъ справедливый поводъ вмѣшаться въ венгерскую войну за сближеніе венгерцевъ съ поляками. Въ маѣ, Францъ-Іосифъ прибылъ къ Императору Николаю въ Варшаву, чтобы лично благодарить его за обѣщанную помощь и условиться относительно плана военныхъ дѣйствій. Россія выслала въ Венгрію три корпуса: 1) генерала Лидерса (35 тыс.) въ Валахію; 2) главная армія подъ командою графа Паскевича въ числѣ 130 тыс. двинулась черезъ Карпатскіе проходы въ Венгрію и 3) корпусъ генерала Панютина былъ отправленъ по желѣзной дорогѣ въ Вѣну, чтобы поддержать австрійскую армію, начальство надъ которой послѣ князя Виндишь-Греца принялъ Гайнау. Союзники скоро овладѣли обоими берегами Дуная; Паскевичъ взялъ Дебречинъ и заставилъ Кошута бѣжать отсюда съ сеймомъ; Гайнау взялъ Офенъ и Пестъ. Къ началу августа, потерявъ надежду на счастливый исходъ задуманнаго дѣла, Кошутъ сложилъ съ себя диктатуру, передавъ ее Гёргею, а самъ бѣжалъ къ войскамъ Бема въ Трансильванію. Новый диктаторъ при первой встрѣчѣ съ русскимъ генераломъ Ридигеромъ при Вилагосѣ (13 августа) со всею своею арміею положилъ оружіе и сдался на капитуляцію. Бемъ бѣжалъ въ Турцію, гдѣ принялъ исламъ; Кошутъ удалился въ Англію, а Гёргей получилъ, вслѣдствіе заступничества Россіи, пов-

воленіе поселиться въ Грецѣ. Венгрія дорого поплатилась за свое возстаніе: потерявъ дарованную ей конституцію и другія привиллегіи, она должна была подчиниться общему уложенію, изданному 4 марта 1849 г., и слиться, какъ коронная земля, съ Австрійскою имперіею.

Глава XIX.

Революціонныя движенія у Западныхъ и Южныхъ Славянъ (Панславизмъ).

Славянское племя еще въ незапамятныя времена переселилось въ Европу и заняло въ ней огромное пространство отъ моря Балтійскаго до Черпаго и Адріатическаго и отъ Волги до Эльбы. Сначала Славяне составляли одно племя и говорили однимъ общимъ языкомъ; но вскорѣ, вслѣдствіе громадности и разнохарактерности занимаемаго ими пространства, вслѣдствіе столкновенія съ другими племенами, они раздѣлились на многія племена, во многомъ отличныя одно отъ другаго. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого раздѣленія было образованіе отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій, которыя съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе расходились между собою. Раздѣленные на отдѣльные племена, Славяне въ теченіе своей исторіи испытали не одинаковую участь; большинство подпало подъ чужеземное владычество. Все славянское племя, согласно мнѣнію ученыхъ, раздѣляется на семь группъ:

1-я группа—*Русское племя* (до 50,000,000).

2-я группа—*Польское* или *Ляшское племя.*

3-я группа—*Лужицкое* или *Полабское племя* (170,000). Племя это составляли прежде Оботриты и Лютики. Народы эти жили по берегамъ Эльбы, которая по славянски называлась Лабою, отчего и племена, здѣсь жившія, назывались Полабскими. Въ XII и XIII стол. Германцы начали здѣсь основывать марки, вслѣдствіе чего этотъ край сталъ онѣмечиваться и въ настоящее время на мѣстахъ, занимаемыхъ

прежде единственно Славянами, находятся нѣмецкія земли. Главнымъ же народомъ были *Лужичане*, на границахъ нынѣшней Пруссіи и Саксоніи, отъ которыхъ получила названіе и самая группа. Нѣмецкія земли, находящіяся на мѣстѣ занимаемомъ прежде Полабскими Славянами, слѣдующія: Королевства Прусское, Саксонское и Ангальтъ-Цербстъ.

4-я группа — племя *Чехо-Моравское* (4,500,000). Оно живетъ на югъ отъ палабскаго племени и простирается отъ земель русскихъ до Баваріи. Прежде княжество Моравское было довольно знаменито. Князья Ростиславъ и Святополкъ составляютъ блестящую страницу его исторіи; много потерпѣло княжество Моравское отъ набѣговъ Венгровъ и императоровъ германскихъ. Арнульфъ отнялъ у Славянъ лучшія земли; но главное зло причинили Венгры или Угры, которые пришли въ IX столѣтіи и заняли земли славянскія, гдѣ и основали королевство Венгерское. Къ Чехо-Моравскому племени принадлежатъ еще *Чехи*, которые занимаютъ Богемію. Прежде на этомъ мѣстѣ жили Боіи и мѣстность эта называлась *Bojoheim*, т. е. родина Бойевъ.

5-я группа—*племя Болгарское* (6,500,000). Болгаре жили не только между Дунаемъ и Балканами, но и на югъ отъ Балканъ до Адріатическаго моря. Они занимали прежде часть Турціи—всю Македонію и Эпиръ; здѣсь они живутъ частію и нынѣ.

6-я группа—племя *Сербо-Хорватское* (1,000,000). Въ VII вѣкѣ, за рѣками Дравою и Тимокомъ, является племя котораго происхожденіе довольно загадочно. Эти племена занимаютъ *Верхнюю Мизію* (Moesia Superior), *Далмацію*, *Сѣверную Македонію*, земли къ сѣверу отъ Дуная по рр. Драві и Савѣ до Адріатическаго моря. Къ этому племени относятся кромѣ собственно *Сербовъ* и *Кроатовъ* (Хорватовъ): *Босняки*—къ западу отъ Сербовъ на рѣкѣ Боснѣ, *Черногорцы*—южнѣе и *Герцеговинцы* въ Герцеговинѣ.

7-я группа—племя *Хорутанское*; (до 100,000). Оно занимаетъ такъ называемую *Plaga Slavonica*, именно земли:

Каринтію (древняя — *Noric'a* и *Винделиція*), нынѣшній *Штейермаркъ*. Мѣстныя названія этого имени: *Горяне*, *Доленцы* и *Словенцы*.

Почти всѣ Славянскія племена, за исключеніемъ Славянъ русскихъ, недолго пользовались политическою независимостью. Болгары и Сербы подпали подъ власть Турокъ; Чехи, Хорваты и Хорутане—подъ власть Нѣмцевъ и вошли въ составъ Австрійской имперіи. Съ конца XVIII вѣка, вслѣдствіе различныхъ политическихъ обстоятельствъ, въ Славянскихъ племенахъ явилось пробужденіе отъ того усыпленія, въ которое они были приведены чужеземнымъ игомъ. Выразилось это пробужденіе сначала въ литературѣ и имѣло различный характеръ у различныхъ національностей. Вслѣдствіе такихъ стремленій Славянъ возникла такъ называемая *Панславянская идея*. Сознаніе слабости отдѣльныхъ племенъ въ борьбѣ съ угнетателями заставляло Славянъ искать нравственной опоры. Славянскія народности стали ссылаться на громадныя силы цѣлаго славянскаго племени и отъ соединенія этихъ силъ ждать себѣ избавленія.

Сначала у различныхъ народностей появилось стремленіе къ изученію своего прошлаго. Даровитѣйшіе люди обратились къ разработкѣ національной археологіи, языка, исторіи, къ собиранію произведеній народной словесности; въ этомъ отношеніи стремленіе къ возрожденію принесло болѣе всего пользы. Труды ученыхъ этого періода положили основаніе изученію славянства. Вслѣдъ за учеными появились поэты возрожденія и они-то, по преимуществу, выразили идею панславизма. Во главѣ ихъ стоитъ Колларъ, авторъ знаменитой поэмы «Дочь Славы» (Slavy Dcera). Произведеніе это написано звучными и иногда истинно поэтическими сонетами; въ ея содержаніи выразилось все направленіе школы, проповѣдывавшей всеобщую славянскую любовь и единство; это были или патріотическія элегіи, вызванныя воспоминаніемъ о прежней славѣ, или призывы къ единодушію, или обличенія отступниковъ; дидактизмъ играетъ въ поэмѣ значительную

роль. Кромѣ этой поэмы и еще нѣсколькихъ незначительныхъ стихотвореній, Колларъ издалъ еще брошюру, которая произвела сильное впечатлѣніе въ Славянскомъ мірѣ. Это «о литературной взаимности между различными племенами и нарѣчіями славянскаго народа». (Ueber die literärische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der Slawischen Nation), написанную на нѣмецкомъ языкѣ и переведенную на всѣ славянскія нарѣчія. Колларъ при всемъ пристрастіи къ славѣ своего племени признается, что и настоящіе Славяне—«великаны въ географіяхъ и на картахъ и карлики въ искусствѣ и литературѣ». Причиною этого печальнаго факта были, по его мнѣнію, раздробленіе и недостатокъ единства и поэтому для утвержденія своихъ народныхъ стремленій Славяне должны соединиться въ литературной взаимности. «Въ наше время, говоритъ онъ, недостаточно быть хорошимъ Русскимъ, горячимъ Полякомъ, совершеннымъ Сербомъ, ученымъ Чехомъ и только исключительно, хотя бы и хорошо, говорить по русски, по польски, по чешски. Уже прошли односторонніе дѣтскіе годы славянскаго народа; духъ нынѣшняго славянства налагаетъ на насъ другую высшую обязанность, именно: считать всѣхъ славянъ братьями одной великой семьи и создавать великую всеславянскую литературу...» Для достиженія подобнаго результата Колларъ считалъ необходимымъ взаимное изученіе нарѣчій: онъ объясняетъ, какая опасность грозитъ славянству отъ его раздѣленія и какъ необходимо духовное общеніе литературъ для выполненія исторической задачи славянскаго племени — вести далѣе цивилизацію и просвѣщеніе, послѣ германскихъ и романскихъ народовъ, которые должны теперь уступить свое мѣсто новому свѣжему народу. Конечно средство, предложенное Колларомъ, было слишкомъ механическое и слишкомъ недостаточное, но тѣмъ не менѣе брошюра имѣла огромный успѣхъ, и о «взаимности» заговорили всѣ панславянскіе патріоты, находившіе въ ней успокоеніе противъ всѣхъ бѣдствій славянскаго племени. При такихъ условіяхъ и ожи-

даніяхъ «Дочь Славы» производила тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что ея полуфантастическій характеръ какъ нельзя больше соотвѣтствовалъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя одушевляли защитниковъ народности: преувеличеній не замѣчали, потому что они были въ духѣ общаго настроенія; дидактизмъ и растянутость не казались недостатками, потому что читатели впередъ увлеклись самымъ предметомъ. «Дочь Славы» стала надолго поэтическимъ кодексомъ патріотовъ: съ нея открывается цѣлый рядъ поэтическихъ произведеній, повторяющихъ ту же общую тему всеславянской любви и единства, прошедшей и будущей славы.

Такимъ же поэтомъ панславизма былъ Челяковскій; онъ пересаживалъ на чешскую почву народныя пѣсни другихъ славянъ, съ панславянской цѣлью — показать ихъ родство и познакомить народности между собой. Вражда къ Нѣмцамъ умѣла находить себѣ рѣзкое выраженіе у Челяковскаго и другихъ поэтовъ «Юной Чехіи»: это былъ одинъ изъ любимыхъ мотивовъ національной поэзіи: юные чехи вспоминали о старыхъ несправедливостяхъ «враговъ цѣлаго славянства», и пророчили освобожденіе отъ ненавистнаго нѣмецкаго ига. Панславянская поэзія нашла пылкихъ представителей и въ новой иллирской національности. «Иллиры» готовили свое оружіе на другаго врага—на Венгровъ. Такова поэзія Вукотиновича.

Въ 1830-ыхъ и 40-ыхъ годахъ о Панславизмѣ заговорили европейскіе журналы: неопредѣленное броженіе, обнаружившееся въ славянскихъ земляхъ, показалось цѣлой политической революціей, готовой измѣнить положеніе Европы. Политическіе элементы и дѣйствительно были въ этомъ національномъ броженіи, но тогдашніе политики слишкомъ преувеличили ихъ значеніе. Недоразумѣніе разсѣялось только послѣ событій 1848—49 года. Политическій смыслъ приданъ былъ панславизму еще нѣсколько раньше 30-хъ годовъ. Достаточно вспомнить то положеніе, въ которомъ находились *тогда славянскія* племена, чтобы видѣть, что мечты о сла-

вянскомъ союзѣ были слишкомъ преждевременной фантазіей. Въ двадцатыхъ годахъ славянскій союзъ не представлялъ никакихъ практически-возможныхъ основаній: думать о немъ могли только люди слишкомъ мало знакомые съ положеніемъ вещей. При всемъ томъ мысль о славянскомъ союзѣ была пущена и находила потомъ ревностныхъ прозелитовъ: туманъ, покрывавшій славянскія дѣла, весьма много помогалъ созданію политическихъ фантазій. И тѣ, кто желалъ, и тѣ, кто боялся славянскаго союза, считали его дѣломъ возможнымъ, хотя въ то время и наука еще очень немного знала о томъ, на сколько славянскій міръ представляетъ гарантій единства или союза. Панславизмъ былъ уже названъ въ это время, и хотя съ этимъ словомъ соединялось крайне темное понятіе, но онъ занялъ политическихъ дилеттантовъ. Трактуя о панславизмѣ, такіе дилеттанты понимали — не правильное политическое развитіе народовъ, а просто только размежеваніе Европы, болѣе или менѣе пріятное для глазъ. Собственно же панславистскія стремленія были порождены потребностями общей защиты славянъ противъ Венгровъ и Нѣмцевъ, въ которыхъ они видѣли своихъ исконныхъ враговъ. Отсюда же возникла и мысль о славянскомъ съѣздѣ, т. е. о собраніи лучшихъ людей отъ всѣхъ племенъ славянскихъ Австрійской имперіи, пользующихся довѣріемъ своего народа, для устройства общими силами общаго дѣла. Эта мысль о славянскомъ съѣздѣ родилась почти одновременно у всѣхъ племенъ славянскихъ: у южныхъ славянъ, словаковъ, чеховъ, поляковъ. Первый печатно заговорилъ о немъ въ журналѣ «Загребскія иллирійскія Новины» Иванъ Кукулевичъ.

«Самымъ удобнымъ и приличнымъ мѣстомъ для славянскаго съѣзда выбрана была единогласно Прага, какъ славянскій городъ, лежащій въ центрѣ славянскаго мѣстожительства. Вслѣдствіе различныхъ требованій, предъявленныхъ разными сторонами, первое собраніе для общаго соглашенія о созваніи славянскаго съѣзда происходило 30 апрѣля 1848 г. въ домѣ г. Герасима Воцэля, издателя «Часописа чешскаго му

зея». Болѣе двадцати лицъ, большею частью чеховъ и поляковъ, присутствовало на этомъ совѣщаніи, и тутъ же назначили выборныхъ, которымъ поручено было сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія для съѣзда. Съ этою цѣлью былъ составленъ комитетъ изъ двѣнадцати лицъ, а въ помощь имъ прибавлено еще пять изъ пражскаго городскаго сословія. Для соблюденія необходимаго порядка при совѣщаніяхъ, избранъ былъ предсѣдателемъ графъ Іосифъ Матвѣй Тунъ; товарищемъ предсѣдателя баронъ Янъ Нейбергскій; дѣлопроизводителемъ Карлъ Владиславъ Запъ и два секретаря. Собранія выборныхъ лицъ отъ 30 апрѣля до 5 мая происходили въ пражской городской бесѣдкѣ, а отъ 11 мая—въ домѣ товарища предсѣдателя барона Нейбергскаго, гдѣ участвовали, кромѣ выборныхъ, и другія лица, сочувствующія этому предпріятію; ихъ число умножалось ежедневно. Цѣлыя общины, сословія и отдѣльныя лица присылали письма изъ разныхъ краевъ славянскихъ съ заявленіемъ сочувствія, подтверждая намѣренія выбора и представляя ему свои проекты и требованія.

Первымъ рѣшеніемъ предварительнаго комитета было воззваніе (1 мая) ко всѣмъ австрійскимъ славянамъ — собраться къ 31 мая въ Прагу на съѣздъ славянскій; приглашеніе это написано было на чешскомъ, польскомъ, иллирійскомъ, лужицко-сербскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, напечатано было отдѣльными листками и кромѣ того было перепечатано не только въ славянскихъ газетахъ, но и въ вѣдомостяхъ нѣкоторыхъ иностранныхъ періодическихъ изданій. Другое воззваніе, обнародованное 5 мая, обращено было къ неславянскимъ населеніямъ Австрійской имперіи, для успокоенія ихъ относительно цѣлей пражскаго съѣзда. Здѣсь опредѣлительно высказались основныя начала затѣваемаго предпріятія: 1) Славяне намѣрены и положительно рѣшились остаться вѣрными габсбургско-лотарингскому дому, и поддерживать всѣми возможными средствами цѣлость и самостоятельность имперіи; 2) никогда они не имѣли и не будутъ

имѣть цѣлью стѣсненіе, или подавленіе другихъ неславянскихъ народностей; напротивъ, они всегда стремились единственно къ тому, чтобъ начало полнаго равенства правъ всѣхъ народностей Австрійской имперіи было надлежащимъ образомъ признано и имѣло практическое примѣненіе; 3) они намѣрены истребовать себѣ права, принадлежащія имъ по законамъ народной и государственной жизни, въ полномъ ихъ объемѣ, закрѣпить ихъ за собою и защищать отъ всякаго чуждаго нападенія, откуда бы оно ни пришло. «Желаніе достигнуть этой святой цѣли путемъ прямымъ и мирнымъ, путемъ дружескаго согласія раздѣленныхъ племенъ есть, слѣдовательно единственная причина задуманнаго славянскаго съѣзда».

Мѣстомъ собраній славянскаго съѣзда предварительный комитетъ назначилъ залу на Софійскомъ Островѣ, владѣлецъ которой Вацлавъ Новотный, пражскій гражданинъ, съ полною готовностью уступилъ ее для этой цѣли (19 мая). Выбранные изъ пражскаго городскаго сословія распорядители съѣзда обратились съ просьбою къ своимъ согражданамъ оказать гостепріимство ожидаемымъ на съѣздъ гостямъ, уступивъ имъ часть своихъ домовъ (21 мая). Городское сословіе съ величайшею готовностью отозвалось исполнить эту просьбу.

Прежде всего распорядители составили програму предметовъ, которые должны быть обсуждены на съѣздѣ.

Въ послѣднихъ числахъ мая съѣхались въ Прагу въ значительномъ числѣ гости—славяне; то были депутаты отъ цѣлыхъ областей, общинъ и сословій (именно изъ Галиціи, Хорватіи и отдѣльныхъ городовъ чешскихъ и моравскихъ), или лица, пріобрѣтшія уже извѣстность своею прежнею патріотическою дѣятельностью и высказаннымъ желаніемъ общаго добра своимъ народамъ. Бо́льшая часть депутатовъ юго-славянскихъ, галицкихъ и моравскихъ пріѣхала вмѣстѣ 30 мая; они дружески были встрѣчены чехами-хозяевами, торжественно проводившими ихъ до мѣста, назначеннаго для славянскаго съѣзда на Софійскомъ Островѣ.

Всѣ члены славянскаго съѣзда были раздѣлены на три

собранія, или секціи, по главнымъ вѣтвямъ славянскихъ народностей Австрійской имперіи: 1) собраніе чеховъ, моравановъ, шлезаковъ и словаковъ; 2) собраніе поляковъ и русиновъ; 3) собраніе словенцовъ, хорватовъ, сербовъ и далматинцевъ, (но шлезаки, говорящіе польскимъ языкомъ, присоединились къ польско-русинскому собранію). За тѣмъ 30 мая, на основаніи положенія о порядкѣ занятій, избраны были, для надлежащей организаціи этихъ трехъ собраній, лица, пользующіяся особеннымъ довѣріемъ, которыхъ обязанность состояла въ записываніи и пріемѣ членовъ собраній. Таковыми лицами для польско-русинской секціи были князь Юрій Любомірскій и Маврикій Краинскій; для народа юго-славянскаго: Павелъ Стаматовичъ и баронъ Драгутинъ-Кушлянъ; для народа чешско-славянскаго: Вячеславъ Ганка и Милославъ-Іосифъ Гурбанъ. Потомъ каждое собраніе избрало особаго предсѣдателя, товарища предсѣдателя, секретаря и его помощника. Въ собраніи юго-славянскомъ предсѣдателемъ былъ избранъ Павелъ Стаматовичъ, протопресвитеръ въ Новомъ Садѣ; въ собраніи польскомъ Карлъ Либельтъ; въ собраніи чешско-славянскомъ Павелъ-Іосифъ Шафарикъ, императорскій библіотекарь въ Прагѣ. Организованныя такимъ образомъ собранія въ первый разъ сошлись утромъ 1 іюня въ чешскомъ музеѣ. Въ этотъ день совѣщались только о дѣлахъ пріуготовительныхъ; въ полдень же избранные, въ полномъ своемъ составѣ, отправились къ земскому призиденту Чешской Земли, графу Льву Туну, объявить ему объ открытіи черезъ день славянскаго съѣзда. Потомъ выборные представились князю Іосифу Лобковичу, главному начальнику народной стражи города Праги. Послѣ полудня всѣ вновь собрались для избранія старосты славянскаго съѣзда изъ трехъ предложенныхъ кандидатовъ. Единогласно избранъ былъ Францъ Палацкій, исторіографъ Чешскій.

3 іюня было торжественное открытіе съѣзда и его первое публичное засѣданіе на Софійскомъ Островѣ. Около восьми часовъ утра члены съѣзда и множество гостей со-

брались въ Чешскій музей, откуда, въ торжественной процессіи, они отправились въ Тынскую церковь, гдѣ, предъ памятникомъ Кирилла и Меѳодія, священникъ Вячеславъ Штульцъ принесъ молитву, соотвѣтствующую этому торжеству. Большая Софійская зала, гдѣ происходило засѣданіе была убрана великолѣпно, украшена гербами и знаменами всѣхъ славянскихъ народовъ Австрійской имперіи, посреди которыхъ развѣвалось черножелтое императорское знамя. Каждое собраніе сидѣло отдѣльно. Впереди, съ одной стороны, собраніе юго-славянское, съ другой — польско-русинское; за ними, во всю ширину залы, собраніе, самое многочисленное, чешско-словакское.

По болѣзни предсѣдателя предварительной Коммиссіи, графа Матвѣя Туна, засѣданіе открыто было товарищемъ предсѣдателя барономъ Яномъ Нейбергскимъ. Онъ краткою рѣчью привѣтствовалъ съѣхавшихся въ столицу чеховъ гостей и провозгласилъ съѣздъ австрійскихъ славянъ окончательно установленнымъ. Потомъ, объявилъ имя избраннаго старосты съѣзда, Франца Палацкаго, и что дѣло предварительной Коммиссіи окончено, и что онъ уступаетъ теперь свое мѣсто старостѣ. За нимъ говорилъ староста съѣзда: въ прекрасной рѣчи своей онъ объяснилъ цѣль и великое значеніе этого засѣданія и заключилъ ее словами, что съѣздъ открытъ и начался (*).

Программа занятій съѣзда состояла изъ пяти частей. Первою опредѣлялись отношенія австрійскихъ славянъ между собою; второю — отношенія австрійскихъ славянъ къ остальнымъ народностямъ Австрійской имперіи; третьею — отношенія австрійскихъ славянъ къ прочимъ славянамъ; четвертою — отношенія австрійскихъ славянъ къ другимъ европейскимъ народамъ, и, наконецъ, пятою опредѣлялись средства для приведенія въ исполненіе рѣшеній славянскаго съѣзда.

«Въ отношеніи къ австрійскимъ славянамъ программа,

(*) Число членовъ съѣзда, считая и послѣ прибывшихъ, было — 340.

согласно основнымъ принципамъ возванія 5 мая, предлагала общій союзъ къ сохраненію конституціонной свободы и національныхъ правъ соединенными силами; въ отношеніи же къ прочимъ австрійскимъ народамъ—образованіе Австрійской монархіи, въ смыслѣ федеративнаго государства, основаннаго на равноправности всѣхъ національностей..... Въ отношеніи литературномъ, для увеличенія обмѣна идей между славянами, программа предлагала расширить преподаваніе славянскихъ языковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ земель, учредить съѣзды славянскихъ ученыхъ, по примѣру нѣмецкихъ, итальянскихъ и другихъ. Въ отношеніи же къ прочимъ европейскимъ народамъ, программа обратила вниманіе на засѣданія франкфуртскаго парламента и протестовала противъ его рѣшеній, клонящихся къ ослабленію въ отдѣльныхъ частяхъ имперіи верховной власти Австрійскаго императора. Въ отношеніи же мѣръ, необходимыхъ для приведенія въ исполненіе опредѣленій славянскаго съѣзда, программа, признавая славянскій съѣзъ собраніемъ частныхъ лицъ, неимѣющимъ ни законодательной, ни исполнительной власти, собраніемъ, созваннымъ по праву конституціи, предоставляющей всѣмъ гражданамъ составлять свободныя общества, однакоже считала необходимымъ о всѣхъ опредѣленіяхъ съѣзда представлять чрезъ особую депутацію императору и приводить въ исполненіе Высочайшія санкціи чрезъ законныхъ представителей народа на сеймахъ, предметомъ обсужденія которыхъ были бы исключительно опредѣленія славянскаго съѣзда.

По утру 12 іюня, собранія вновь сошлись для совѣщаній, но члены явились въ маломъ числѣ, а потому и совѣщанія имѣли характеръ болѣе частной бесѣды. Такъ какъ разсужденія о главныхъ предметахъ были уже окончены, притомъ члены юго-славянскаго собранія спѣшили возвратиться на родину, гдѣ событія принимали съ каждымъ днемъ болѣе-тревожный характеръ и требовали ихъ личнаго присутствія, то положено было сдѣлать общее заключительное

собраніе славянскаго съѣзда 14 іюня съ тѣмъ, чтобы къ этому дню окончательно приготовлены были два акта: манифестъ къ европейскимъ народамъ и адресъ императору; о третьемъ же актѣ, союзѣ между народами австрійско-славянскими, не было никакого сомнѣнія, что главныя составныя его части, хотя еще неокончательно отдѣланныя, но будутъ совершенно готовы и представлены съѣзду къ этому времени. Дѣйствительно, въ этотъ день былъ прочитанъ и принятъ манифестъ къ европейскимъ народамъ. Совѣщанія собраній окончились около полуночи.

Черезъ нѣсколько минутъ по окончаніи этихъ совѣщаній, вспыхнули несчастныя смуты пражскія, возникшія изъ источниковъ, совершенно чуждыхъ славянскому съѣзду, тѣмъ не менѣе имѣвшія послѣдствіемъ своимъ уничтоженіе общественной жизни въ Прагѣ и отнявшія возможность у славянскаго съѣзда окончить начатое дѣло.

Поводомъ къ нимъ была церковная служба на площади святаго Вячеслава. Пронесся слухъ, что обѣдня эта служитъ выраженіемъ братскаго соединенія всѣхъ слоевъ пражскаго народонаселенія и народной стражи. Впослѣдствіи ошибочно утверждали, что священная служба была на славянскомъ языкѣ, смѣшавъ ее, безъ сомнѣнія, съ другими предшествующими славянскими службами, совершенными на площади святаго Вячеслава и въ Тынской церкви. Во время этихъ несчастныхъ событій, порожденныхъ пустыми толками, засѣданія славянскаго съѣзда не могли уже болѣе продолжаться; притомъ многіе члены въ это время уже уѣхали изъ Праги; такъ бо́льшая часть польскихъ депутатовъ, хорватскихъ и сербскихъ принуждена была еще послѣ полудня 13 іюня оставить Прагу, вслѣдствіе приказанія главнаго начальника народной стражи князя Лобковича. Остальные члены собраній въ весьма маломъ числѣ сошлись въ послѣдній разъ 16 іюня, въ пятницу утромъ, съ цѣлью продолжать свои занятія, внезапно-прерванныя несчастнымъ случаемъ. Но городъ уже объявленъ былъ въ осадномъ положеніи и продол-

женіе засѣданій съѣзда было уже невозможно. Теперь, разъѣзжались, члены объявили съѣздъ отложеннымъ на неопредѣленное время, чтобъ въ болѣе благопріятную пору окончить то, чего нельзя было окончить на первомъ съѣздѣ (изъ Časop. Čec. museuma).

Такъ окончился этотъ первый съѣздъ славянскихъ народностей и уже болѣе не повторялся; но панславянская идея продолжаетъ еще жить среди славянъ и по-нынѣ; такъ у насъ въ русской литературѣ существовала и еще теперь существуетъ цѣлая партія, называемая славянофилами, которые все еще проповѣдуютъ объ возможности близкаго соединенія всѣхъ славянъ; но не имѣя силы для приведенія въ исполненіе этой цѣли, она остается предметомъ смущенія для западной политической прессы, несмотря на заявленіе русскаго правительства, что оно не имѣетъ ни малѣйшей солидарности съ такъ называемыми панславянскими стремленіями нѣкоторыхъ русскихъ газетъ и журналовъ.

Глава XX.

Крымская война (1853—1856 г.).

Война эта была предпринята Россіею во имя правъ человѣчества и христіанства. Россія вступилась за милліоны своихъ единовѣрцевъ, угнетаемыхъ нетерпимостію и фанатизмомъ турокъ. Фанатизмъ этотъ ложился по преимуществу на православное населеніе Порты вопреки всѣмъ договорамъ, хатти-шерифамъ и фирманамъ, заключеннымъ Турціею съ Россіею. Положеніе турецкихъ христіанъ вообще и тѣмъ болѣе положеніе православныхъ ея подданныхъ было въ высшей степени бѣдственно: называя христіанъ самыми унизительными для человѣческаго достоинства именами райевъ (стадо) и гяуровъ (собака), турецкіе мусульмане обращаются съ ними съ полнѣйшимъ презрѣніемъ: у христіанина нѣтъ собственности; имущество, семья, дѣти, все зависитъ

отъ каприза его властелина; молиться христіанинъ можетъ только украдкой; святыня христіанская постоянно оскорбляется турками, которые позволяютъ себѣ закуривать въ храмахъ трубки. Частыя избіенія христіанъ и многіе отдѣльные случаи подали поводъ къ жаркимъ дипломатическимъ переговорамъ представителей иностранныхъ державъ съ Портою. Первоклассныя католическія и протестантскія державы убѣдились въ необходимости заступничества за своихъ единовѣрцевъ. Англія силою угрозъ, представленныхъ Портѣ лордомъ Стратфордомъ-Каннингомъ, достигла своей цѣли и въ 1843 г. обезпечила права своему вѣроисповѣданію на востокѣ; Франція вела свои хлопоты еще съ большимъ успѣхомъ: она не только доставила своимъ единовѣрцамъ всевозможныя льготы, но и успѣла исторгнуть отъ Турціи фирманъ въ нарушеніи всѣхъ правъ, которыми пользовалась греко-россійская церковь; Австрія въ 1852 г. вступилась за католиковъ Босніи и Герцеговины самымъ энергическимъ образомъ и грозила двинуть свои войска въ предѣлы Турціи, если Порта отвергнетъ ея требованія. Поддерживаемая искреннимъ и дѣятельнымъ участіемъ нашего посланника въ Константинополѣ, Австрія наконецъ достигла желаемаго успѣха.

Послѣ того, какъ всѣ первоклассныя державы исторгли у Турціи право покровительства своихъ единовѣрцевъ, Россія не могла оставаться равнодушною, въ особенности когда Луи-Наполеонъ, будучи еще президентомъ республики, выговорилъ у Порты католикамъ многія преимущества и льготы въ святыхъ мѣстахъ Іерусалима въ ущербъ христіанъ православныхъ. Императоръ Николай, истощивъ черезъ своихъ посланниковъ при Отгоманской Портѣ всѣ убѣжденія и доводы, напоминавшіе Турціи о заключенныхъ съ Россіею трактатахъ, рѣшился отправить въ Константинополь чрезвычайнаго уполномоченнаго съ письмомъ своимъ къ султану Абдулъ-Меджиду. Князь Меньшиковъ прибылъ въ Константинополь 16 (28) февраля, былъ принятъ султаномъ съ должными почестями и получилъ увѣреніе въ удовлетворительномъ окон-

чаніи возникшихъ вопросовъ. Уполномоченный нашъ требовалъ для христіанъ православной церкви всего того, что Франція и Австрія выговорили для католиковъ и «чтобы составить изъ новаго соглашенія формальный актъ, который бы послужилъ намъ какъ удовлетвореніемъ за прошедшее, такъ и ручательствомъ за будущее» (сказано въ инструкціи, данной кн. Меньшикову). Заключеніе такого формальнаго акта или конвенціи относительно церкви намъ единовѣрной не представляло ничего новаго въ международномъ правѣ, потому 1) другія державы Англія и Франція заключили уже такія конвенціи, и 2) Россія тутъ требовала не болѣе какъ подтвержденія со стороны Турціи прежнихъ трактатовъ, заключенныхъ съ нею съ 1774 года.

Но Порта, побуждаемая иностранными представителями Англіи и Франціи (лордъ Редклифъ и Делакуръ), которые для того поспѣшили изъ отсутствія къ своимъ постамъ, въ Константинополь,—отвергла всякое соглашеніе относительно обязательнаго договора. Тогда нашъ посолъ, руководимый миролюбивыми намѣреніями Императора, объявилъ, что если Порта приметъ и немедленно подпишетъ *вновь* составленную имъ ноту, то онъ согласится довольствоваться ею. Въ этой нотѣ заключалось подтвержденіе фирмановъ и хатти-шерифовъ, изданныхъ въ разное время правительствомъ султана въ пользу христіанъ и обѣщаніе покровительства и защиты православному исповѣданію; здѣсь же русскій уполномоченный ходатайствовалъ о разрѣшеніи возобновить куполъ надъ храмомъ гроба Господня и о построеніи въ Іерусалимѣ церкви, богадѣльни и госпиталя для русскихъ богомольцевъ. Въ надеждѣ на помощь западныхъ державъ, Решидъ-Паша, европейски образованный министръ иностранныхъ дѣлъ, отвергъ ультиматумъ Меньшикова, послѣ чего нашъ уполномоченный оставилъ Константинополь (9 (21) мая). Несмотря однакожъ на отъѣздъ нашего уполномоченнаго, русскій дворъ все еще поддерживалъ сношеніе съ Портою, надѣясь путемъ переговоровъ кончить вопросъ о святыхъ мѣстахъ. Государственный

канцлеръ обратился съ письмомъ къ Решидъ-Пашѣ, предлагая ему обдумать всѣ послѣдствія разрыва съ Россіею, и извѣщая, что если Порта будетъ упорствовать въ отказѣ, то русскія войска займутъ Валахію и Молдавію «въ видѣ залога.» Вступленіе Англійскаго и Французскаго флотовъ подъ начальствомъ адмираловъ Гамелена и Дондаса въ Безикскую бухту Дарданельскаго пролива, и отвѣтъ на письмо канцлера Решида-Паши, въ которомъ послѣдній обнаружилъ иныя начала Турецкой политики, желавшей снять съ себя всѣ прежнія обязательства по отношенію къ Россіи и ея православнымъ единовѣрцамъ, — побудили Императора Николая прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Далекій отъ помысловъ завоеваній, Императоръ, поддерживая единственно честь и достоинство Россіи, приказалъ кн. Горчакову (Михаилъ Дмитріевичъ) занять русскими войсками Валахію и Молдавію; причемъ однако въ изданномъ манифестѣ (14 (26) іюня) объявилъ, что занятіе Дунайскихъ княжествъ будетъ только залогомъ возстановленія русскихъ правъ; а циркулярная депеша гр. Нессельроде къ представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ подробно изложила весь ходъ нашихъ переговоровъ съ Турціею.

При извѣстіи о занятіи нашими войсками Валахіи и Молдавіи, въ Европѣ стали ходить слухи о завоевательныхъ намѣреніяхъ Россіи, что войска наши уже перешли Дунай и двигаются къ Адріанополю, что мы намѣрены сдѣлать высадку гдѣ нибудь выше Босфора и, осадивъ столицу султана, окончить дѣло рѣшительнымъ ударомъ. Какъ мало было правды въ подобныхъ слухахъ, видно изъ того, что войска наши въ Валахіи и Молдавіи оставались въ бездѣйствіи, имъ запрещено было переходить на правый берегъ Дуная; вообще количество войскъ, присланныхъ въ княжества, было весьма незначительное для исполненія приписываемыхъ намъ завоевательныхъ плановъ: русскій дворъ еще вѣрилъ въ искренность дипломатическихъ переговоровъ, которые все еще продолжались. *Быть можетъ* подъ вліяніемъ этихъ слуховъ, Австрія предложила

нимъ свое посредничество. Императоръ, избѣгавшій войны, охотно согласился на предложеніе. Для этой цѣли открылись конференціи въ Вѣнѣ, въ которой приняли участіе также Англія, Франція и Пруссія. Результатомъ этихъ переговоровъ была нота, по которой султанъ обязывался объявить, что онъ согласенъ на всѣ требованія, на которыя Императоръ русскій имѣетъ право на основаніи мирныхъ трактатовъ Кучукъ-Кайнарджійскаго (1774) и Адріанопольскаго (1829) по отношенію покровительства христіанства въ предѣлахъ Порты. Уважая общее сремленіе къ водворенію мира въ Европѣ, Государь немедленно принялъ и этотъ дипломатическій актъ, съ тою, разумѣется оговоркою, чтобы султанъ принялъ его безъ всякихъ измѣненій. Султанъ, подъ вліяніемъ своего зятя Мехмеда-Али и англійскаго посланника Редклифа, усердно работавшаго въ пользу войны съ Россіею, отвергъ упомянутую ноту и тѣмъ уничтожилъ всѣ усилія дипломаціи не допустить возникшаго разрыва между Турціею и Россіею до войны. Война сдѣлалась неизбѣжною: Франція и Англія, готовыя уже ранѣе помогать Портѣ, двинули свои флоты въ самыя Дарданеллы (нарушеніе трактата 31 іюля 1841 года); Омеру-пашѣ, главнокомандующему войсками на Дунаѣ, послано отъ Дивана приказаніе пригласить князя Горчакова очистить княжества и начать военныя дѣйствія по истеченіи пятнадцати дней, если онъ получитъ отрицательный отвѣтъ. Турки нарушили и этотъ срокъ и ранѣе объявленнаго ими дня открыли военныя дѣйствія. На этотъ вызовъ Императоръ Николай отвѣчалъ манифестомъ 20 октября (1 ноября 1853 года), въ которомъ было сказано: «Россія вызвана на брань; ей остается, возложивъ упованіе на Бога, прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы понудить Порту къ соблюденію трактатовъ и къ удовлетворенію за тѣ оскорбленія, коими отвѣчала она на самыя умѣренныя Наши требованія и на законную заботливость Нашу о защитѣ на Востокѣ православной вѣры, исповѣдуемой и народомъ русскимъ».

Начиная войну, Россія, неприготовленная къ ней, искала

союзниковъ въ Австріи и Пруссіи, державахъ много-обязанныхъ Императору Николаю. Послѣ свиданія нашего Государя съ императоромъ австрійскимъ въ Ольмюцѣ и прусскимъ королемъ — въ Берлинѣ, обѣ державы отклонили отъ себя союзъ съ Россіею и обязались держаться неутралитета, и то съ тѣмъ условіемъ, чтобы русскія войска не переходили Дуная.

Первыя военныя дѣйствія начаты были турками (какъ мы уже сказали, ранѣе опредѣленнаго срока) въ Азіи: Селимъ-паша овладѣлъ фортомъ св. Николая у Чернаго моря. Но зато въ открытомъ полѣ на этой мѣстности войны турки терпѣли сильнѣйшія пораженія: они были разбиты на голову генераломъ Андрониковымъ при Ахалцыхѣ 12 (24 ноября) и княземъ Бебутовымъ при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ 19 ноября (1 декабря). На Дунаѣ же не произошло ничего рѣшительнаго, такъ какъ Омеръ-паша (*) избѣгалъ открытыхъ сраженій, несмотря на то, что въ его распоряженіи находилось около 133 тыс. войска; всѣ подвиги ренегата-паши ограничились только занятіемъ двухъ пунктовъ на лѣвомъ берегу Дуная (Ольтеницъ и Калафатъ). Завладѣвъ фортомъ св. Николая и перенеся войну въ армянскую область, Турція выслала въ Черное море значительную эскадру подъ начальствомъ Османа-паши, чтобы перевезти въ Азію транспорты оружія, войска и съѣстныхъ припасовъ; по случаю ненастной погоды флотилія укрылась съ Синопскую гавань. Здѣсь вице-адмиралъ Нахимовъ напалъ на Османъ-пашу и послѣ непродолжительнаго боя истребилъ турецкій флотъ 16 (28) ноября (Османъ-паша, тяжело-раненый, былъ взятъ въ плѣнъ). Синопская побѣда растравила еще сильнѣе желчное чувство вражды къ намъ въ западныхъ державахъ: 22 декабря 1853 г. (3 января 1854 г.) союзные флоты вошли въ Черное море.

(*) Ренегатъ Михаилъ Латосъ, уроженецъ Кроаціи (славянинъ). Онъ родился 1806 году и принадлежалъ къ католическому исповѣданію; въ 1828 году бѣжалъ въ Боснію, принялъ магометанство, и впослѣдствіи *получилъ титулъ Омера-паши.*

Императорскій кабинетъ просилъ письменнаго объясненія по этому обстоятельству. Франція и Англія отвѣчали, что эскадры ихъ вступили въ Черное море для того, чтобы прикрывать турецкіе суда и прекратить свободное плаваніе русскому флагу. При такомъ явномъ переходѣ Англіи и Франціи на сторону султана, Императоръ вызвалъ своихъ пословъ и прекратилъ дипломатическія сношенія съ Тюильрійскимъ и и Сенъ-Джемскимъ кабинетами. Тутъ обнаружилась настоящая политика Франціи и Англіи, политика заранѣе предпринятая и ловко обдуманная; оказалось, что переговоры на Вѣнской конференціи велись только для того, чтобы выиграть потребное для приготовленій къ войнѣ время, а вовсе не для мирныхъ соглашеній: Англія съ Пальмерстономъ злобствовала, на насъ за успѣхи въ распространеніи нашихъ владѣній въ Азіи; Наполеону III, послѣ его coup d'etat, нуженъ былъ подвигъ, слава, блескъ, который бы могъ ослѣпить французовъ и заставить ихъ забыть объ утраченной свободѣ; при такихъ условіяхъ война съ Россіею, главною виновницею паденія первой Французской имперіи, являлась сильнымъ ручательствомъ за прочность для второй имперіи Луи-Наполеона.—Эта непріязненность къ Россіи со стороны Англіи и Франціи приводила всѣ остальные Европейскіе кабинеты въ какое-то недоумѣніе; опасались обще-европейской войны. Недоумѣніе продолжалось не долго; оно разсѣялось и дѣло выяснилось послѣ письма императора Наполеона къ Императору Всероссійскому; напечатанное въ Монитерѣ ранѣе полученія его въ Петербургѣ, оно было написано въ такомъ тонѣ, что примиреніе дѣлалось невозможнымъ (*); Наполеонъ требовалъ, чтобы мы очистили Дунайскія княжества; предлагая возобновить мирныя сношенія, онъ присоединялъ къ предложенію обвиненіе и угрозу за

(*) Письмо это можно найти въ соч. Е. Ковалевскаго: «Война съ Турціею и разрывъ съ западными державами,» въ приложеніяхъ подъ № 8. Тамъ же помѣщенъ и отвѣтъ Императора Николая I.

пораженіе турецкаго флота при Синопѣ. Отвѣтъ Императора Николая, напечатанный въ нашихъ газетахъ, тоже ранѣе полученія его въ Парижѣ, былъ исполненъ достоинства. Въ немъ между прочимъ сказано: «когда Ваше Величество, недовольствуясь быть зрителемъ или даже посредникомъ, пожелали быть вооруженнымъ пособникомъ враговъ моихъ, тогда, государь, было бы гораздо прямѣе и достойнѣе васъ предварить меня о томъ откровенно, объявивъ мнѣ войну». Далѣе говорилось: «пусть вашъ флотъ ограничится удержаніемъ турокъ отъ доставленія новыхъ силъ на театръ войны, я охотно обѣщаю, что имъ нечего будетъ страшиться моихъ нападеній. Пусть они пришлютъ мнѣ уполномоченнаго для переговоровъ; я приму его съ надлежащимъ приличіемъ. Условія мои извѣстны въ Вѣнѣ. Вотъ единственное основаніе, на которомъ мнѣ позволено вести переговоры».

9 февраля послѣдовалъ Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Англіею и Франціею; а 28 марта (1854) послѣдовало объявленіе войны со стороны Франціи и Англіи. Англійское войско подъ начальствомъ Раглана и французское подъ начальствомъ маршала Сентъ-Арно высадились у Галлиполи; а флотъ союзниковъ вступилъ изъ Босфора въ Черное море и 10 (22) апрѣля бомбардировалъ Одессу, при оборонѣ которой отличился молодой артиллерійскій офицеръ Щеголевъ. Послѣ этого Императоръ Николай отдалъ приказаніе графу Паскевичу, принявшему главное начальство надъ Дунайскою арміею, перейти Дунай и осадить Силистрію. Встревоженная переходомъ русскихъ войскъ за Дунай, Австрія вышла изъ своего безразличнаго положенія и послѣ переговоровъ съ Портою отправила значительную армію въ Трансильванію, направившуюся для занятія Дунайскихъ княжествъ. Это вмѣшательство Австріи въ войну имѣло результатомъ своимъ то, что войска наши, не безопасныя съ тылу, должны были снять осаду Силистріи и отойти за Прутъ. Въ это же время Англо-французская флотилія, подъ начальствомъ Непира, показалась

въ Балтійскомъ морѣ; но подвиги ея ограничились здѣсь только плѣненіемъ купеческихъ судовъ, сожженіемъ запасовъ лѣсу на финляндскихъ берегахъ, да разрушеніемъ укрѣпленныхъ казармъ на Бомарзундѣ, одномъ изъ Аландскихъ острововъ. Совершенно такой же характеръ имѣли дѣйствія англійскаго флота на Бѣломъ морѣ и въ Камчаткѣ.

Послѣ занятія австрійцами дунайскихъ княжествъ, бывшихъ доселѣ главнымъ театромъ войны и послѣ оказавшейся невозможности для англо-французскихъ войскъ проникнуть въ сѣверномъ направленіи въ предѣлы Россіи, въ Варнѣ былъ собранъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса, съ какой стороны начать наступательное движеніе: со стороны ли Закавказья или Крыма? Первый планъ предложили англійскіе военноначальники, разсчитывавшіе такимъ нападеніемъ отрѣзать Россію отъ Персіи. Второй планъ принадлежалъ французскому маршалу Сентъ-Арно, который предлагалъ осадить военную гавань Севастополь; съ мнѣніемъ его согласился и Рагланъ, такъ какъ истребленіе русскаго флота на Черномъ морѣ было главною цѣлью англійской политики.

Союзное войско, доходившее до 62 тыс. высадилось 1 (13) сент. у Евпаторіи. Чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему ихъ движенію, кн. Меньшиковъ занялъ 30 тыс. войскомъ крѣпкую позицію при р. Альмѣ надѣясь задержать здѣсь непріятеля до тѣхъ поръ, пока не подоспѣетъ къ нему подкрѣпленіе. До 8 (20) сент. онъ отстаивалъ свою позицію; но когда французскія войска (зуавы), подъ начальствомъ генерала Боскэ, обошли его лѣвое крыло, Меньшиковъ долженъ былъ отступить. Потопивъ корабли и фрегаты въ Севастопольской бухтѣ и оставивъ гарнизонъ въ севастопольской крѣпости, онъ двинулся на сѣверъ, чтобы сохранить связь съ Перекопомъ и остальною Россіею. Это движеніе нашихъ войскъ къ Перекопу облегчило непріятелямъ занятіе выгодной позиціи, прикрытой, со стороны суши долиною рѣки Черной, а съ юга, имѣвшей посредствомъ Балаклавской бухты непосредственную связь съ ихъ флотами. Отсюда Сентъ-Арно

думалъ повести осаду Севастополя; но болѣзнь принудила его сдать главное начальство генералу Канроберу, подъ командою котораго и началась знаменитая въ исторіи военнаго искусства осада Севастополя. Оборона Севастополя не менѣе замѣчательна. Инженеръ нашъ Тодтлебенъ, возвысившійся во время осады до званія генералъ-адъютанта, укрѣпилъ южную сторону шанцами и окружилъ съ необычайною скоростью городъ такими укрѣпленіями, которыя могли быть взяты не иначе, какъ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Бомбардированіе, открытое союзниками (5 (17) окт.) со стороны суши и моря, не причинило никакого вреда крѣпости. Къ сожалѣнію, въ этой борьбѣ русскіе потеряли храбраго генерала Корнилова. Въ то же время наши войска не переставали дѣйствовать наступательно и дѣлали нападенія на непріятеля и внѣ города. Такъ Липранди разбилъ англичанъ при Балаклавѣ 13 (25) окт.; а Данненбергъ напалъ на англичанъ при Инкерманѣ 24 окт. (5 ноября); онъ успѣлъ уже ворваться въ самый ихъ лагерь, но появленіе генерала Боскэ на помощь союзникамъ разстроило его планъ и заставило отступить, между тѣмъ, какъ русскія войска, на подмогу которыхъ разсчитывалъ Данненбергъ, опоздали своимъ прибытіемъ. Наступившая зима прекратила на время военныя дѣйствія (до янв. 1855), чему помогла и дипломатія, но ея стремленія примирить враждующія стороны не только не привели къ желаемому успѣху, но еще увеличили число враговъ Россіи: въ январѣ 1855 г. Сардинія приступила къ союзу западныхъ державъ. Сардинскій король отправилъ въ Крымъ 15 тыс. отборнаго войска подъ начальствомъ генерала Ламарморы, такъ что вмѣстѣ съ прибывшими подкрѣпленіями изъ Франціи и Англіи, къ январю 1855 подъ Севастополемъ количество союзныхъ войскъ возрасло до слѣдующихъ цифръ: французскаго войска—100 тыс., англійскаго—32 тыс., турецкаго—28 тыс. и сардинскаго — 15 тыс.; всего 175 тыс. Русскій генералъ Врангель сдѣлалъ нападеніе на Турокъ 5 (17) февр., *но не* имѣлъ успѣха. Это извѣстіе было послѣднимъ, кото-

рое получилъ съ театра войны Императоръ Николай. Онъ скончался 18 февраля (2 марта) 1855 г. отъ паралича въ легкихъ.

Преемникъ его, нынѣ благополучно царствующій Императоръ Александръ II, не смотря на все свое миролюбіе, для поддержанія народной чести, продолжалъ войну съ напряженіемъ всѣхъ силъ. На мѣсто кн. Меньшикова, главнокомандующимъ войсками въ Крыму былъ назначенъ кн. Горчаковъ, а на мѣсто Реада, который командовалъ въ Закавказьи послѣ выхода въ отставку кн. Воронцова, поставленъ былъ генералъ Муравьевъ. Осада и оборона Севастополя возобновилась съ удвоенными силами 25 марта (6 апрѣля). Двухнедѣльное бомбардированіе города и на этотъ разъ не имѣло успѣха, благодаря инженерному искусству Тотлебена, который сооружалъ такія препятствія осаднымъ работамъ французскаго генерала Ніэля, что осада становилась съ каждымъ днемъ затруднительнѣе и кровопролитнѣе. Вслѣдствіе этого Канроберъ былъ смѣненъ и сдалъ начальство генералу Пелисье; флоты же союзниковъ получили приказаніе обратить свои силы на незащищенныя мѣстности: они вступили въ Азовское море, сожгли нѣсколько приморскихъ городовъ съ заготовленными запасами хлѣба и до основанія разрушили Керчь, разграбивъ при этомъ городской музей древностей; съ такою же цѣлью и съ такими же результатами снова появились и дѣйствовали флотиліи союзниковъ въ Балтійскомъ и Камчатскомъ моряхъ. Такъ напр. всѣ военные подвиги Дондаса, назначеннаго на мѣсто Чарлса Непира, ограничились въ Балтійскомъ морѣ сожженіемъ нѣсколькихъ домовъ и магазиновъ въ Свеаборгѣ.

6 (18) іюня, въ день Ватерлооскаго сраженія, Пелисье сдѣлалъ второй приступъ къ Севастополю со всѣми силами, но и на этотъ разъ союзники не имѣли успѣха и понесли значительныя потери (*). Несмотря на ежедневныя битвы и

(*) Во время этого приступа былъ убитъ адмиралъ Нахимовъ 29 іюня (11 іюля) 1855 года.

огромную убыль войска по причинѣ распространившейся холеры, союзники подвигали свои траншеи и мины все ближе и ближе къ крѣпости. Чтобы помѣшать непріятельскимъ работамъ, кн. Горчаковъ повелъ атаку на позицію союзниковъ съ Черной рѣчки подъ начальствомъ генераловъ Реада и Липранди. Смерть генерала Реада, пораженнаго пулею, произвела разстройство въ войскѣ и помѣшала успѣху битвы, въ началѣ которой перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ 4-го (16) авг. На другой день послѣ сраженія при Черной рѣчкѣ, Пелисье снова открылъ бомбардированіе крѣпости. Съ этого момента, въ теченіи 20 дней почти не прекращался непріятельскій огонь: цѣлыя тучи бомбъ, гранатъ и ядеръ были пущены въ городъ и причинили столько поврежденій въ крѣпости, что кн. Горчаковъ убѣдился въ невозможности удержать городъ въ случаѣ новаго приступа. Подведя мины подъ всѣ укрѣпленія, чтобы ничего не оставлять побѣдившему непріятелю, главнокомандующій распорядился, для удобнѣйшаго перехода нашихъ войскъ на сѣверную сторону Севастополя, построить пловучій мостъ. Дѣйствительно 27 августа (8 сентября) въ 12 часовъ дня, союзники прекратили канонаду, начали приступъ, направленный преимущественно на Малаховъ курганъ, и послѣ упорнаго сопротивленія завладѣли имъ; (между тѣмъ, какъ нападеніе англичанъ на Редантъ было отбито русскими). Съ паденіемъ Малахова кургана, палъ и Севастополь. Покинувъ ночью южную часть города, Горчаковъ отдалъ приказаніе перейти войскамъ въ сѣверную часть по построенному черезъ бухту пловучему мосту; послѣ чего мостъ былъ уничтоженъ, корабли затоплены въ бухтѣ, а всѣ укрѣпленія взорваны на воздухъ. Такъ кончилась осада Севастополя. Взятіе этой крѣпости не доставило никакихъ значительныхъ выгодъ союзникамъ, кромѣ чести побѣды, потому что кн. Горчаковъ удержался въ неприступной позиціи на сѣверной сторонѣ Севастополя.

Въ это время дѣла наши на Азіатскомъ театрѣ войны

шли чрезвычайно успѣшно: Муравьевъ принудилъ Васифа-пашу сдать крѣпость Карсъ 15 (27 ноября).

Паденіе Севастополя и взятіе Карса имѣли огромное вліяніе на окончаніе войны и заключеніе міра. Какъ Наполеонъ III, довольный успѣхами своихъ войскъ въ Крыму, такъ и Императоръ Александръ II, вознагражденный за Севастополь взятіемъ Карса, согласились на мирные переговоры. Они открылись на конгрессѣ, собравшемся въ Парижѣ — въ февралѣ 1856 г. Предсѣдательствовалъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Валевскій; Россія послала на конгрессъ гр. Орлова, Австрія—гр. Буоля, Сардинія—Кавура, Англія—лорда Кларендона, Порта—Али-пашу; тутъ также присутствовали и посланники учавствовавшихъ въ конгрессѣ державъ; потомъ, когда на совѣщаніяхъ зашла рѣчь объ измѣненіи существующихъ трактатовъ,—Пруссія также прислала своего уполномоченнаго — графа Мантейфеля.

Результатомъ конгресса былъ Парижскій миръ, подписанный 18 (30) марта 1856 г. Условія его—слѣдующія: 1) Россія отказалась отъ устьевъ Дуная и небольшой части Бессарабіи и возвратила Карсъ, получивъ обратно разрушенный Севастополь и другіе занятые союзными войсками пункты. 2) Она обязалась не заводить никакихъ морскихъ арсеналовъ на Черномъ морѣ и содержать на немъ число военныхъ кораблей, не болѣе Турціи. 3) Порта, сохраненіе цѣлости которой было признано всѣми, обязалась уравнять христіанъ въ правахъ съ мусульманами и обѣщать реформы, которыя придали бы ей болѣе европейскій характеръ. 4) Дунайскія княжества и христіане на востокѣ, бывшія до сихъ поръ подъ исключительнымъ покровительствомъ Россіи, долженствовали впредь состоять подъ общимъ протекторствомъ великихъ державъ и 5) судоходство по Дунаю, объявлялось свободнымъ.

Россія вынесла изъ Крымской войны осязательное сознаніе собственныхъ недостатковъ, которыя замѣчены были какъ въ военныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ гражданскомъ порядкѣ,

и потому вся внутренняя дѣятельность нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра II направилась на устраненіе этихъ недостатковъ посредствомъ коренныхъ реформъ (см. гл. XXI).

«Война эта указала намъ наши слабыя стороны. Обновленная внутреннею жизнію, Россія стала сильнѣе и сила ея сплотилась, окрѣпла, сдѣлалась надежнѣе, чѣмъ была прежде.»

Вскорѣ послѣ окончанія Крымской войны владѣнія Россіи значительно расширились пріобрѣтеніемъ Приамурскаго края (1858) и окончательнымъ покореніемъ восточной части Кавказа (1859) и западной части въ 1864 году. Взятіе Гуниба и плѣненіе имама Шамиля княземъ Барятинскимъ положило конецъ этой полу-вѣковой борьбѣ нашей съ горцами кавказскаго и Закавказскаго края (*).

Глава XXI.

Реформы Императора Александра II.

Нынѣшнее благополучное царствованіе замѣчательно рядомъ реформъ, которыя кореннымъ образомъ измѣнили гражданскій бытъ русскаго народа.

Первое мѣсто въ ряду этихъ реформъ безспорно принадлежитъ отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія.

Благодаря ей двадцать слишкомъ милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ сдѣлались полноправными гражданами и вызваны къ новой жизни.

Предшествовавшія царствованія не оставались также чуждыми вопросу объ отношеніяхъ крѣпостныхъ крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ. Такъ Императоръ Александръ I издалъ постановленіе о свободныхъ хлѣбопашцахъ, а Николай I — постанов-

(*) Начало кавказской войны относится къ концу XVIII ст.; когда *Грузинское царство* вступило въ подданство Россіи, кавказскій хребетъ *очутился между русскими* владѣніями.

леніе объ обязанныхъ крестьянахъ. Но, къ сожалѣнью, обѣ мѣры были мѣрами палліативными и большаго распространенія не получили.

До обнародованія положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, вопросъ объ этой реформѣ предварительно обсуждался въ губернскихъ комитетахъ, членами которыхъ были лица избранныя дворянскимъ обществомъ каждой губерніи; затѣмъ всѣ предположенія были соглашены и сведены въ систему въ главномъ комитетѣ. То, что было выработано въ главномъ комитетѣ, окончательно уже разсматривалось въ Государственномъ Совѣтѣ.

19 февраля 1861 года обнародованъ былъ манифестъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія. Въ силу его, крѣпостные крестьяне на вѣчныя времена освобождены отъ прежней крѣпостной зависимости и имъ даны права свободныхъ земскихъ обывателей. Помѣщики сохранили право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ они обязывались уступить крестьянамъ ихъ усадебную осѣдлость и извѣстное количество пахатной земли. За этотъ поземельный надѣлъ, крестьяне въ продолженіи извѣстнаго срока обязаны исполнять относительно помѣщика опредѣленныя повинности.

Но если крестьяне пожелаютъ, то имъ предоставляется право выкупить ихъ усадебную осѣдлость. Съ выкупомъ прекращаются вполнѣ всѣ обязанности ихъ по отношенію къ помѣщикамъ.

Дворовые люди черезъ 2 года послѣ изданія манифеста получаютъ полное освобожденіе. Вотъ главныя черты великой реформы.

Правительство, находя что такая многосложная реформа какъ крестьянская не можетъ быстро осуществиться, опредѣлило на приведеніе ея въ дѣйствіе 2-лѣтній срокъ. Въ теченіи этого времени въ каждой губерніи должны были открыться «Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія»; этимъ присутствіямъ ввѣрялось главное завѣдываніе дѣлами крестьянскихъ обществъ. Разбирательство же всѣхъ могущихъ

возникнуть споровъ между помѣщиками и крестьянами поручалось выборнымъ лицамъ «мировымъ посредникамъ».

Изъ мировыхъ посредниковъ составились въ каждомъ уѣздѣ мировые съѣзды.

Затѣмъ, новыя сельскія общества образовали изъ себя волости. Дѣлами волости завѣдуетъ волостное правленіе, при которомъ открываются и волостные суды.

Въ теченіи 2-лѣтняго срока составляются, повѣряются и утверждаются по каждому сельскому обществу или имѣнію «уставныя грамоты», въ которыхъ съ точностью должно быть опредѣлено количество земли отходящей къ крестьянамъ и также и повинностей причитающихся на долю помѣщика.

Суммы, получавшіяся отъ отдачи на откупъ права продажи питей, составляли всегда одинъ изъ главныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ. Правительство получало доходъ этотъ, отдавая въ Великороссійскихъ губерніяхъ на откупъ права продажи напитковъ, а въ западныхъ губерніяхъ не только самое право продажи, но и право взиманія акциза съ винокуренія. Время убѣдило правительство, что система откуповъ крайне неудовлетворительна и весьма тяжело ложится на народъ, такъ какъ при отсутствіи конкурренціи отъ откупщика зависѣло и назначеніе произвольныхъ цѣнъ за напитки, и самое ихъ качество.

Вслѣдствіе этого указомъ 4-го іюля 1861 года повелѣно: съ января 1863 года ввести въ дѣйствіе *акцизную систему* взиманія питейнаго сбора съ совершеннымъ устраненіемъ откуповъ. По этой системѣ доходъ съ питей въ пользу казны получается въ видѣ: а) акциза со всего количества питей, производимыхъ на заводахъ и б) патентнаго сбора, взимаемаго при выдачѣ патентовъ на право *производства* напитковъ или на право *торговли* ими. Акцизу подлежатъ: спиртъ и вино, выдѣланные изъ хлѣба, картофеля, свекловицы, и сарго; водки, выдѣланныя изъ виноградныхъ винъ, винограда, фруктовъ и свеклосахарныхъ остатковъ; портеръ, пиво и медъ, приготовленные въ Россіи, и брага, приготовляемая на особо

[illegible]

[illegible]

[illegible]

мальностяхъ и на процедурѣ письменной; отличительное же свойство новаго суда—устность и гласность. Неудовлетворительность стараго порядка суда обратила на себя вниманіе правительства еще въ 1848 году. Покойный Императоръ Николай I-й поручилъ стат.-секретарю гр. Д. Н. Блудову составить записку о тѣхъ недостаткахъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ, причиною которыхъ была иногда чрезвычайная медленность въ теченіи самыхъ дѣлъ. Записка была составлена и вслѣдъ за тѣмъ на Второе Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи была возложена обязанность составить новый проектъ устава гражданскаго судопроизводства.

Нынѣ-царствующій Государь-Императоръ, находя необходимымъ кореннымъ образомъ переобразовать судебный порядокъ, въ 1861 году возложилъ на Государственную Канцелярію и нѣкоторыхъ лицъ судебнаго вѣдомства составленіе тѣхъ основныхъ положеній, которыя должны служить краеугольнымъ камнемъ для всей будущей судебной реформы.

«Основныя положенія преобразованія судебной части въ Россіи» по разсмотрѣніи ихъ въ соединенныхъ Департаментахъ Государственнаго Совѣта были утверждены Государемъ Императоромъ 29 сентября 1862 года. Затѣмъ при Государственной Канцеляріи была учреждена особая коммиссія для разработки основныхъ положеній. Коммисія раздѣлилась на три особыхъ отдѣла: а) отдѣлъ судоустройства, б) уголовнаго судопроизводства и в) гражданскаго судопроизводства.

Для болѣе успѣшнаго выполненія своего дѣла коммисія обратилась съ просьбою о доставленіи соображеній ко всѣмъ лицамъ судебнаго вѣдомства, которымъ могли быть хорошо знакомы мѣстныя условія различныхъ губерній Россіи; обратилась съ тѣмъ же къ професорамъ юридическихъ наукъ и наконецъ напечатала въ газетахъ приглашеніе объ оказаніи содѣйствія ея работамъ со стороны всѣхъ лицъ заинтересованныхъ дѣлами судебной реформы. Всѣ присланныя соображенія тщательно разсматривались и изъ нихъ составился «*сводъ замѣчаній* и предположеній на статьи основныхъ

положеній». Кромѣ этого собраны были необходимыя статистическія свѣдѣнія для приведенія самой реформы въ дѣйствіе.

Въ началѣ 1864 года коммисія представила на обсужденіе Государственнаго Совѣта три проекта: а) учрежденія судебныхъ мѣстъ, б) уставъ уголовнаго судопроизводства и в) уставъ гражданскаго судопроизводства.

Министръ Юстиціи, главноуправляющій Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи и другіе министры въ тоже время представили въ Государственный Совѣтъ свои замѣчанія на проекты, составленные коммиссіею. Соединенные департаменты Государственнаго Совѣта, разсмотрѣвъ проекты, возвратили ихъ въ коммиссію для исправленія и затѣмъ исправленные проекты были разсмотрѣны еще въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта.

20 ноября 1864 года проекты были утверждены Государемъ Императоромъ, а 17 апрѣля 1866 года былъ открытъ С.-Петербургскій судебный округъ и вслѣдъ за тѣмъ и Московскій. На основаніи судебныхъ уставовъ 1864 г. власть судебная принадлежитъ—мировымъ судьямъ, съѣздамъ мировыхъ судей, окружнымъ судамъ, судебнымъ палатамъ и Правительствующему Сенату въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда.

Мировой судья есть власть единоличная; съѣзды мировыхъ судей, окружные суды, судебныя палаты и Сенатъ — учрежденія коллегіальныя. Власть мироваго судьи, съѣзда, окружнаго суда и судебной палаты ограничивается особыми участками и округами. Власть Сената распространяется на всю Имперію.

Въ качествѣ обвинителей по уголовнымъ дѣламъ, при судебныхъ мѣстахъ, состоятъ оберъ-прокуроры, прокуроры и ихъ товарищи. Эти лица, въ случаяхъ закономъ опредѣленныхъ, даютъ свое заключеніе и по дѣламъ гражданскимъ. Для занятія дѣлами, по избранію и порученію тяжущихся и обвиняемыхъ, при судебныхъ мѣстахъ, состоятъ «присяжные повѣренные». Эти лица въ чертѣ округа каждой судебной палаты избираютъ изъ среды себя совѣтъ, состоящій изъ 5-ти до 15-ти членовъ.

Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ главнымъ образомъ занимается разсмотрѣніемъ прошеній лицъ, желающихъ вступить въ присяженые повѣренные, наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ присяжными повѣренными ихъ обязанностей, разбираетъ жалобы частныхъ лицъ въ этомъ отношеніи и назначаетъ по очереди повѣренныхъ для хожденія по дѣламъ лицъ, пользующихся на судѣ правомъ бѣдности.

Къ составу суда уголовнаго въ тѣхъ дѣлахъ, за которые въ законѣ положены наказанія, соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, присоединяются «присяжные засѣдатели», которые разрѣшаютъ вопросъ о виновности или невинности подсудимыхъ на основаніи совѣсти и внутренняго убѣжденія.

Слѣдствія уголовныя производятся «судебными слѣдователями».

Гражданскія рѣшенія судовъ приводятся въ исполненіе «судебными приставами».

Мировые судьи избираются всѣми сословіями и утверждаются правительствомъ. Для избранія необходимо имѣть: не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, получить образованіе въ высшемъ или среднемъ заведеніи, не быть опороченнымъ по суду и имѣть установленный цензъ—въ видѣ недвижимаго имущества.

Присяжные засѣдатели назначаются изъ всѣхъ сословій установленнымъ порядкомъ.

Прочія должностныя лица судебнаго вѣдомства назначаются правительствомъ.

Мировые судьи, члены окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ, Правительствующаго Сената не могутъ быть увольняемы безъ прошенія и переводимы изъ одной мѣстности въ другую безъ ихъ согласія.

Мировому судьѣ подсудны гражданскіе иски не свыше 500 руб. Выше 500 руб. онъ можетъ разбирать дѣла лишь въ томъ случаѣ, если обѣ стороны будутъ просить о рѣшеніи дѣла по совѣсти. Такого рода дѣла апелляціи не подлежатъ.

Въ уголовномъ порядкѣ мировому судьѣ подлежатъ тѣ проступки за которые опредѣлены особымъ уставомъ выговоры, замѣчанія, денежный штрафъ не свыше 300 руб., арестъ не свыше 3 мѣсяцевъ и тюремное заключеніе не свыше года.

На рѣшеніе мировыхъ судей въ гражданскихъ дѣлахъ ниже 30 руб., и въ уголовныхъ менѣе 3 дней ареста и 15 руб. штрафа, могутъ быть приносимы кассаціонныя жалобы (т. е. жалобы на несоблюденіе формъ, неправильное примѣненіе закона и т. п.) съѣзду.

Всѣ остальныя дѣла подсудны окружнымъ судамъ и судебнымъ палатамъ.

Судебная палата во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ и нѣкоторыхъ уголовныхъ составляетъ аппеляціонную инстанцію для окружныхъ судовъ и округа.

Наконецъ въ Правительствующій Сенатъ приносятся кассаціонныя жалобы на съѣзды мировыхъ судей, окружные суды и судебныя палаты.

Рѣшенія Сената, какъ составляющія толкованіе смысла закона, печатаются во всеобщее свѣдѣніе и обязательны для судебныхъ мѣстъ.

Засѣданія судебныхъ мѣстъ, кромѣ ограниченныхъ случаевъ, происходятъ публично. Существенная стороны судебныхъ разбирательствъ происходятъ на словахъ (письменность ограничена необходимыми краткими протоколами о томъ, что въ судѣ происходило).

Мировой судъ есть по преимуществу судъ по совѣсти. Процедура самаго суда гораздо проще, нежели въ судахъ окружныхъ и судебныхъ палатахъ. Въ гражданскихъ дѣлахъ мировой судья можетъ даже основывать рѣшеніе на основаніи мѣстнаго обычая, если таковой только не противорѣчитъ общему духу законодательства.

Въ настоящее время судебная реформа введена въ округахъ Петербургскомъ, Московскомъ и Харьковскомъ (что составляетъ 16 губерній).

Кромѣ того она вводится на Кавказѣ. Здѣсь, впрочемъ,

вслѣдствіе мѣстныхъ условій, судебные уставы нѣсколько разнятся отъ уставовъ Имперіи — такъ напримѣръ: мировые судьи назначаются отъ правительства, они имѣютъ помощниковъ, подчинены окружнымъ судамъ, и т. п.

Въ началѣ 1867 года введенъ въ дѣйствіе *новый военно-судебный уставъ*. Существенное различіе этого устава отъ уставовъ 1864 г. заключается въ томъ, что всѣ суды военнаго вѣдомства—установленія коллегіальныя, они вѣдаютъ только дѣла уголовныя, во всѣхъ случаяхъ разрѣшаютъ дѣла безъ присяжныхъ засѣдателей и подсудимый по дѣламъ, подлежащимъ полковому суду, не можетъ имѣть защитника. Власть судебная принадлежитъ полковымъ судамъ, военно-окружнымъ судамъ и главному военному суду въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда.

Въ качествѣ обвинителей при военно-судебныхъ мѣстахъ состоитъ главный военный прокуроръ, товарищи его, военные прокуроры и ихъ помощники.

Военному суду подлежатъ воинскіе чины сухопутнаго вѣдомства за преступленія и проступки, совершонные во время состоянія на дѣйствительной службѣ. Лица гражданскаго вѣдомства предаются военному суду исключительно въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи. Наконецъ въ исходѣ 1867 года введено въ дѣйствіе *положеніе о нотаріальной части*. На основаніи этого положенія совершеніе для желающихъ всякаго рода актовъ, засвидѣтельствованіе, явки актовъ, принятіе на храненіе документовъ отъ частныхъ лицъ, утвержденіе актовъ о недвижимыхъ имуществахъ и т. п. возложено на нотаріусовъ и старшихъ нотаріусовъ.

8-го января 1864 года былъ обнародованъ *указъ о введеніи въ Россіи земскихъ учрежденій*. Этимъ указомъ Россіи даровано право распоряжаться земскимъ хозяйствомъ чрезъ выборныхъ людей, обсуждать нужды его, и въ случаяхъ надобности обращаться къ правительству съ ходатайствами о способахъ къ улучшенію экономическаго положенія различныхъ мѣстностей.

Мысль эта ясно выражена въ указѣ данномъ Правительствующему Сенату 1 января 1864 года. Указъ говоритъ: «признавъ за благо призвать къ ближайшему участію въ завѣдываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и каждаго уѣзда мѣстное ихъ населеніе посредствомъ избираемыхъ отъ онаго лицъ, Мы повелѣли министру внутреннихъ дѣлъ составить на указанныхъ Нами началахъ проекты постановленій объ устройствѣ особыхъ земскихъ, для завѣдыванія упомянутыми дѣлами, учрежденій».

Вѣдѣнію земскихъ учрежденій подлежатъ въ каждой губерніи и уѣздѣ слѣдующія дѣла: завѣдываніе имуществами, капиталами, и денежными сборами земства, устройство и содержаніе зданій и путей сообщенія, содержимыхъ на счетъ земства, народное продовольствіе, завѣдываніе земскими благотворительными заведеніями, земское взаимное страхованіе имуществъ, принятіе мѣръ къ развитію торговли и промышленности, народнаго образованія, къ прекращенію нищенства, падежей скота, эпидемій, раскладка, взиманіе и расходованіе мѣстныхъ сборовъ для удовлетворенія потребностей губерніи или уѣзда и т. п.

Кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій ограничивается предѣлами подвѣдомственныхъ губерніи или уѣзда. Земскія учрежденія въ кругу дѣлъ, имъ ввѣренныхъ, дѣйствуютъ самостоятельно. За всякое превышеніе власти, члены земскихъ учрежденій подвергаются законной отвѣтственности. Губернаторъ имѣетъ право остановить исполненіе тѣхъ постановленій земскихъ учрежденій, которыя противны законамъ и общимъ государственнымъ пользамъ.

Земскія учрежденія раздѣляются на уѣздныя и губернскія.

Уѣздныя земскія учрежденія состоятъ изъ «уѣзднаго земскаго собранія» и «уѣздной земской управы». Члены земскаго собранія называются «гласными» и избираются уѣздными землевладѣльцами, городскими и сельскими обществами. Чтобы быть избирателемъ и избраннымъ въ гласные необ-

ходимо имѣть извѣстную недвижимую собственность. Собраніе гласныхъ выбираетъ изъ своей среды — членовъ управы (3 лица), которымъ и поручается веденіе земскаго дѣла.

Всѣ гласные уѣздовъ составляютъ Губернское земское собраніе, избирающее изъ своей среды — членовъ Губернской управы. Выборъ производится на три года.

Уѣздныя и губернскія земскія собранія собираются для выслушанія отчета управъ и разрѣшенія различныхъ хозяйственныхъ вопросовъ ежегодно по одному разу.

Засѣданія уѣздныхъ собраній продолжаются 10 дней, а губернскихъ—20 дней.

Мы видѣли, что манифестъ 19 февраля 1861 года между прочимъ предоставилъ крестьянамъ — или извѣстное число лѣтъ отбывать помѣщикамъ опредѣленныя положеніемъ повинности за полученную въ надѣлъ землю, или разомъ прекратить такого рода отношенія посредствомъ выкупа.

Со стороны помѣщиковъ Царства Польскаго вмѣсто содѣйствія правительству въ этомъ отношеніи встрѣтилась оппозиція, а событія послѣдняго польскаго мятежа показали правительству всю необходимость разорвать обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ.

Вслѣдствіе этого манифестомъ 19 февраля 1864 г. повелѣно: земли, состоящія въ пользованіи крестьянъ признать ихъ полною собственностію. Крестьяне затѣмъ освобождены навсегда отъ всякаго рода повинностей. Всѣ иски о недоимкахъ по этимъ повинностямъ навсегда прекращаются. За пріобрѣтенную землю крестьяне обязаны вносить въ казну поземельный налогъ. Помѣщики и другія лица за упраздняемыя повинности получаютъ отъ казны вознагражденіе, размѣръ котораго опредѣляется особою «ликвидаціонною коммисіею». Въ указѣ этомъ кромѣ того подробно опредѣлены всѣ правила объ устройствѣ сельскихъ гминъ т. е. правила порядка управленія сельскими обществами.

КОНЕЦЪ.

ционя сегодняшнем обществамъ.

Устроитель сегодняшнаго пира т. е. [illegible] на первыя [illegible] этомъ вполнѣ толково подробно сообщенно [illegible] сферы [illegible] [illegible] [illegible]

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ (1815—1830).

ГЛАВА I.

Стр.

Вѣнскій конгрессъ; его постановленія и карта Европы 1815 г. 1
Устройство Германскаго союза 14
Конституціонныя движенія въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ. 21
Партія «молодой Германіи» 23

Карлсбадскія постановленія и дополнительный актъ Вѣнскихъ министерскихъ конференцій 25

ГЛАВА II.

Революціонныя движенія на Пиринейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ. 28
Фердинандъ VII. 29
Возстаніе войска въ Кадиксѣ. 31
Конгрессъ въ Веронѣ 34

Португалія подъ управленіемъ лорда Бересдорфа 35

Революціонныя движенія въ Неаполѣ, Сициліи и Сардиніи. 38
Тайное общество карбонаріевъ . . . . . —
Конгрессъ въ Троппау 41
Продолженіе конгресса въ Лайбахѣ. 43

ГЛАВА III.

Борьба Греціи за независимость 47
Гр. Каподистріа и Александръ Ипсиланти. 49
Возстаніе Майнотовъ и Аркадіевъ. 51

Стр.
Наваринскій бой 57
Основаніе Греческаго королевства . . . . . —

ГЛАВА IV.

Россія послѣ Вѣнскаго конгресса до кончины имп. Александра I. 58
Священный союзъ 60
Дарованіе конституціи Царству Польскому 62
Главнѣйшіе дѣятели второй половины царствованія Александра I. 67
Кончина императора Александра I. 72

ГЛАВА V.

Царствованіе императора Николая I. . . . . —
Восшествіе на престолъ 73
Война съ Персіею и Туркманчайскій миръ 78

ГЛАВА VI.

Турецкая война (1828—1829 г.) 82
Переходъ русскихъ войскъ черезъ Дунай 86
Переговоры и миръ въ Адріанополѣ 90

ГЛАВА VII.

Англія съ Вѣнскаго конгресса до кончины Георга IV . . 91
Министерство Кастлерс 93
Билль «о хлѣбномъ законѣ» 94
Эмансипація католиковъ (Ирландскій вопросъ) 96
Билль «о гнилыхъ мѣстечкахъ» 98
Георгъ IV и прогрессивное министерство Каннинга. . . . 99
Участіе Англіи въ Греческомъ вопросѣ 101

ГЛАВА VIII.

Франція съ Вѣнскаго конгресса до іюльской революціи . . . 103
Людовикъ XVIII . . . . . —
Учредительная хартія 104
Ультра-роялисты и либералы 106
Умерщвленіе герцога Беррійскаго и паденіе партіи либераловъ. 111
Правленіе Карла X и его внутренняя политика. 114
Походъ въ Алжиръ. 118
Іюльскіе ордоннансы 120

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ (1830—1848).

Стр.
Общій обзоръ событій втораго періода . . . 123

ГЛАВА IX.

Іюльская революція и правленіе Луи-Филиппа . . . 127
Избраніе Луи-Филиппа . . . 134
«Истинная хартія» . . . 137
Возстаніе рабочихъ въ Ліонѣ . . . 143
Покушенія легитимистовъ . . . 144
Банкетъ на Елисейскихъ поляхъ . . . 152
Отрѣченіе Луи-Филиппа . . . —
Внѣшнія отношенія Франціи при Луи-Филиппѣ . . . 153

ГЛАВА X.

Бельгійская революція . . . 157
Волненія въ Брюсселѣ . . . 161
Бельгійскій національный конгрессъ . . . 166
Лондонская конференція и признаніе независимости Бельгіи . 168

—

ГЛАВА XI (начало втораго выпуска).

Возстаніе поляковъ въ 1830 и 1831 г. . . . 1
Тайныя общества и волненія въ Варшавѣ . . . 8
Походъ графа Дибича . . . 14
Холера въ Москвѣ и Петербургѣ . . . 16
Сраженіе при Остроленкѣ . . . 18
Осада и взятіе Варшавы гр. Паскевичемъ . . . 19
Уничтоженіе Польской конституціи . . . 20

ГЛАВА XII.

Внутренняя дѣятельность имп. Николая съ 1830 по 1848 г. 21
Сводъ Законовъ и Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи . . . 23
Графъ Сперанскій . . . 24
Новыя постановленія о сословіяхъ . . . 28
Министерство Государственныхъ Имуществъ . . . 29
Народное просвѣщеніе . . . —
Отмѣна уніи . . . 30
Инвентарныя положенія . . . 34
Гр. Канкринъ и его дѣятельность . . . 35

ГЛАВА XIII.

Стр.
Волненія а) въ Швейцаріи, б) Италіи и в) Испаніи въ 1848 г. 36
а) Организація Швейцарскаго союза въ 1816 г. 37
Устройство Швейцаріи въ 1848 г. 42
б) Новыя покушенія карбонаріевъ въ Италіи 43
Избраніе Пія IX на папство 48
Его преобразованія. 49
Бѣгство папы въ Газту 53
Римъ—республика. 54
Помощь Франціи и возстановленіе папы на престолѣ 55
в) Междоусобная война въ Испаніи 56
Христиносы и Карлисты. 57
Эспартеро II и Нарваэсъ. 60

ГЛАВА XIV.

Англія въ правленіе Вильгельма IV и королевы Викторіи. 63
Торжество виговъ и либеральной партіи при Вильгельмѣ IV. —
Внѣшняя политика. 65
Усмиреніе Мехмеда-али 66
Недовѣріе къ русской политикѣ относительно восточнаго вопроса. 79
Королева Викторія. 74
Успокоеніе Ирландіи и билль объ уничтоженіи хлѣбныхъ законовъ. —

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ (1848—1856).

ГЛАВА XV.

Франція съ 1848 г. Объявленіе республики 80
Устройство «національныхъ мастерскихъ для рабочихъ. 85
Новое государственное устройство 97
Избраніе Луи-Наполеона президентомъ. 98
Coup d'état (2 дек. 1851) 102
Луи-Наполеонъ—императоръ французовъ 105
Родословная таблица фамиліи Бонапарте 107

ГЛАВА XVI.

Вліяніе іюльской революціи на Германію. 108
Нѣмецкіе радикалы и франкфуртское посягательство . . . —
Предпріятіе Пруссіи въ 1830 г. Таможенный союзъ (Zollverein) 111
Мартовская революція въ Германіи 1848 г. 113

Стр.
Мечты о Германскомъ парламентѣ 114
Соперничество Австріи и Пруссіи. Посредничество Россіи . 116
Конференція въ Ольмюцѣ и Дрезденѣ. Возстановленіе порядка, учрежденнаго на Вѣнскомъ конгрессѣ. 120

ГЛАВА XVII.

Прусская революція 1848 г. 121
Мартовскія волненія въ Берлинѣ . . . . . —
Національное собраніе и конституція 124
Участіе Фридриха IV Вильгельма въ дѣлахъ остальной Германіи 125

ГЛАВА XVIII.

Революція 1848 г. въ Австріи въ правленіе Фердинанда I. 126
Побѣда гр. Радецкаго при Кустоцци 129
Волненія венгерцовъ 130
Октябрскіе дни въ Вѣнѣ. 131
Вступленіе на престолъ Франца-Іосифа. 132
Возстаніе Венгріи; помощь Россіи и усмиреніе Венгріи . . . 133

ГЛАВА XIX.

Панславизмъ 134

ГЛАВА XX.

Крымская война. 915

ГЛАВА XXI.

Реформы Императора Александра II . . . . . —
Манифестъ 19 фев. 1861 г. объ отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія.
Отмѣна винныхъ откуповъ 161
Отмѣна тѣлесныхъ наказаній. 162
Новые судебные уставы . . . . . —
Земскія учрежденія. 167
Указъ о надѣлѣ польскихъ крестьянъ землею 169

Stanford University Libraries
3 6105 013 541 003

D
359
.G7
v.2

	DATE DUE		

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305